Кл 41/238

ПИСЬМА
А. С. СУВОРИНА

к В. В. Розанову

Кл 41/238

ПИСЬМА

А. С. СУВОРИНА

КЪ

В. В. РОЗАНОВУ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ УМИРАЮЩАГО А. С. СУВОРИНА
(НЕИЗДАННАЯ ФОТОТИПІЯ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
2165-66

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ИЗЪ ПРИПОМИНАНІЙ И МЫСЛЕЙ

ОБЪ

А. С. СУВОРИНѢ.

Изъ припоминаній и мыслей объ А. С. Суворинѣ.[1]

Не хочется говорить ничего систематичнаго. Буду говорить отрывками. Это соотвѣтственнѣе даже лицу, о которомъ говорю, соотвѣтственнѣе теперешней минутѣ.

Прежде—человѣкъ, физика, фигура. Почти всегда это впечатлѣніе: входишь по невысокой лѣстницѣ (2-й этажъ); открываешь безшумную дверь; (Василью):

— Можно?

— Пожалуйте! Пожалуйте!

Проходишь изъ большой передней въ темноватый проходъ между спальной и библіотекой. Библіотека—огромная комната, съ огромнымъ столомъ посерединѣ, на которомъ лежатъ книги и «такъ» и корешкомъ кверху: и около нихъ что-то копошится маленькая, почти крошечная старушка, N.,—сестра сотрудника Богачева. Она всегда тутъ. Имени ея никогда не запомнишь. Но она до такой степени всегда «тутъ»,

---

[1]) *Начало* этой статьи, съ нѣкоторыми пропусками, было помѣщено въ «Новомъ Времени» въ ближайшую по смерти А. С. Суворина недѣлю.

что ее знаешь давнимъ знаніемъ—и, вмѣсто здорованья, поцѣлуешь въ темя. Она подниметь глаза: это—тихіе глаза, и все лицо—умное, просвѣщенное. Она «убираетъ» библіотеку Алексѣя Сергѣевича, распредѣляетъ по классификаціи и составляетъ каталогъ.

Библіотека—великолѣпна. И огромна, и интересна,—по изданіямъ, по предметамъ. Вся почти изъ исторіи литературы. Хотя я разъ страннымъ образомъ встрѣтилъ тамъ «Творенія Кирилла Александрійскаго». Вообще тамъ много по «духовенству»: А. С. Суворинъ по матери—самъ изъ духовныхъ.

Идешь, и входишь въ полусвѣтлую (сзади) комнату. У самыхъ дверей большой прекрасный портретъ Новикова, съ этимъ его пальцемъ, такъ характерно отогнутымъ. Противъ дверей сейчасъ же огромный столъ съ новинками книгъ и журналовъ. Сколько разъ скажешь, чѣмъ-нибудь заинтересовавшись:

— Алексѣй Сергѣевичъ, я возьму эту книгу (т. е. въ собственность).

— Возьмите, батюшка.

Отсюда (изъ прохода—налѣво) кабинетъ, передняя стѣна котораго замѣнена однимъ огромнымъ стекломъ. Все-таки отъ множества книгъ и вещей въ кабинетѣ—въ немъ полу-темно, вѣрнѣе—недостаточно свѣтло. Влѣво—бронзовый бюстъ Пушкина, работы князя Паоло Трубецкого,—ему понравившійся на выставкѣ и подаренный сотрудниками. Множество столиковъ,—все заставлено чѣмъ-то, въ большинствѣ книгами. Книгъ—множество, онѣ—вездѣ,—частью громадные фоліанты. Бросается въ глаза Шекспиръ,—его любимецъ. Огромные портреты—его первой жены, умершей

дочери (Коломниной), Шекспира, Пушкина, Тургенева и Толстого. Еще чьи-то портреты, множество. Вообще «множественность» всего ложится на душу давящимъ впечатлѣніемъ. Слѣва, на половинѣ длины кабинета—всегда пылающій каминъ. А вонъ, дальше, и онъ.

Всегда я его помню собственно въ единственной позѣ: спина колесомъ и онъ внимательно ушелъ «въ столъ» (письменный, передъ стѣной и окномъ), читаетъ или (нѣсколько рѣже) пишетъ. Если пишетъ—«Маленькое письмо», но чаще читаетъ листъ завтрашняго набора (корректура завтрашняго нумера) или корректуру книги печатаемой. Очень часто я его заставалъ почему-то за корректурными листами Пушкина, и тутъ «свѣрочныя» изданія: онъ копался около строкъ Пушкина, его выраженій, и проч. Пушкинъ былъ его Солнцемъ литературы. Онъ съ нимъ совершенно никого не сравнивалъ, никого не приближалъ къ Пушкину. Изъ множества мелькающихъ разговоровъ о Пушкинѣ я могъ бы, мнѣ кажется, вывести это впечатлѣніе о *мотивѣ* такого исключительнаго отношенія къ Пушкину:

«— Пушкинъ *все зналъ* и *все понималъ*. Въ умѣ его не было ничего дробнаго, частнаго и пристрастнаго. Полная *закругленность*, полная *всеобъемлемость*. Столь же замѣчательно рѣдко *его сердце*. Пушкинъ есть полная правда, и у него нѣтъ ни одной строки, а въ жизни не было ни одного отношенія, куда примѣшивалась хотя бы частица вольной и даже невольной лжи, притворства, ломанья или позы. Величіе правды Пушкина заливаетъ все».

Въ это опредѣленіе я не вношу ничего своего, «Розановскаго». Это, по припоминаніямъ, мелькнуло мнѣ

разрозненно въ рѣчахъ Алексѣя Сергѣевича. Я только крупинки смёлъ вмѣстѣ, въ кучку (въ опредѣленіе).

Въ Шекспирѣ его поражала колоссальность творческаго воображенія. Шекспира онъ ставилъ гораздо выше Толстого, и умнѣе, и геніальнѣе. Я не помню его рѣчей о Гамлетѣ; помню, что какъ иллюстраціи Шекспировскаго генія мелькали у него «Король Лиръ» и вообще трагедіи *дѣйствія*, а не *размышленія*, характеры *мощи* человѣческой, а не человѣческаго ума.

Байрона, Шиллера и Гете,—самыхъ именъ у него въ разговорахъ со мною не мелькнуло. Какъ бы ихъ не было. Это или случайность разговоровъ, или сущность его отношенія. Вѣроятнѣе первое. Очевидно, однако, что эти «державшіе лиру» геніи человѣчества не зачаровали ума его тѣмъ неотстаннымъ очарованіемъ, изъ котораго льются невольныя, неудержимыя рѣчи,—какъ зачаровали Шекспиръ и Пушкинъ.

Отношеніе его къ Толстому было рѣзко двойственное. Онъ считалъ какъ бы русскою историческою святынею его «Войну и Миръ», и считалъ таковою не только за великія художественныя качества, но и за душу Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ», т. е. за чувство любви къ Россіи въ этомъ великомъ романѣ. Здѣсь, за эту великую любовь къ Родинѣ, онъ поклонялся Толстому до земли. Внѣ этого исключительнаго, выдѣленнаго отношенія къ исключительному произведенію, лежало—этажомъ ниже—его отношеніе къ другимъ художественнымъ произведеніямъ Толстого. Тамъ былъ алтарь, здѣсь—обыкновенное литературное отношеніе, «жилой домъ», «базаръ», суета, печать, литература.

Восхищеніе Суворина было восхищеніемъ мастера слова къ мастеру слова. Затѣмъ, еще ниже этажомъ, лежало отношеніе къ «общему въ Толстомъ», къ его жизни и лицу. Здѣсь было удивленіе къ силѣ и разнообразію этого лица, къ интересу и сложности этой жизни. Суворинъ во множествѣ разговоровъ около Толстого передалъ мнѣ очень много конкретнаго, частнаго, единичнаго; словъ покойныхъ братьевъ Толстого, имъ слышанныхъ; переданныхъ ему разговоровъ сестры-монахини; Софьи Андреевны и проч. Эти-то единичные разсказы о незамѣтныхъ, исчезающихъ штрихахъ въ личности Толстого заключались въ концѣ концовъ, или обобщались въ концѣ концовъ, въ отрицательное и иногда негодующее отношеніе къ Толстому. Суворинъ считалъ его, такъ сказать на днѣ всѣхъ глубинъ, въ самомъ «колодцѣ» души, необъятно честолюбивымъ человѣкомъ, человѣкомъ необъятнаго самолюбія, съ какимъ-то всепожирающимъ «я», которому онъ готовъ былъ принести въ жертву, и фактически принесъ въ жертву, Родину, ея святыни, ея исторію, ея завѣты. Въ Суворинѣ же постоянно сквозило это: «Мы *всѣ* относительны сравнительно съ Россіей, наше дѣло—*служить* ей, а не *господствовать* надъ нею». Почти: «самое право наше учить Россію очень ограниченно, и мы должны очень осторожно пользоваться этимъ правомъ»... «Мы можемъ предлагать Россіи, но не можемъ ничего ей навязывать».

Опять я здѣсь «собираю въ кучку» то, что мелькало у Суворина. Толстой былъ конечно геній, но и Суворинъ—очень умный человѣкъ, съ которымъ «посчи-

таться слѣдуетъ». Суворинъ былъ со страшно зоркимъ глазомъ человѣкъ, притомъ съ тою особенностью, что онъ эту «зоркость» никому не навязывалъ и скорѣе держалъ про себя. Но и не это только. Онъ слишкомъ много «видѣлъ на вѣку»,—людей, положеній, страстей, грѣховъ. И, видѣвъ громадную панораму, ничему (кромѣ «цѣлокупной Россіи») не отдалъ души и ума въ плѣнъ. Въ resumé всѣхъ многочисленныхъ бесѣдъ о Толстомъ, у меня осталось впечатлѣніе, которое я выражу, сказавъ то, что у меня не разъ мелькало въ умѣ, когда я выходилъ задумчиво изъ его кабинета:

«— Какъ странно!.. Въ Ясной Полянѣ—великій отшельникъ, съ непререкаемымъ во всемъ свѣтѣ нравственнымъ ореоломъ. Здѣсь... что такое этотъ «кабинетъ Суворина»: суета, шумъ, перекрещивающіяся впечатлѣнія, разговоры, точно «битва пигмеевъ» (существо газеты, существо «ежедневности») въ вихрѣ всемірной растолченности, всемірной раздробленности, всемірной пыли, грязи и вѣтровъ. Но въ этомъ «кабинетѣ» тоже сидитъ имѣющій свой тихій часъ человѣкъ, который только кажется, что отдастъ суетѣ «всего себя», но на самомъ дѣлѣ вовсе не отдастъ «всего себя» одной суетѣ. Отъ того, что около этого человѣка вращается всемірная суета, составился почти всеобщій взглядъ, да даже и рѣшительно всеобщій взглядъ, что и онъ самъ—суета, жрецъ «временнаго», съ душою не глубокой и грѣшной. До чего же поразительно это открытіе, которое вотъ я дѣлаю въ этихъ уединенныхъ бесѣдахъ, почти подслушалъ, почти подсмотрѣлъ, что

на самомъ дѣлѣ «суета суетъ», человѣкъ безъ нравственнаго выдающагося признанія за нимъ, гораздо превосходитъ чистотою простого и добраго, простого и благороднаго отношенія ко всѣмъ вещамъ міра, того угрюмаго и святого отшельника, того всемірнаго порицателя, отвергателя и критика».

Это было удивительно. «Что такое мнѣніе Суворина передъ Христомъ и Богомъ?» Казалось—ничего. «Мнѣніе Толстого передъ тѣми же Судіями?» —«О-о-о!» Во всякомъ случаѣ —«Много». Но я хочу, чтобы запомнился этотъ мой опредѣленный взглядъ, что это мнѣніе «странника въ суетѣ мірской» на самомъ дѣлѣ ближе къ Богу, ибо оно было неизмѣримо человѣчнѣе и какъ-то именно благороднѣе всемірными сочувствіями, а самое главное—своею натуральностью, своею правдой, своею естественностью, нежели то мнѣніе пророка, глашатая и постника (вегетаріанскій столъ и прочія «опрощенія»). И вышло это потому единственно, что одинъ въ тайнѣ все молится *себѣ*, можетъ быть отъ преизбыточества генія, а другой, и считая себя *относительнымъ*,—служитъ Невѣдомому Богу, который конкретно передъ нимъ мелькаетъ какъ *Родина*, *Земля*, *Суета* (даже).

Да,—Суворинъ поклонился *пыли*. Пыли, какъ частицамъ, отдѣлившимся ото всего въ мірѣ. Это былъ, пожалуй, пантеизмъ суеты. Но въ этомъ пантеизмѣ суеты есть кое-что и изъ христіанскаго смиренія. Тотъ-же какъ-то невольно поклонился Одиночеству и Угрюмости; въ которую, если навести подзорную

трубу въ ея религіозную даль, то увидишь одну огненную букву: «*я*», «Я».

Вотъ въ чемъ дѣло. Видѣлъ и свидѣтельствую. Много удивлялся и прихожу къ этому заключенію.

Совершенно исключительна была какая-то пѣшая любовь Суворина къ Чехову. Къ другимъ онъ питалъ интересъ; считалъ ихъ полезными Россіи, и т. д. Изъ всѣхъ этихъ сложныхъ отношеній выдѣлялась его любовь къ Чехову какъ *личности*,—и только; больше—къ *личности*, чѣмъ къ литератору, хотя онъ очень любилъ его и какъ литератора. Помню его встрѣчавшимъ гробъ Чехова въ Петербургѣ: съ палкой онъ какъ-то бѣгалъ (страшно быстро ходилъ), все браня нерасторопность дороги, неумѣлость подать вагонъ... Смотря на лицо и слыша его обрывающіяся слова, я точно видѣлъ отца, къ которому везли трупъ ребенка, или трупъ обѣщающаго юноши, безвременно умершаго. Суворинъ никого и ничего не видѣлъ, ни на кого и ни на что не обращалъ вниманія, и только ждалъ, ждалъ... хотѣлъ, хотѣлъ... гробъ!!

Удивительно. Мнѣ кажется, если бы Антонъ Павловичъ сказалъ ему:—«Пришла минута, нуждаюсь въ квартирѣ, столѣ, сапогахъ, покоѣ и женѣ»,—то Суворинъ бы сказалъ ему:—«Располагайтесь во всемъ у меня». Буквально. Да я что-то такое и видѣлъ въ кусочкахъ, подсмотрѣлъ.

Чехова, въ литературномъ мірѣ давнемъ и новомъ, онъ больше всѣхъ любилъ.

Манера бесѣды—всегда одна: услышавъ (заглушаемые по ковру) шаги, онъ загибалъ голову... Сидѣлъ еще минуты двѣ-три. Вставалъ,—и разговоръ былъ на ходу, взадъ и впередъ по большому кабинету. Манера—величайшая живость... смѣхъ, тихій, небольшой, смѣхъ какой-то «въ увлеченіи»... припоминанія, факты, много фактовъ... факты въ отвѣтъ на мысли, факты какъ аргументъ мысли и пропедевтика къ мысли. Онъ совершенно никогда *не разсуждалъ*, не дѣлалъ умозаключеній. Силлогизмъ былъ созданъ безъ Суворина и не для Суворина. За 12 лѣтъ я не помню ни единаго его «сужденія», ни разу не слышалъ слова «слѣдовательно». И увѣренъ, что слова «слѣдовательно» не встрѣчается нигдѣ въ его сочиненіяхъ. Что же это была за рѣчь? Великолѣпіе знаній, наблюдательности, «приглядыванія къ людямъ», суроваго сужденія людей. Онъ бывалъ суровъ:

«— И сколько разъ, когда они гнели (угнетали) меня, хотѣли закрыть мою газету, я говорилъ въ себѣ: «Мерзавецъ! я *умнѣе тебя* и я *переживу тебя*!»

Со страшной силой удара въ «умнѣе» и «переживу».

Я удивился. Никогда такимъ не видалъ его.

«— Звонокъ (телефонъ). Приказаніе: «явиться въ кабинетъ министра внутреннихъ дѣлъ въ восемь часовъ утра».—Я старикъ: въ восемь часовъ утра!!

«... Вы поймете, что я не спалъ всю ночь. Въ восемь часовъ утра вхожу къ Сипягину. Черный, гнѣвный:

«— *Это* что такое?!»

«Подаетъ *Приложеніе* къ «Новому Времени».

«Беру. Смотрю. И говорю: «—Приложеніе за субботу» (или «среду», не помню въ разговорѣ).

«— А что *это*!?

«Указываетъ на портретъ.

«— Портретъ.

«— *Почему* вы его помѣстили?

«— Не знаю, почему. Редактируетъ «Приложенія» N. N.. я ихъ и не смотрю. (Прочелъ подпись) -«Да это же» (такой-то принцъ или принцесса), «должно быть въ связи со свадьбой помѣстили». Вообще—не знаю «почему», но безъ сомнѣнія есть основаніе».

— «Долго смотритъ на меня. Дѣйствительно убѣждается, что я не знаю «почему», а злоумышленія очевидно не было. Оказывается: съ этимъ заграничнымъ принцемъ была какая-то исторія, непріятная и для Петербурга, и Синягинъ вообразилъ, что я помѣстилъ портретъ его, чтобы оскорбить того-то и того-то, посмѣяться надъ тѣмъ-то и тѣмъ-то.

«— Они вообще набитые дураки. Въ (такомъ-то) году, въ подвальномъ этажѣ дома, гдѣ тогда помѣщалась редакція, отыскали не то заговоръ, не то бомбы. Что вышло изъ этого!!! Министерство внутреннихъ дѣлъ вѣрить не хотѣло, что это безъ моего вѣдома, даже вѣрить не хотѣло, чтобы я тутъ не принималъ какого-то участія. Сколько мнѣ стоило усилій развязаться съ этимъ. Они вѣчно ищутъ въ потьмахъ и хватаютъ кого-попало. Существованіе же газеты, въ прежнія времена, было такъ хрупко».

И онъ передавалъ много случаевъ: одинъ разъ только заступничество графа Дм. Ал. Толстого передъ

Государемъ Александромъ III спасло «Новое Время» отъ требованія каръ, чуть ли даже не закрытія, по настояніямъ берлинскаго правительства и германскаго посла въ Петербургѣ. Толстой сказалъ Государю: «Я не нахожу возможнымъ наложить на «Новое Время» никакой кары, потому что германскій министръ внутреннихъ дѣлъ не налагаетъ никакихъ каръ на нѣмецкія газеты (такія-то), тоже позволяющія себѣ неосторожныя выраженія по отношенію къ особѣ Вашего Величества».

Кажется, тогда былъ задѣтъ германскій государь.

— —

Въ сужденія свои онъ влагалъ иногда нѣчто физіологическое:

— Витте, я слышалъ, преспокойно можетъ забыть, что у него не перемѣнены (за недѣлю, должно быть) носки, и проходитъ двѣ недѣли въ грязныхъ носкахъ. На себя и свою обстановку онъ не обращаетъ никакого вниманія.

Это было въ общемъ разговорѣ (со многими), и онъ привелъ черту прытности, безпокойнаго движенія все впередъ и впередъ этого министра, гдѣ онъ забываетъ свой комфортъ и удобства. Суворинъ привелъ это съ большимъ одобреніемъ, и съ патискомъ въ мысли, что въ движеніяхъ министра и должно быть нѣчто «головокружительное», «на проломъ», «на штурмъ, хотя бы безъ сапогъ». Что министръ «сладкоѣжка» и любящій мягкія кресла—уже не дѣловой министръ.

Кстати, самъ Суворинъ въ прежніе годы ходилъ въ сѣроватомъ пиджакѣ, довольно заношенномъ; послѣдніе годы—въ пунцовомъ ватномъ халатѣ, надѣтомъ на бѣлье. Лучше бы — синій. Но это «какъ сшили».

Куда онъ ни отправлялся, ему въ чемоданъ, въ бѣлье, клался образокъ. «Вынимаешь бѣлье и всегда найдешь этотъ незамѣтно вложенный образокъ»,— говорилъ онъ мнѣ какъ-то любяще и благодарно. Увѣренъ, этотъ «образокъ» игралъ свое значеніе въ томъ, что онъ вообще не любилъ, когда говорятъ противъ Церкви. Допускалъ на страницы своей газеты,—но этому молча не сочувствовалъ. «Русь какъ стоитъ— пусть стоитъ». Это въ немъ говорилъ и государственный крестьянинъ (дѣдъ), и вошъ (отецъ), и это осталось въ журналистѣ.

Года четыре назадъ онъ сказалъ какъ-то мнѣ:

— Какъ хороши *утра* въ Петербургѣ. Эту зиму я встаю рано и выхожу гулять на Литейный. Попадается множество гимназистовъ и гимназистокъ: и бѣгутъ, бѣгутъ! Какіи милыя, здоровыя, веселыя лица.

Я почувствовалъ въ тонѣ: «Хороша наша Россія, и врутъ тѣ, что говорятъ, будто она гніетъ» (или опускается).

Какъ-то, вернувшись изъ Москвы, куда онъ непадолго зачѣмъ-то ѣздилъ:

— Тамъ носятъ *картузы*!! Москва ни о Петербургѣ, ни о всей Россіи ничего знать не хочетъ, и носитъ *картузъ*, который, я помню, видалъ въ юности своей, но вотъ уже лѣтъ тридцать ни на комъ не вижу...

И онъ смѣялся весело и одобрительно, и, какъ всегда, моментально увлекшись:

— Картузъ! картузъ! Что̀ такое шляпа? Это—чужое, подражанье. Настоящая русская *шапка*—конечно, картузъ...

О заграницѣ:

— Пріѣдешь въ Россію: грязь, соръ, вонь, неудобства. Проживешь недѣли двѣ, махнешь рукой—«Ничего!»—привыкнешь и не чувствуешь.

Еще:

— Салтыковъ пріѣхалъ изъ-за границы. Я поѣхалъ къ нему узнать впечатлѣніе. Говоритъ:—«Народу нѣтъ!»—«Какъ *народу* нѣтъ?!»—«Человѣка нѣтъ!»—«Какъ *человѣка* нѣтъ?!»—«Какіе же это люди,—мелюзга! Нѣтъ большого, крупнаго человѣка. Народъ пошелъ мелкій. Противъ насъ куда же это?» И передалъ, что при всей нелюбви къ жандармамъ онъ какъ доѣхалъ до границы—подошелъ къ громадному жандарму на русской границѣ-станціи и подарилъ ему три рубля, ничего не объясняя. «Потому что онъ большой». И Суворинъ заливался его прелестнымъ, хочется сказать—дѣтскимъ, смѣхомъ.

Послѣ прочтенія Менделѣева «Къ познанію Россіи»:

— Все мы жалуемся, каждый день, что ничего намъ не удается, во всемъ мы отстали. У Менделѣева я перечелъ цифры возрастанія территоріи Россіи (и, кажется, цифры промысловъ и населенія): за мою жизнь, вотъ 50 лѣтъ, какъ я оглядываюсь сознательно, Россія до такой степени страшно выросла, увеличи-

лась въ земляхъ и во всемъ, что едва вѣришь. Россія—страшно растетъ, а мы только этого не замѣчаемъ за хмуростью своей и «ежедневностью».

И мнѣ показалось это отсвѣтомъ многихъ дней и ночей, тысячъ дней и ночей,—когда этотъ невидимому «тихій старикъ» слѣдилъ изъ Эртелева переулка:

— «Растемъ-ли?» И даже—«Скоро-ли?» И горевалъ, и радовался, и унывалъ, и надѣялся.

Онъ былъ весь «въ ростѣ»: пожалуй, это его господствующая идея. Не «добро», не «нравственность», не «идеалъ совершенства»: а это физіологическое, солдатское и бабье, какъ-бы брюхатой бабы, чувство:

« – Больше! Больше ребятъ, больше хлѣба! Больше всего: ѣды, довольства, движенія, человѣческихъ головъ, земли, богатства, всего рѣшительно!»

Это—чувство хозяина; экономиста не «за книгами», а «въ дѣлѣ». Это есть то хлѣбное чувство роста, противъ котораго никогда не выстоять худощавому «прогрессу», который тараторитъ слова о немъ, и, въ то-же время, какъ чахоточный кашляетъ отъ всякаго движенія Родины, злится на всякій успѣхъ ея.

Внѣ этого чувства «роста Россіи» и *соотношенія съ нимъ* нельзя понять Суворина и онъ не представимъ въ самой фигурѣ своей, въ ежедневности своей. Съ этимъ я связываю одно замѣчаніе, почти подъ носъ себѣ сказанное,—стараго его сотрудника:

«— Суворинъ *всегда былъ прогрессивенъ*... Какъ могутъ говорить о его ретроградности: до сихъ поръ, до такихъ лѣтъ, онъ только и думаетъ о прогрессѣ всего, рѣшительно всего; думаетъ объ этомъ въ подроб-

постяхъ, въ частностяхъ, въ подмѣтности,—а не въ общихъ фразахъ, ни къ чему не относящихся».

Это было глубоко вѣрно. У «сотрудника» это сказалось какъ отложеніе 35-ти лѣтъ почти ежедневнаго изданія Суворина; я-же, знающій его полтора десятка лѣтъ и гораздо рѣже видал, схватилъ во вниманіе эти слова, какъ прекрасное и полное опредѣленіе. Сказано это было послѣ юбилея Суворина,—когда вездѣ печаталось, что «писатели не пришли къ нему сказать доброе слово, потому что онъ *ретроградъ*». Нужно сказать, что и Суворинъ относся глубоко спокойно къ этому «не пришли», и «сотрудникъ» сказалъ эти слова безъ всякаго вида раздраженія, а только въ недоумѣніи.

Съ «хлѣбнымъ прогрессомъ» я думаю связаны и такія его изданія, какъ «Вся Россія», «Весь Петербургъ», «Вся Москва»: они съ такой *необходимостью* вытекаютъ изъ всего его отношенія къ Россіи, изъ суммы его чувствъ къ Россіи. Вѣдь тутъ вовсе не «адресы»: а *указана*, *исчислена* и *перечислена* вся торговая, промышленная, дѣятельная, вся *хозяйственная* Россія. А «быть хозяиномъ», дышать «какъ хозяинъ»— это суть Суворина. Въ его изданіяхъ показанъ каждый переплетчикъ и весь «переплетный промыселъ», каждый обойный мастеръ и все «обойное мастерство». Мнѣ онъ передавалъ какъ-то затрудненія и почти капканъ, сдѣланный ему Департаментомъ торговли и мануфактуръ въ дѣлѣ изданія «Всей Россіи». Я не очень помню и даже тогда не очень понялъ; но помню эти слова:—«Ну, гдѣ же

можно получить всѣ эти *свѣдѣнія*?—конечно, ихъ имѣетъ одинъ только Департаментъ торговли, который обѣщалъ» и проч. и проч. «Я сдѣлалъ уже огромныя затраты, до 15,000 рублей, когда вдругъ получается приказаніе:—Не выдавать свѣдѣній». «Я поѣхалъ»,—туда-то, къ тому-то.—Интересно, что Департаментъ *торговли* ставилъ препятствія къ изданію столь необходимаго *для торговыхъ людей* справочника. «Имъ что̀ Россія», слышалось въ раздраженномъ тонѣ С—на...

Вообще нашу бюрократію, съ ея вѣковымъ космополитическимъ духомъ, съ ея чертвымъ формальнымъ либерализмомъ,—бюрократію глухую ко всему русскому, ко всякой чести и славѣ Россіи, даже къ пользѣ и счастью Россіи, онъ хорошо зналъ и никогда не переоцѣнивалъ. Какъ-то онъ говорилъ мнѣ о давнемъ желаніи своемъ издать учебникъ, кажется, по исторіи, и вообще о желаніи издавать учебники: это такъ вытекало опять изъ «всего Суворина». И заключилъ отвѣтомъ, какой услышалъ отъ Полубояринова (милліонеръ, издатель учебниковъ):

«— Оставьте, Алексѣй Сергѣевичъ!

«— Почему?

«— Вы не знаете, не сумѣете. Ну *что̀*, что вы напечатаете отличный учебникъ: его никто не купитъ, онъ не пойдетъ.

«— Почему не «пойдетъ»?

«— Потому что не будетъ «одобренъ».

«— Почему же, если онъ отличный?

«— Все равно. Вѣдь нужно «провести одобреніе», а вы этого не сумѣете. Не знаете ни лицъ, ни ходовъ.

Оставьте это дѣло *намъ*. Какъ «проводить»—мы вамъ не скажемъ, сами же вы встрѣтите «неожиданныя препятствія», которыхъ ни обойти, ни побѣдить не сможете и не сумѣете».

«— Я долженъ былъ бросить дѣло».

«Прогрессъ въ Россіи» или «освобожденіе и свѣтъ въ Россіи» и заключается, конечно, въ медленной и упорной, въ стойкой и наконецъ побѣдной борьбѣ съ такими «загражденіями» на всякомъ шагу передъ русскимъ трудомъ и духомъ, передъ русскимъ человѣкомъ; заключается въ медленномъ распутываніи всѣхъ этихъ паутинъ, этого мочала около нашихъ ногъ и рукъ. И вотъ эту-то борьбу десятки лѣтъ несъ на своихъ плечахъ Суворинъ, чрезвычайно много сдѣлалъ для нея своей могущественной газетой; и съ такимъ грузомъ невидимыхъ или мало видимыхъ, не шумныхъ, дѣлъ за спиною могъ спокойно слушать, когда газетныя и журнальныя сороки стрекотали кругомъ его:—«Суворинъ не либералъ».

О знаменитомъ генералѣ, отправившемся «въ походъ Мальбрука» на Востокъ:

«— Знаете, когда я передъ самымъ его отправленіемъ изъ Петербурга видѣлъ его послѣдній разъ, то, смотря на его тусклые глаза, при небольшомъ ростѣ, подумалъ съ тревогою: *онъ—тупой*. Такъ и вышло».

Онъ махнулъ рукой. Мнѣ приходилось въ редакціонныхъ кругахъ спрашивать, почему самъ Суворинъ такъ его рекомендовалъ, на него указывалъ (за это *потомъ* многіе упрекали Суворина). Мнѣ отвѣчали очень основательно:

«— Рекомендація, дѣйствительно, была ошибочна. Но скажите, кого бы *въ то время передъ войной* указали вы сами? Указать было нѣкого; на виду, изъ не дряхлыхъ, былъ только онъ. И ореолъ Скобелева, около котораго онъ когда-то стоялъ,—все какъ-то обмануло»...

И все-таки у Суворина, по чисто физіологическому основанію (глаза), мелькнуло въ послѣднюю, увы, слишкомъ позднюю минуту: «онъ—*тупой*».

Помню, передъ самымъ отплытіемъ (или отъѣздомъ) на Востокъ у Суворина обѣдалъ и провелъ вечеръ тоже знаменитый и потомъ опозорившійся адмиралъ. За обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ умнымъ Кладо. Тутъ я былъ опытнѣе Суворина:

— Знаешь,—сказалъ я женѣ, вернувшись домой:—онъ *трусъ*!

Не было никакихъ признаковъ: адмиралъ, еще почти молодой красавецъ, лѣтъ 40—50, былъ съ виду «волкъ»... Но онъ все обращался (за обѣдомъ) къ Кладо, державшему себя съ достоинствомъ, и было что-то неуловимо заискивающее въ его рѣчахъ, въ живомъ и уже слишкомъ подвижномъ голосѣ и манерахъ; какъ и потомъ было что-то «смахивающее муху» въ разсказѣ о своемъ полу-удавшемся подвигѣ на Дунаѣ (въ Турецкую кампанію). И неудержимое впечатлѣніе нравственной ничтожности и именно съ оттѣнкомъ боязливости легло на мою душу. Потомъ я встрѣтилъ его на одномъ «состязаніи», гдѣ было множество публики и былъ Суворинъ. Вспомнивъ «прощальный обѣдъ», я удивленно спросилъ одного изъ друзей:

— Почему же они не здороваются?

— Алексѣй Сергѣевичъ избѣгаетъ встрѣчаться съ нимъ (или «избѣгаетъ кланяться», «отворачивается»— не помню).

Мука войны прошла у Суворина какъ отвращеніе ко всѣмъ, виновнымъ въ пораженіяхъ; и слѣдовательно тутъ не было, въ «рекомендаціяхъ», ни тѣни личнаго отношенія, личной службы, личнаго угожденія: потому что можно было и при «неудачахъ» какъ-нибудь оправдывать, оговаривать неудачи, «вызволять» дружка. Газета слишкомъ подвижна и слишкомъ могучее орудіе, чтобы съ помощью ея нельзя было оказывать поддержки и «человѣку въ несчастіи». Но Суворинъ *указывалъ*, потому что *надѣялся*: и когда «люди надежды» обманули Россію, въ нихъ все для Суворина умерло.

Разговоры на быстромъ ходу все ускорились,— и у меня лежитъ въ душѣ впечатлѣніе отъ нихъ, какъ отъ дыма и искръ, стелющихся за пароходомъ, когда онъ шумитъ на взморьѣ «за границу». Такъ и въ разговорахъ — «все вдаль» и «уносясь». Почему-то всегда наши слова перебивались смѣхомъ. Онъ много припоминалъ, разсказывалъ. О Воронежѣ, о Никитинѣ и Де-Пуле, о первой «интеллигентной книжной лавкѣ», которую завелъ Никитинъ и которая въ то-же время была въ родѣ «клуба на ходу» для мѣстной молодежи тѣхъ дней. Въ воспоминаніяхъ его чувствовалась веселость и счастье. Впечатлительность Суворина была безмѣрная. Уже много лѣтъ его зная,

начиналось думать: «А вѣдь онъ никакому впечатлѣнію *не отдается слѣпо*». Это очень позднее соображеніе и наблюденіе: по, помню, первые годы знакомства я удивлялся: «что же это за Суворинъ,—точно мальчикъ! Какъ подвиженъ, смѣющъ, и все искры, искры: гдѣ же *фундаментъ*?!» Но фундаментъ былъ. Только Суворинъ его никогда не указывалъ, не пялился фундаментальностью и основательностью своихъ убѣжденій. Онъ былъ слишкомъ для этого благороденъ, правдивъ и простъ.

Черезъ годы лишь знакомства, черезъ какіе-то побочные штрихи въ разговорахъ, я увидѣлъ, что у него есть великое молчаніе въ душѣ—о Россіи. Не помню ни одного случая, чтобы онъ *прямо* говорилъ о Россіи, о качествахъ-ли ея, объ интересахъ. Вѣдь вся рѣчь его была дробна и конкретна, а въ конкретномъ онъ все какъ-то поругивалъ. Но замѣчалось, что всѣ «поругиванья» имѣютъ, однако, одинъ склонъ: все клонилось къ тому, все проистекало изъ того—«ахъ, зачѣмъ Россіи не такъ хорошо, какъ *могло-бы*». Я себѣ могу представить Суворина, пробирающагося, какъ тать, тоже въ нестиранныхъ чулкахъ, въ темный чужой домъ, гдѣ живетъ язвящее Россію существо,— и что онъ въ сердце его ударяетъ ножомъ. Это я могу представить. Я увѣренъ, что добрый, мягкій, уступчивый Суворинъ, такъ повидимому разсыпающійся въ рѣчахъ, имѣлъ молчаливый, черный гнѣвъ на врага Россіи, безымяннаго и темнаго, пожалуй неопредѣленнаго и невѣдомаго, который грызетъ ея кровь и мозгъ. Гдѣ

имя этому *врагу*? гдѣ его *мѣсто*?.. Суворинъ не зналъ, не могъ бы назвать одного имени. Но что вотъ гнѣвъ этотъ есть у него, я *черезъ много лѣтъ* увидѣлъ, догадался...

То, о чемъ я говорю, никакъ не перешло на столбцы газеты. Тѣ бури и гнѣвы, которые тамъ раздавались, — всѣ лежали этажемъ ниже; все это были «конкретности» и «пустяки», «такъ» и «этакъ» одинъ годъ и другой. Это былъ «глухой громъ» за горизонтомъ, разные громы, съ разныхъ сторонъ горизонта. Суворинъ и больше любилъ, и больше гнѣвался, чѣмъ какъ умѣлъ это передать въ газетѣ. Вообще, какъ ни сложно «Новое Время», Суворинъ *самъ* былъ сложнѣе и разнообразнѣе его; былъ неуловимѣе его. Такъ называемыя «колебанія газеты» (мнимыя) лишь отчасти и слабо выразили душу Суворина, всю соткашую изъ «муара», особенной матеріи, на которую глядишь «такъ» и она отливаетъ изъ-синя, повернулъ иначе и вдругъ она кажется съ пунцовымъ отливомъ, посмотрѣлъ «отъ свѣта» — блеститъ какъ бѣлая сталь, повернулъ къ свѣту—и она черная какъ воронова крыло. У Суворина была огромная, любящая душа; нѣтъ, великія дѣятельности—а онъ, конечно, былъ великимъ дѣятелемъ—не создаются изъ души «такъ себѣ». Эта огромная душа не была разсмотрѣна за пылью, которая кругомъ его кружилась (существо газеты). Но она была, эта большая душа, въ немъ; и она была вся чистая, «сама въ себѣ», одна и никогда никуда не подавалась.

Это—самая удивительная его особенность. Онъ казался весь податливымъ. Въ сущности—онъ былъ со-

вершенно не податливъ. Говорилъ одно и другое. И—думалъ одно. Въ 12 лѣтъ близкаго знакомства я видѣлъ его «во всѣхъ мнѣніяхъ», и хорошо знаю, что вижу *того же* Суворина, *безъ іоты перемѣны*, какъ увидѣлъ въ первый разъ. Въ его «перемѣнахъ» (кажущихся) былъ какъ бы законъ этихъ перемѣнъ, всѣ ихъ объединявшій и вводившій въ одну формулу. Удивлялся я многимъ помѣткамъ на его корректурахъ, и всегда выводилъ одно: «онъ хочетъ, чтобы ты не говорилъ ничего, кромѣ того, что у тебя на душѣ»... Это «у тебя на душѣ» могло быть враждебно Суворину и онъ это пропускалъ, т. е. печаталъ то, съ чѣмъ былъ не согласенъ. Напротивъ, бывало то, что «вполнѣ согласно съ газетою» и «мило самому Суворину» (зналъ по разговорамъ), но въ тонѣ изложенія ты допустилъ неправду противъ *собственной души*, сказалъ чрезмѣрно то, что по-существу обыкновенно, и Суворинъ какимъ-то инстинктомъ это вычеркивалъ. Какимъ? Въ *слогѣ* онъ подмѣчалъ неправду: и не хотѣлъ никакой. Какъ-то мнѣ случилось излишне-патетично сказать объ Александрѣ II,—не помню съ семейной или религіозной стороны. Въ тонѣ было преувеличеніе и слащавость (кажется, просто въ одномъ эпитетѣ, т. е. въ одномъ словѣ). Суворинъ написалъ сбоку карандашемъ: «о, Господи!» Это сейчасъ вернуло меня къ трезвости и мѣсто, конечно, было вычеркнуто (мною).

Это поразительное явленіе, что онъ не хотѣлъ «Суворинской правды», сказанной не такимъ слогомъ («стиль—душа вещей»), и безъ малѣйшей въ себѣ бо-

лѣзненности пропускалъ въ свою газету то, съ чѣмъ былъ вовсе не согласенъ ни по существу, ни для пользы Россіи, если опять же по слогу («душа вещи») видѣлъ, что тутъ горитъ твоя индивидуальная душа. Это явленіе было прекрасно и благородно. Изъ крупныхъ и памятныхъ вещей приведу весь вопросъ о разводѣ, который я много лѣтъ проводилъ въ «Новомъ Времени». Суворинъ много о немъ говорилъ со мной, и у него сочувствія къ разводу не было. Онъ былъ къ этому спокоенъ или чуть-чуть даже враждебенъ. Уже по тому враждебенъ, что это задѣвало Церковь, которую онъ любилъ по памяти матери-протоіерейши (о ней онъ много разсказывалъ). Но, видя, что это меня «очень забрало», да и убѣждаемый (въ разговорахъ) примѣрами, случаями, какія я ему разсказывалъ, онъ пропустилъ на страницахъ газеты многолѣтнюю борьбу за разводъ. Это одинъ примѣръ. Но есть и еще нѣсколько, когда онъ пропускалъ цѣлыя «кампаніи» въ своей газетѣ, стоя далеко съ ними не въ согласіи, потому что видѣлъ одушевленіе сотрудниковъ, что они лѣзутъ въ борьбу, въ отстаиванье, или—въ нападеніе. Старикъ улыбался благородной улыбкой, и не говорилъ, а будто думалъ: «Что-же, не я одинъ уменъ. По мнѣ, вы дураки и ничего не видите: но когда вы такъ хотите, то тутъ, можетъ быть, Божій перстъ». Такъ вся «кампанія» въ пору аннексіи Босніи и Герцеговины была проведена безъ его желанія. «Германія есть самая основательная страна въ Европѣ, и германцы—самые основательные люди въ Европѣ. А мелкія разныя народности и наши сердечныя чувства къ нимъ, то вѣдь что же это значитъ

въ исторіи и политикѣ, которыя прежде всего есть громада и вѣчность, ну не вѣчность—то вѣка. Нельзя уходить отъ вѣка, гоняясь за днемъ».

Такъ, помню, онъ говорилъ мнѣ въ кабинетѣ. А внизу, въ «редакціи», шумѣли проклятія противъ Германіи. Передаю, какъ это пронеслось около моего слуха.

Суворинъ старѣлъ и росъ. Изъ таланта «Незнакомца», который весь горѣлъ и по молодости былъ полонъ своимъ «я», онъ выросъ въ мудраго и благороднаго старца, который понялъ, что «если жить для *эгоизма*, то вообще *не стоитъ жить*». Не интересно жить для славы, для богатства. Вся эта позолота «я» не даетъ настоящаго удовлетворенія. «Незнакомецъ»-Суворинъ конечно былъ бы богаче, много знатнѣе, а, главное, былъ бы неизмѣримо болѣе прославленъ, чѣмъ какъ все есть теперь. Если бы Суворинъ остался Чацкимъ-«Незнакомцемъ», трудно передать тотъ ореолъ и значительность, какой бы онъ достигъ. Каждая его острота повторялась бы стоустою печатью, и онъ пожалъ бы всю жатву прославленія и денегъ, пошедшую въ коробъ Горькому и Л. Андрееву, но только умноженную еще на силу первенствующей и европейской газеты. Вотъ этотъ-то мигъ, точнѣе—тянущіяся 5—6 лѣтъ колебанія, и были святыми въ жизни Суворина. Весь, повидимому, «въ изъявленіяхъ» мыслей и чувствъ, онъ о самомъ главномъ въ жизни и въ душѣ былъ «вовсе безъ изъявленій». Кажущееся противорѣчіе здѣсь—муаръ Суворина. Крестьянскій

и солдатскій сынъ, онъ сказалъ въ себѣ—«не измѣню отцу и дѣду». «Не измѣню, а стану вести крестьянскую соху, буду держать солдатское ружье, буду это—никому не говоря, не совѣтуясь ни съ женой, ни съ сыномъ, и какъ бы меня ни судили». Вотъ этотъ мигъ созрѣванія Суворина—былъ великій. Повторяю: слишкомъ очевидно, что «Незнакомецъ» былъ бы втрое богаче и вліятельнѣе «Суворина». Но онъ изъ «Незнакомца» родился въ «старца-Суворина», чтобы запрячься въ огромный и тяжелый возъ, именуемый «Россіею»,—возъ еще на неопредѣлившейся дорогѣ, въ темнотѣ, мракѣ, среди разбойниковъ на дорогѣ, и въ топкой грязи. Онъ, никогда почти не упоминавшій о «Богѣ» и «Христѣ», имѣлъ когда-то гдѣ-то тихую часовеньку, въ которой сложилъ въ уголъ блестящіе аксельбанты Герцена, проспавшіяся естественно на плечи «Незнакомца», и надѣлъ сѣрую солдатскую шинель своего отца, чтобы итти въ трудный и опасный походъ, итти всюду, гдѣ пойдетъ Россія. Онъ пошелъ параллельнымъ фланговымъ ходомъ около лошадей, везущихъ возъ—правительство,—разглядывая еженощно путь (ночная работа газеты, эти вѣчныя его корректуры ночью), понукая, не давая заснуть, ободряя, поддерживая. Давая пойла—усталому, стегая кнутомъ—лѣнивато, отгоняя вовсе—хищнаго или злого. Никто, конечно, не въ силахъ указать, чтобы былъ хоть одинъ случай, когда Суворинъ слился съ «направленіемъ лошадей и возницы, везущей возъ»—слѣпо, мертво, не разсуждая. Никто не сможетъ указать, гдѣ бы онъ, *сознавая будущій вредъ*—стоялъ за вредную мѣру для Россіи. Суворинъ

былъ зоркій человѣкъ, но мѣры предвидѣнія и для него ограничены. Никто не зналъ, что Куропаткинъ окажется такъ неспособнымъ, никто не могъ предвидѣть, что такъ окончится война съ Японіей; въ тѣ краткія, но сильныя минуты, когда длилась революція, никто не думалъ, что она не будетъ въ выигрышѣ. Суворинъ былъ совершенно *нравственно* правъ, думая, что для будущаго прироста населенія въ Россіи не мѣшаетъ землица въ Кореѣ. Это—хищничество, но то, которое отъ Рима до Германіи позволяли себѣ всѣ государства. Въ эпоху революціи я помню его слово. Онъ созвалъ всѣхъ сотрудниковъ и поставилъ вопросъ: съ кѣмъ итти газетѣ? куда ей итти? Всѣ ушли «въ невѣдомую даль». Поднялись разсужденія, споры. Поднялись «слѣдовательно». Вдругъ Суворинъ, кажется, вошедшій въ совѣщаніе (совѣщаніе было безъ его присутствія), сказалъ, что «невѣдомыми далями» нельзя оттовариваться отъ тревожной минуты сейчасъ, и сотрудники должны рѣшить одинъ конкретный вопросъ, который лежитъ передъ всѣми русскими, передъ цѣлою Россіею: становимся ли мы на сторону революціи и будемъ добиваться учредительнаго собранія, или мы становимся на сторону правительства? Я, зная «муарчатость» Суворина, былъ пораженъ предложеніемъ столь конкретнымъ, отчетливымъ, не смутнымъ ни въ одной буквѣ. Вообще въ великія минуты Суворинъ не зналъ колебаній. Сейчасъ—не помню рѣшенія, которое вынесли сотрудники. Хорошо помню, что всѣ они, столь страстные и пылкіе въ другихъ, болѣе мелкихъ случаяхъ, здѣсь обнаружили гораздо болѣе Суворина

неясности и колебаній. Всѣмъ хотѣлось «итти впередъ» и съ «ура»: но отвѣтить, какъ спрашивалъ Суворинъ, становимся ли мы *на сторону революціи и революціонеровъ*, никто не рѣшился. А вопросъ былъ именно въ опредѣленномъ словѣ, въ *одномъ словѣ*.

Всѣмъ также ясно, что ни въ какіе рѣшительные годы «газета Суворина» не становилась на сторону безраздѣльно всего правительства, всѣхъ правительственныхъ лицъ; всѣмъ памятно и всѣ знаютъ, что количество жестокой критики, высыпаемой на правительственныя мѣропріятія, всегда почти на правительственную вялость, неумѣлость и безталанность,—превышало количество одобреній. А разъ это *такъ*—не можетъ быть никакой рѣчи о «Суворинѣ, *идущемъ* за правительствомъ». Этого вообще никогда и не было. «Тонъ дѣлаетъ музыку»: и есть нѣчто невѣдомое «въ кулуарахъ газеты», чтобы у кого-нибудь когда-нибудь, у крупныхъ или у второстепенныхъ сотрудниковъ, была хотя малѣйшая озабоченность о томъ, «не разойтись-бы съ правительствомъ», или «какъ думаетъ правительство». Хотя невѣроятно, но было такъ: никто не заботился и о томъ, «*такъ* ли думаетъ Суворинъ». Установилось какъ методъ и духъ, что сотрудникъ долженъ писать то, что видитъ, что знаетъ,—какъ думаетъ. А ужъ тамъ, «наверху» (въ кабинетѣ Суворина), или предварительно въ одномъ изъ редакціонныхъ отдѣловъ, — отъемлется то, что лишнее. Какъ я раньше объяснилъ, «лишнимъ» оказывалось все неправдивое, все неискреннее, всякое преувеличеніе, грубость тона,

слащавость тона;—пороки души и никогда пороки политики.

Какъ извѣстно, въ финляндскомъ вопросѣ происходили иногда колебанія *цѣлаго* правительства. И вотъ я помню, опять же больше ухомъ, чѣмъ умомъ, фразу, темной ночью, внизу редакціи: — «Ну, прекрасно (былъ названъ величайшій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, «повернувшій корабль»): *онъ* хочетъ такъ, а мы будемъ говорить свое». Слова эти, сказанныя редакторомъ постоянному по финляндскимъ дѣламъ сотруднику, т. е. рѣшавшія «кампанію» на эти мѣсяцы, показываютъ абсолютную независимость газеты отъ правительства и правительственной политики, отъ какого бы авторитета эта политика ни исходила.

Еще одно обвиненіе, болѣе забавное, чѣмъ серьезное, но которое необыкновенно часто повторяютъ:—«А объявленія?» Сокрушенно мнѣ писалъ одинъ врачъ съ Петербургской стороны:—«Писалъ Меньшикову, писалъ Столыпину, теперь пишу вамъ: обратите же вниманіе редакціи»... приблизительно на то, что много барышень ищутъ «пріюта у одинокихъ», и что въ Петербургѣ есть хорошенькія «натурщицы». Я ничего наивному врачу не отвѣтилъ, но скажу однажды навсегда, что въ городѣ съ двухмилліоннымъ населеніемъ, гдѣ сосредоточены всѣ высшія учебныя заведенія и стоитъ гвардія, неотъемлемо есть и будутъ «натурщицы» и «по хозяйству», что это было еще во времена праотца Іакова и сыновъ его («блудница, сидѣвшая у воротъ», которой Іуда «далъ перстень»), и что вообще

это есть порокъ человѣчества, а не порокъ Суворина. «Но зачѣмъ объявленія?»—Да затѣмъ и «объявленія», что есть торгъ, есть унизительныя и порочныя соціальныя положенія, соціальныя формы средствъ жизни, со своей нуждою «спроса» и «предложенія»: и спорить противъ «объявленій»—значитъ спорить противъ пустяковъ, противъ бумажекъ напечатанныхъ, а не противъ существа дѣла, которое непобѣдимо для пророковъ, мудрецовъ, для царей и законодательствъ. «Отчего Суворинъ не борется съ тѣмъ, чего не можетъ побороть Вильгельмъ германскій?»—Понятно, «отчего».—«Но зачѣмъ же онъ пачкаетъ газету?» А вы хотите, чтобы пачкались заборы объявленіями? Чтобы безъ «объявленій» натурщицы брали васъ за рукавъ на улицѣ, и т. д.? Все это—просто глупо, и я бы не оспаривалъ этого, еслибъ оно такъ часто не повторялось. «Объявленія» эти, впрочемъ, не играютъ никакой роли, не занимаютъ никакого мѣста во вниманіи редакціи; и въ финансахъ газеты, при громадной массѣ прочихъ объявленій, не играютъ также роли. Параллельно этимъ платнымъ объявленіямъ, всегда печатались въ газетѣ (при единоличномъ владѣніи Суворина) многія объявленія *безплатно*,—о трудѣ и отъ тружениковъ, между прочимъ отъ бѣдныхъ учительницъ и курсистокъ «по урокамъ». Если бы дѣло было въ денежной сторонѣ порочныхъ объявленій, то, для устраненія порицаній, стоило бы редакціи выбросить параллельно и блудныя и «скорбященскія» объявленія, и она, не потерявъ ни одного рубля, избавилась бы отъ многолѣтнихъ бѣшеныхъ и язвящихъ укоровъ. Это — вообще.

Но и прибавлю кое-что личное. Какъ писатель, я скажу: а развѣ не страшно любопытство—пробѣжать глазами столбцы этихъ объявленій, «самыхъ тѣхъ, которыя безстыдны», и задуматься, и сообразить *по нимъ* клокочущую и мрачную панораму жизни, и ужасную, а порой—и трогательную («послѣдній рубль · помогите, кто можетъ!»). «Объявленія въ *Новомъ Времени*»... *Читайте* ихъ, читайте всѣ, всякія: пока гремятъ «передовики» и блестятъ въ краснорѣчіи фельетонисты,—смотрите *подлинную жизнь* въ этихъ «объявленіяхъ», жизнь въ ея ужасныхъ «зовахъ», въ ужасныхъ восклицаніяхъ, призывахъ къ жалости, призывахъ къ разврату, и тысячекратно болѣе въ призывахъ къ труду, въ поискахъ должности, службы, работы. Какіе это звуки, и сколько подъ ними картинъ! Каждое объявленіе—что̀ экранъ или ширма: имъ закрыта и черезъ него просвѣчиваетъ длинная повѣсть, длинный романъ; просвѣчиваетъ трагедія, просвѣчиваетъ водевиль!

Ахъ, «объявленія»... Они—*нужны*, и нужны—*въ полноту*. Что̀ тамъ лакомиться кусочками дѣйствительности; мы—не дѣти.

Что «объявленія» никого и никогда не ввели въ соблазнъ—это лежитъ изъ существа «объявленія». Оно говоритъ тому, кто его *смыслъ* понимаетъ, кому этотъ «зовъ» нуженъ. И никого невѣдущаго ни къ чему не влечетъ. «Невѣдущимъ» смыслъ ихъ даже непонятенъ.

Значеніе Суворина мало-по-малу было разобрано, гдѣ слѣдуетъ, и само собою установилось, что люди, тревожные въ совѣсти около великаго «воза-Россіи», стали искать его совѣта. Приблизительно въ 1900 году, или около этого, онъ давалъ мнѣ читать свой *отзывъ*, напечатанный въ единственномъ экземплярѣ,—не помню въ отвѣтъ-ли на просьбу Витте, или скорѣе—Плеве. Я помню, дѣло касалось *всѣхъ сторонъ* государственнаго управленія, и что по всѣмъ рубрикамъ Суворинъ сказалъ свое:—«Нѣтъ *творчества*». Критика существующаго была сурова. Черезъ его «Записку» (страницъ 30—40 небольшого книжнаго формата) была проведена мысль, что общество не можетъ не волноваться, и даже разные «инциденты» не могутъ не происходить, пока вся правительственная дѣятельность заключается въ одной борьбѣ со студентами и курсистками, т. е. въ отсутствіи всякой собственно-*государственной* дѣятельности; ибо студенты—не Россія, а только студенты, забота о которыхъ не есть забота о Россіи. «*Дѣлъ* правительства вообще *никакихъ* нѣтъ»; «правительство ничего *не предпринимаетъ*», «правительство ничего *не начинаетъ*»:—эти указанія и укоры звучали во всякомъ абзацѣ. Вотъ такія «записки» Суворина, которыя будутъ-же разысканы въ его архивахъ и когда-нибудь напечатаны, объяснятъ очень многое. Но въ общемъ они объяснятъ то положеніе, какое создалъ самъ себѣ Суворинъ: какъ бы негласнаго и невидимаго министра-же, къ голосу котораго, къ *опыту* и *уму* котораго хотѣлось прислушаться каждому министру,—мнѣніе котораго вообще хотѣлось

знать правительству, даже *нужно* было знать правительству; ибо для очень многихъ лицъ легче было услышать что-нибудь между четырехъ глазъ, нежели выслушать то-же самое, едва ли даже всегда смягченное, передъ милліономъ глазъ, и судящихъ и смѣющихся. Можно говорить, или думать, догадываться, о зависимости—идейной или какой-нибудь «въ оттѣнкахъ»,—правительственныхъ лицъ отъ Суворина, но ни о какой зависимости Суворина ни отъ всего правительства въ цѣломъ, ни отъ отдѣльныхъ его лицъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Среди частностей на эту тему. Однажды онъ спустился внизъ (въ редакцію), но не нашелъ, кого искалъ,—и, случайно увидѣвъ меня, разговорился. Было послѣ собранія 1-й Думы, нѣсколько мѣсяцевъ. Все шумѣло и горѣло. Никого въ комнатѣ кромѣ насъ двоихъ не было (день, сравнительно рано). Опершись лѣвой рукой на столъ, какъ бы придерживая бумагу или «планъ исторіи», онъ сказалъ рѣзко, скорѣе *при* мнѣ, чѣмъ *ко* мнѣ: «*Новое Время* всегда *сюда* и вело. Оно вело *не прямо* («муаръ» Суворина), оно передвигалось то *вправо*, то *влѣво*, но, передвигаясь, всегда имѣло въ виду *эту самую* точку. И всѣ пришли *сюда*, и Россія имѣетъ то, что ей раньше или позже все равно пришлось-бы дать».—И онъ чертилъ пальцемъ правой руки *ломаную линію*—все подвигавшуюся выше и выше на столѣ.

Еще раньше этого (до *объявленія* о Думѣ), очень рѣзко:

— Я буду требовать Земскаго Собора, и *дальше этого не пойду* (т.-е. въ революціи). Если пойдутъ или захотятъ идти и дальше, пусть идутъ. Но *мое* требованіе—*не меньше Собора*. Дальше, я думаю, идти не нужно.

Не понимаю, какъ все это назвать «консерватизмомъ» или «подпѣваніемъ» кому бы то ни было.

Онъ весь былъ *самъ* и *цѣлый*. Онъ зналъ свой умъ. Таланта—его удивительнаго по *разнообразію* входящихъ составныхъ частицъ таланта—«хватило-бы на все». И онъ тоже это зналъ. Наконецъ, онъ зналъ, что у него есть то, чего не хватаетъ слишкомъ многимъ «правительственнымъ лицамъ»:—великое чувство Россіи, чувство Матери, которую разрубить нельзя, которую нельзя судить.

Портреты Суворина, рѣшительно всѣ, не передаютъ совершенно его лица, и потому именно, что не *передаютъ разговора:* а Суворинъ былъ «весь въ рѣчи» и ничего—«въ позѣ». «Суворина говорящаго»,—и такъ экспромтами, съ тихимъ веселымъ смѣхомъ (нельзя представить его себѣ *расхохотавшимся*) и всегда въ увлеченіи—естественно нельзя выразить въ фотографіи; хотя, я думаю, могъ-бы передать его хорошій и *долго знавшій* художникъ. Единственный портретъ *схожій*—это *исчезающаго* Суворина, навѣки умолкнувшаго, во Франкфуртѣ на Майнѣ (приложенъ здѣсь, позади текста). Тутъ—пѣтъ обмана. Всѣ прочіе портреты, я думаю, *не естественны*:—до такой степени, что я,

напримѣръ, стараюсь не смотрѣть на нихъ, если случайно встрѣтитъ глазъ на листѣ газеты. «Это вовсе не *то* и не *тотъ*». И объясняется тѣмъ, что всякій разъ Суворину приходилось «усаживаться» передъ пластинкой и хоть минутъ на пять (приготовленія) остаться неподвижнымъ: это до того выходило «изъ рамокъ Суворина», что онъ естественно скисалъ, дѣлался моментально нетерпѣливъ и «не въ духѣ». Тогда какъ «не въ духѣ» я его вовсе не помню, и едва-ли онъ бывалъ,—развѣ что въ шлфлюэнцѣ. И можно смѣясь сказать, что всѣ его портреты—«съ шлфлюэнціей».

Но есть одинъ не «съ шлфлюэнціей», какъ и бывало одно положеніе въ немъ, когда онъ «держался» и «сидѣлъ»: это когда сидѣлъ передъ министромъ. Сюда, я думаю, относится большая фотографія, въ черномъ сюртукѣ, гдѣ онъ весь осторожный и напряженный. Такимъ я его никогда не видѣлъ,—но представляю, что именно такимъ онъ входилъ къ министру, какъ и бывалъ на разныхъ «большихъ засѣданіяхъ», куда, я знаю, бывалъ приглашаемъ. Правый его глазъ тутъ совсѣмъ не такой, какъ лѣвый: онъ весь сожмуренъ и чёренъ, не довѣряющій и презрителенъ,—глазъ весь въ борьбѣ и хищной борьбѣ. Онъ твердо зналъ, что самъ онъ—не «моментъ», и что не во власти никакого человѣка—превратить его въ «моментъ»; напротивъ, каждый министръ есть по существу своему «моментъ» и цвѣтетъ, лишь пока на него любуются. Эта разница въ долговѣчности и въ точкѣ опоры («самъ» и «другой») сообщала ему, какъ сообщаетъ и каждому писателю, чувство огромнаго своего превосходства и прямо

властительности [1]). Но «на этотъ часъ», на этотъ «недолгій вѣкъ твой»—«я отъ тебя завишу», однако лишь настолько, насколько «пренебречь бы быть осторожнымъ». Тутъ есть качаніе властей, моментальной и очень сильной, и—безсильной въ данный моментъ, но за то долговѣчной. Но и не это одно: при «неосторожности» министръ, конечно, можетъ причинить бездну непріятностей газетѣ, «истрепать ея нервы» и сдѣлать большіе денежные убытки, хотя отнюдь не фатальные при томъ положеніи, какое заняло, напр., «Новое Время». Но ущербъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей не составлялъ «кровоточивой раны» для «Новаго Времени». Въ замѣнъ этого, совершенно легально и не подвергаясь ни малѣйшему риску, газета такого положенія, какъ «Новое Время», можетъ надѣлать величайшихъ непріятностей всякому «Вѣдомству» и отравить министру «часъ его цвѣтенія». Есть тончайшія иголки, которыя мучительно колются и которыя по тонкости и гибкости своей непреломляемы ни для какой власти. «Щедринъ весь прошелъ» (цензурно), и тоже «Гоголь весь прошелъ»: этимъ все сказано. Человѣкъ такого гибкаго ума и неуловимаго въ тонахъ пера,

[1]) Служа при Тертіѣ Иван. Филипповѣ и находясь у него «весь въ рукѣ», помню—я, тогда еще начинающій писатель, при личныхъ разговорахъ всегда чувствовалъ, что «я массу *могу*», чего «ты совершенно *не можешь*»; и это дастъ, при всемъ неравенствѣ служебныхъ отношеній, прямо осязаніе своей *власти* писателю. Это невольно и безотчетно, это просто «есть въ карманѣ». У Суворина, при *своей* газетѣ, и такой газетѣ, каждый звукъ которой *слышенъ всей Россіи и значительной части Европы* понятно, что такое чувство своей власти въ разговорѣ съ министрами—было огромно.

какъ Суворинъ, конечно былъ большою угрозой для всякаго сановника, пріемлющаго власть, и о «распоряженіяхъ» котораго онъ будетъ «почтительнѣйше докладывать публикѣ» каждый день.

И вотъ, мнѣ кажется, этотъ «черный съ проваломъ» глазъ Суворина, на томъ парадномъ портретѣ, выражаетъ это недовѣрчиво-непріязненное осматриваніе другъ друга, когда онъ сживалъ въ «креслѣ vis-à-vis». Такихъ рѣчей, безъ сомнѣнія осторожныхъ, я отъ него никогда не слыхалъ. Напротивъ, онъ весь былъ «въ неосторожности», со мною и, кажется, вообще въ редакціи. Но бывалъ и осторожепъ: и портретъ *этотъ* даетъ о такихъ минутахъ и часахъ понятіе.

Вытянувъ губы, весь хмурый, темный, Суворинъ сказалъ мнѣ:

— Ничего нельзя печатать. Спиягинъ рветъ и мечетъ и только ждетъ придирки, чтобы закрыть «Новое Время».

Я, полу-шутя и уклончиво, просилъ Суворина провести какую-то «съ рискомъ» статью о церкви. Слова эти и значили: «Нѣтъ».

— Что онъ, умепъ или какъ?

Въ бо̀льшія подробности политики я не входилъ.

Разсмѣялся:

— Онъ находитъ, что до него русскіе министры были чиновниками, а онъ хочетъ быть «боярпномъ». Не понимаю, что изъ этого выйдетъ и почему это понадобилось Россіи.

Все шумѣло о Треповѣ («Звѣздная палата»):

— Да *кто* онъ и что?—спрашиваю.

— Понятія не имѣю и никто не знаетъ.

— Должно быть,—умень!!! (утвердительно).

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ—не говорятъ. Ничего опредѣленнаго, какъ-то появился вдругъ. Я спрашивалъ Витте. Онъ сказалъ:—«Тоже не знаю». Но припомнилъ только, какъ на похоронахъ Александра III было пасмурно, онъ (Витте) стоялъ около эскадрона. Солдаты пріопустились, и тогда офицеръ, оглянувъ строй, скомандовалъ:

— Смотри веселѣй!!!

«Это былъ Треповъ», договорилъ Витте: Суворинъ смѣялся тихимъ смѣхомъ («веселѣй» на похоронахъ).

И люди, и историческія положенія вообще не имѣютъ полныхъ аналогій, а только приблизительныя. Въ природѣ и во всемъ органическомъ, живомъ—нѣтъ повтореній, все живетъ особо. Но когда думаешь о крошечной крестьянской избѣ, крытой соломой, гдѣ родился Суворинъ,—и думаешь, какъ онъ пришелъ изъ Воронежскаго городка на сѣверъ, вовсе безвѣстный, вовсе маленькій,—и все, что онъ потомъ сдѣлалъ, статьями, газетою, безчисленными изданіями полезнѣйшихъ книгъ, то невольно навертывается на умъ аналогія съ Ломоносовымъ—съ одной стороны, и Новиковымъ—съ другой. Есть сходство здѣсь и тамъ. Ученые были и до Ломоносова: былъ ученъ Ософанъ Прокоповичъ, былъ очень ученъ и Тредьяковскій, или Татищевъ. Но повелось говорить: «*науку* началъ

у насъ Ломоносовъ». Также и журналы у насъ были, и очень много книгъ до Новикова. Былъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ» Сумарокова, ученыя «Ежемѣсячныя сочиненія» академика Миллера. Но Новиковъ первый *зашумѣлъ журналами*, онъ бросалъ въ Россію *потоки* книгъ. Суворинъ въ необыкновенномъ разнообразіи его дѣятельностей, какъ прямыхъ, такъ и вспомогательныхъ,—былъ *Ломоносовымъ русской ежедневной прессы*; тутъ—и театръ, тутъ—и газета, и «Маленькая Библіотека», и календарь, и магазины. Къ чему ему было *столько*? къ чему, напримѣръ, магазинъ редактору? Все *невольно* у него *закруглялось* въ цѣлое, закруглялось въ *обобщенность*; безъ «календаря», все «по днямъ» и все «со справками», какой же журналистъ? Онъ самъ едва ли зналъ, *почему* собственно то или иное начинаетъ: а нужно было. И нужна «Вся Москва». «Весь Петербургъ», «Вся Россія». Все—«само собой», все—природа, великая «природа» журналиста, сложная какъ лѣсъ, дремучая какъ лѣсъ, мудрая какъ лѣсъ.

Только участвуя въ «Новомъ Времени»,—и участвуя параллельно или въ другіе годы въ разныхъ *другихъ* газетахъ и журналахъ, можно понять, что такое эта газета. «Такъ....», кажется, «стоятъ на углу газетчики и продаютъ разныя газеты», между ними и «*Новое Время*», и «*Листокъ*», «*Голосъ*», «*Слово*».—Какъ-то мнѣ сказала одна бѣдная и дѣятельная благотворительница: —«Пожалуйста, напишите въ *Новомъ Времени* замѣтку о пріютѣ-школѣ,

устроенномъ мною на Васильевскомъ Островѣ, для уличныхъ, всѣми брошенныхъ дѣтей». Тогда этого я не умѣлъ; и въ великомъ затрудненіи сказалъ, почему ей, филантропкѣ, у которой даромъ учатъ и воспитываютъ дѣтей курсистки изъ бестужевокъ, а молоко и хлѣбъ откуда-то собираетъ она изъ лавокъ,— отчего ей не обратиться въ другія газеты? Совсѣмъ отказалъ. Она печально задумалась и сказала: «Да, но *это— совсѣмъ не то*...». Я ссылался, что «Новое Время», за множествомъ матеріала и тѣснотой въ газетѣ, не дастъ напечатать болѣе 15 строкъ (этого-то, т. е. такъ *кратко*, я и не умѣлъ), тогда какъ въ «Биржевыхъ», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» можно помѣстить большую и слѣдовательно серьезную статью. Чуть-ли я и не готовъ былъ помѣстить *тамъ* обстоятельную статью. «Я уже испытала это. Большая статья въ другой газетѣ, какъ-бы сочувственна она ни была, въ матеріальномъ смыслѣ ничего не дастъ, или дастъ кой-что. Но въ *Новомъ Времени* если появится замѣтка въ 5—6—10 строкъ: отовсюду начинается движеніе, шлютъ деньги, вещи, спрашиваютъ, интересуются, пишутъ письма». Я былъ удивленъ. Не предполагалъ этого. Но затѣмъ, «публицистичничая», и самъ испыталъ. Вотъ, напримѣръ, тема развода. Вы написали фельетонъ, два, три,—вы подняли «цѣлую кампанію» въ другой газетѣ, притомъ *съ 100.000-ной подпиской*. Ничего. Литераторы читаютъ. Одобряютъ. Читаетъ купецъ, приказчикъ. Тоже одобряютъ. Шлютъ письма, сочувствующія и безграмотныя. Что же получилось? Всѣ читаютъ, но ничего

Государственная
Библиотека
СССР

не получилось. Ваши произведенія раздались «сердечнымъ аккордомъ», на которыя тоже отдались «сердечнымъ аккордомъ», и это еще въ лучшемъ, самомъ благопріятномъ случаѣ. Но это музыка, а не жизнь. Между тѣмъ кровавое и слезное дѣло развода, конечно, требуетъ не «музыки о себѣ», а ищетъ рычага, на который-бы опереться; требуетъ лома, требуетъ *матеріальнаго движенія*, говоря словами механики. Теперь я говорю о томъ, что мнѣ лично извѣстно: тогда-же, еще путешествуя въ Крыму и увидѣвъ тамъ душевно-больного (какъ странно!) лебедя, я написалъ «О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи» (разводѣ): но, чувствуя странность сочетанія лебедей и развода, не рѣшался отдать въ печатаніе. Думалъ, странно покажется читателю и публикѣ. Въ то время «исправлялъ обязанности» (это—по очереди) Алек. Алек. С—нъ: и какъ-то, кончивъ разговоръ, я вынулъ изъ бокового кармана рукопись, и вяло отдалъ ему. Ни на что не надѣялся. Черезъ 2 дня напечатано: и по всей печати пошелъ такой шумъ, а затѣмъ—митрополитъ, а затѣмъ еще—всѣ попы, и власть, и администрація Церкви,—всѣ затревожились, и встрѣтили (первые мѣсяцы, и даже года два) такой пальбой «противъ», что не было никакого сомнѣнія, что «дѣло сдѣлано». Оно «сдѣлано» было тѣмъ, что «поднято къ общему вниманію». *Кого? чьего? Всѣхъ*, и, подъ давленіемъ «всѣхъ»,—къ «вниманію» тѣхъ, кто *дѣлаетъ жизнь*. Уже не «кто *дѣлаетъ музыку*», а «кто *жизнь дѣлаетъ*». Это одинъ примѣръ. Но также—школа. Также—классическая система. Церковь. Ду-

ховенство, что̀ угодно. Должно быть—война, походы. Инженерство. Мосты. Нефть. «Непорядки въ водопроводѣ» и «паша скверная управа». Я не знаю дѣлъ, впѣ моей точки зрѣнія лежащихъ, но въ тѣхъ *нѣсколькихъ линіяхъ*, въ какихъ пишу, писалъ,—неизмѣнно испытывалъ то̀ же, что̀ мнѣ сказала, и тогда я едва вѣрилъ, благотворительница: «нѣсколько, 5—6, строкъ въ «*Новомъ Времени*» играютъ больше роли, чѣмъ столбцы въ другихъ газетахъ».

Чѣмъ же это достигнуто? Отнюдь не числомъ подписчиковъ, такъ какъ есть болѣе распространенныя, нежели «Новое Время», газеты: но вотъ *35 лѣтъ уже*, какъ «Новое Время» сдѣлало своими читателями все *видное въ Россіи*, въ *какомъ бы отношеніи* оно ни было «видно»; все въ ней *сильное*, все въ ней *вліятельное*, все въ ней образованное и *реально идущее впередъ*, все въ ней что-нибудь *задумывающее*, *предпринимающее и рѣшающее*. Этого «подписчика», разъ имъ сдѣлался человѣкъ 35 лѣтъ назадъ тому, или менѣе (кто моложе), рѣшительно нѣоткуда еще достать другимъ газетамъ, и просто по тому, что онъ «уже читаетъ *Новое Время*». Такимъ образомъ такъ рано, какъ можно было (1/3 вѣка тому назадъ), «Новое Время» получило въ свои читатели все высшее, одухотворенное и нервное общество, и всю въ немъ реальную силу, ведущую силу; овладѣло «паромъ» и «колесомъ» парохода, оставивъ другимъ «винтики», «шлюпки», «мебель каютъ», «лакировку» палубъ того же парохода: каковыхъ «вещей» естественно больше, чѣмъ паровикъ и печь, да что̀ въ томъ дѣла? И измѣнить этого нельзя: въ томъ ужасъ газетъ. *Уже 35 лѣтъ!!!* Нужно, чтобы

«Новое Время» объидіотилось. Чтобы оно вдругъ «побѣжало за декадентами» [1]). Вдругъ начало «со всею печатью» славить Леонида Андреева. Но въ томъ и секретъ: «печать-то», и притомъ безъ какого-либо исключенія, «пѣла хвалу Андрееву», по *ведущія впередъ Россію силы* столь же «понятно» не придавали никакого значенія Андрееву. И когда послѣ десятка лѣтъ «дрыганья ногами въ воздухѣ» Л. Андреевъ повисъ въ немъ, какъ мертвецъ,—всѣ увидѣли, что было право только «Новое Время». Точнѣе: увидѣли то̀ огромное достоинство, съ которымъ оно не поддалось всеобщему увлеченію явно глупымъ явленіемъ. Вотъ здѣсь одна изъ причинъ, почему «Новое Время» читается всѣмъ серьезнымъ, а потому и оцѣнка его донельзя нужна всякому серьезному человѣку, даже такому человѣку, который «по убѣжденіямъ» смертельно съ нимъ расходится: огромная самостоятельность и независимость газеты въ мнѣніяхъ, огромная гордость въ мнѣніяхъ, и совершенная невозможность «купить» это мнѣніе взаимными комплиментами, деньгами,

[1]) *Лично* А. С. Суворинъ не относился отрицательно къ «цѣлому» декадентства,—и мнѣ иногда говаривалъ, отчего я не возьмусь выяснить новое и интересное въ немъ. Ему нравилось въ декадентствѣ *молодость, движеніе и жизнь*. Нравился смѣхъ и драки (полемика). Но онъ не принималъ на себя бороться со всею редакціей, бывшей крайне враждебною къ декадентамъ. Равно я знаю изъ одного разговора съ нимъ, что ему нравился Максимъ Горькій, и онъ сочувственно говорилъ о его живой и *новой* личности въ литературѣ, и сочувствовалъ всему поднявшемуся около него движенію. «Бывало, прочтешь вещь Горькаго и чувствуешь, что тебя поднимаетъ со стула, что прежняя дремота невозможна, что что-то *нужно дѣлать*! И это «*нужно дѣлать*» въ его сочиненіяхъ—было нужно» (слова А. С. С—па).

ухаживаньемъ, чѣмъ угодно, и въ томъ числѣ «общимъ приговоромъ». И это ничего, что тамъ «шутитъ объ актрисахъ» Бѣляевъ, еще кто-то пишетъ почти неприличный «Маленькій фельетонъ», или вдругъ разражается почти скандалъ въ «Письмахъ въ редакцію». Все это побочное. Все это не паръ и не колесо. «Безъ маленькаго неприличія какой же №»? И если нѣтъ «веселой шутки»—то «читатель заснетъ отъ скуки». Все цѣлесообразно—и скандалъ, и шутка—введено въ газету, чтобы она была «общераспространенною», «первою по величинѣ, живости и подпискѣ»: дабы «колесо и паръ» работало надъ *грузомъ*, а не надъ пустяками. Итакъ, «грузъ» есть: онъ пріобрѣтенъ «Маленькимъ фельетономъ»; и когда на этотъ громадный груженый корабль взбирается человѣкъ, чтобы сказать *дѣло*, сказать *скорбь*, сказать *нужду*, то онъ и получаетъ въ громадѣ корабля, въ громадѣ всего движенія около него, то *вниманіе*, тотъ *особый*, тотъ *дѣловой резонансъ*, какого онъ никогда не могъ бы получить, говоря ли со страницъ малообразованной распространенной газеты, или засушеннаго академическаго органа печати. Такимъ образомъ сочетаніе «Юрія Бѣляева» и, положимъ, «Водовоза Водовозовича», разсужденія о смерти и безсмертіи и, положимъ, «кто упалъ съ трапеціи въ циркѣ»—совершенно цѣлесообразно, необходимо, удачно и могущественно. А такъ какъ «*Новое Время*» «всѣми читается»,—не только 100.000 дворниками, какъ нѣкоторыя очень распространенныя газеты, но «всею Россіею *въ дѣлѣ*», то мнѣ опять же извѣстно, до какой

степени серьезнѣйшими людьми, людьми огромнаго и теоретическаго, и практическаго значенія, искалось сказать свое слово со столбцовъ *именно «Новаго Времени»*. Ну, вотъ примѣръ: передастъ мнѣ рукопись редакторъ:—«Ваша тема, посмотрите». Читаю: о баптистахъ, тогда шумѣвшихъ на всю Россію, ректора одной изъ Духовныхъ Академій, т.-е. во-первыхъ—архіерея, и, во-вторыхъ—ученаго. Предметъ 1) живой, авторъ—2) извѣстный авторитетъ. Конечно—рекомендую. Не печатается. Не печатается дни, недѣли. Спрашиваю: «что? отчего?»—«Да вѣдь—это *величина фельетона, куда же тутъ?*» Лицо «со стороны» не можетъ помѣстить болѣе 200 и самое большее 300 строкъ, какая бы подпись подъ статьей ни стояла, какимъ бы вѣсомъ ни пользовалось лицо въ администраціи, каковъ бы ни былъ его ученый авторитетъ. Шутка, веселое, талантливый разсказъ—да, пройдетъ въ 1.000 строкъ (однако, не болѣе), ибо увеличиваетъ грузъ (обширность волненія вокругъ) и ничему *серьезному и нужному не помѣшаетъ на завтра*. Но если статья неуклюжа и корява, если это замаскированный «служебный докладъ» (выраженіе главъ редакціи о многихъ манускриптахъ) –все подобное отстраняется, несмотря на подпись. Ибо 2—3 такихъ «доклада» въ 2—3 дня подъ рядъ—и газета начнетъ тонуть (скука «вообще читателя»,—сокращается волненіе, сокращается *обширность читающаго міра*). Если принять во вниманіе, что, вслѣдствіе дороговизны бумаги и массы бумаги въ каждомъ номерѣ, каждый «годовой экземпляръ газеты дастъ *два рубля*

убытку» (т.-е. каждому годовому подписчику редакція дастъ то̀, что *себѣ стоитъ на два рубля дороже* [1]), то, явно, въ этотъ отказъ «томительно-дѣловымъ статьямъ съ важными подписями» не входитъ ни малѣйшій денежный разсчетъ, а только общій планъ газеты и *то̀ самое особенное значеніе, какое ей дано*. Значеніе это: 1) обширнѣйшій кругъ читателей, вся образованная Россія, 2) возможность этой «всей Россіи» сказать цѣнное, исторически-значущее слово, по непремѣнно *кратко*, *ясно*, *литературно-талантливо*, по крайней мѣрѣ *литературно-не-худо* (ученые сплошь и рядомъ совершенно не умѣютъ литературно писать).

Ничего—*спеціальнаго*, ничего—*частнаго*, ничего—*личнаго*, ничего—*особеннаго* и *партійнаго*; все—для *всей Россіи*, для «*Цѣлой Россіи*», обобщенно—что̀ «требуется народу и государству», требуется «русской исторіи, какъ она *сейчасъ живо совершается*»: вотъ лозунгъ и молчаливо принятый всѣми сотрудниками маршрутъ. Это (въ газетѣ) въ редакціи, «то̀, что само собою разумѣется», и о чемъ «никто не говоритъ, потому что всѣ знаютъ». Отсюда почти неспособность, съ какою газета, напримѣръ, вынесла всю мою полемику со Струве: «В. В., пощадите, *кому это нужно? вамъ и Струве?*» Это было «злоупотребленіемъ мѣста», т.-е. отнятіемъ столбцовъ «просто ни *для чего*». Отвѣтъ мой Щегехонову («Соціалъ-демократическимъ сутеперамъ»), надѣлав-

[1]) Это возмѣщается *только объявленіями*.

шій мнѣ столько бѣдъ въ печати, прошелъ (по газетной терминологіи) какъ «затычка». Написавъ сгоряча и пославъ въ типографію, я все лѣнился день-заднемъ подойти къ телефону и сказать метраншажу «разобрать». Просто—кейфовалъ, отдыхалъ, кончивъ полемику со Струве. Вдругъ за кофе дочь говоритъ: «П....ка, что же вы это написали?».—«Что?»—«Пѣшехонову. И не хорошо. Да и съѣдятъ васъ».—Я схватился. Напечатано. Прихожу въ редакцію. «Почему напечатали?»—«Да вы-же не разобрали, а въ наборѣ стояло. Было почью пустыхъ 1/2 столбца, большія статьи не вошли бы, и пустили вашу маленькую». То, что называется «затычка». Потомъ—громы, ругань; ругань—и редакціи, Суворинныхъ—понемногу; показываю редакторамъ, и молодымъ, и старымъ. «Да ну ихъ...», и не читаютъ. «Никакого значенія, никакого дѣла, и не хотимъ читать». По смерти Каткова профессоръ Любимовъ написалъ въ книгѣ, что «въ редакціи былъ пріемъ—*скрывать отъ Михаила Никифоровича злобныя печатныя о немъ выходки*». Помню отчетливо, что, ради пропуска статей (моихъ) въ отвѣтъ Струве, я показывалъ редактору слова Струве «противъ газеты Суворина». Я думалъ: «задѣнетъ—и дадутъ мѣсто». Но ни старикъ Суворинъ, ни молодой *не стали читать*, и «дали мѣсто» по всегдашней ко мнѣ любезности. «Ну, хорошо, пишите,—вы всегда *пишете хорошо* (не уменьшаетъ воза), а что онъ говоритъ—дѣла (намъ) нѣтъ». Еще примѣръ: евреи, вѣроятно, думаютъ, что «Новое Время» только и думаетъ о нихъ. Входитъ

какъ-то ко мнѣ еврей, ученый (онъ показалъ мнѣ свое имя въ «Энциклопедическомъ словарѣ»,—о немъ почти столбецъ), и говоритъ, что, въ силу тяжелаго преслѣдованія, какому его (за одну услугу русскому учрежденію) подвергли «свои», онъ рѣшилъ имъ отплатить, разоблачивъ нѣкоторыя ужасныя еврейскія тайны. Еврей этотъ, уже пожилой, производилъ впечатлѣніе тихаго кабинетнаго ученаго. Въ то время печаталась моя «Іудейская тайнопись». Эту «тайнопись» я велъ къ обрѣзанію, и, всегда имъ интересуясь, заговорилъ о немъ и вообще объ еврейской ритуальности. Но какъ и Переферковичъ (переводчикъ на русскій языкъ Талмуда), онъ ничего въ немъ (обрѣзаніи) не понималъ; понималъ не болѣе, чѣмъ напр. Бѣлинскій или Кавелинъ — въ православіи. Какъ и Переферковичъ въ іудаизмѣ опредѣленно и ясно глупъ («Кавелинъ въ православіи»), такъ и этотъ еврей былъ опредѣленно и ясно «безмысленъ», «бездуменъ» въ «Авраамахъ», «Ривкахъ», во всей толщѣ этой мглы и многозначительности. «Обрѣзаніе установилось въ гигіеническихъ цѣляхъ и было кромѣ евреевъ еще у кафровъ», а «Іегова— просто дуракъ» (приблизительно, я немножко шучу и преувеличиваю). Я оставилъ. Но меня тронулъ (какъ трогалъ и у Переферковича) этотъ тихій и милый видъ ученаго, какъ бы сидящаго на горѣ манускриптовъ и книгъ, который натыкается на стулья, ничего не помнитъ, и точно живымъ видитъ своего «Маймонида». Спросилъ о подозрѣніи касательно ритуальныхъ убійствъ (тогда всѣ говорили объ этомъ). Онъ

сказалъ:—«Ритуальныхъ убійствъ безусловно нѣтъ». (Помолчавъ): «Но въ іудаизмѣ есть *ужасныя вещи*, которыя если разоблачить—то они гораздо *хуже*, *тяжелые* ритуальныхъ убійствъ». Очевидно, однако, «разоблаченія» должны были быть долгія, «документальныя», «съ цитатами», — и я, сказавъ, что сейчасъ мнѣ некогда, записалъ его адресъ, и сказалъ, что ему напишу въ досужую минуту, или пріѣду къ нему самъ (пожилой и почтенный человѣкъ). Прощаясь, онъ сказалъ:

— Я былъ уже у г-на Столыпина и (кажется) Меньшикова, и они тоже сказали, что «потомъ». Я удивляюсь: «Новое»-же «Время» антисемитическая газета, и я естественно иду туда съ моимъ гнѣвомъ и местью; но меня никто и выслушать не хочетъ».

Я улыбнулся: и мнѣ показалось удивительнымъ. Оно и дѣйствительно удивительно,—и соткало еще ниточку, которая привязываетъ мою душу и уваженіе къ этой газетѣ: «Да,—*ничего спеціальнаго!*»—и вовсе никакой нѣтъ *ненависти* даже къ людямъ, партіямъ, теченіямъ, направленіямъ, смертельно враждебнымъ самому «Новому Времени». Объ евреяхъ на столбцахъ газеты просто говорятъ шутки, и говорятъ о томъ очевидномъ для всѣхъ вредѣ, какой они наносятъ Россіи и русскимъ своимъ жаднымъ стремленіемъ захватить въ свои руки все[1]). И только. Но это одна изъ тысячи «вредныхъ вещей», какія

[1]) Однажды мнѣ Суворинъ (А. С.) сказалъ:—«Гостинный Дворъ въ Петербургѣ еще *на моей памяти* состоялъ изъ голландскихъ и русскихъ лавокъ, и даже нѣмцевъ почти не было. Теперь нѣмцевъ словно нѣтъ, русскихъ—половина лавокъ, а другая половина—еврей-

есть въ Россіи, и только евреямъ кажется (съ перепугу и первости), что «Новое Время» день и ночь думаетъ ихъ утопить, а на самомъ дѣлѣ «Новое Время» и думать о нихъ забыло, ни малѣйше имъ не членовредительствуетъ, и только съ шуткой не отказываетъ тому сотруднику, который принесетъ 99-ую статью, гдѣ опять высмѣиваются «лапсердакъ и пейсы». То-же самое отношеніе къ соціалъ-демократамъ. Я самъ писалъ нѣсколько передовыхъ (безъ подписи) статей, гдѣ съ уваженіемъ говорилъ о «лѣвой бѣдности»,—«точущей зубы» (о кадетахъ никогда не говорилъ съ уваженіемъ въ статьяхъ безъ подписи): и никакого не было возраженія въ редакціи, редакція и сама знаетъ, что въ «лѣвомъ зубѣ» есть много правды, а главное—есть почва для борьбы, гнѣва и мести. Но «лѣвые» часто бываютъ дураками. И тогда напишешь, безъ подписи или съ подписью,

---

скій». Вотъ—и вся вражда, и только. Случайно узналъ, что въ домѣ Суворина живетъ одна еврейка, когда-то дававшая уроки музыки въ его семьѣ, я подошелъ, и смѣясь, сказалъ ему «А. С., у васъ живетъ *еврейка*!» Она небольшаго роста, онъ высокаго. Взявъ ее за плечи, всю весело смѣющуюся (она всегда смѣется), онъ прижалъ ее къ себѣ, и всѣмъ сказалъ: —«Я ужасно ее люблю. Она такая милая!» Это было среди большого собранія гостей. И столько было *отцовскаго* и *любящаго* въ его голосѣ, что я былъ пораженъ. Такимъ образомъ, ни въ *немъ*, ни въ *газетѣ* «антисемитизма» никакого рѣшительно нѣтъ, а есть—*дѣло*, есть—*очевидность*, и именно «захвата» русскаго въ Россіи. Если бы евреи немножко были поумнѣе, если бы они не были *въ печати* лишь безсильными крикунами и безличными писаками, то не приняли бы въ отношеніи «Нов. Вр.» той пошлой и безнадежной позиціи, какую теперь занимаютъ.

въ этомъ духѣ: и редакція опять пропускаетъ. *Индифферентизмъ-ли это?* Ни—малѣйше!! Редакторъ думаетъ совершенно какъ и я, а я думаю совершенно какъ и редакція, что «лѣвые» бываютъ часто дураками—но это *одно*, и что въ нихъ есть правда и основательность—и это *другое*, и также должно быть отмѣчено. Суворинъ, когда арестовали соціалъ-демократовъ 2-й Думы, не «подлѣзалъ правительству», а сказалъ въ «Маленькомъ Письмѣ» лучшее похвальное слово ихъ вождю, Церетели: сказалъ, что какъ онъ произнесъ съ каѳедры лучшее слово при открытіи Думы (2-й), такъ теперь онъ пропѣлъ лебединую пѣсню ей и одинъ сказалъ мужественно и правдиво то, около чего другіе виляли и врали. Церетели-же говорилъ: «Да, мы пытались возмутить народъ противъ правительства, такого-то и такого-то, и намъ нечего скрывать этого, потому что это наша гордость и девизъ». Я былъ—помню—удивленъ, прочитавъ эту прямо лирику въ отношеніи Церетели. Дѣйствительно, Церетели былъ почти мальчикъ (по образованію и годамъ), но давалъ удивительно благородное впечатлѣніе и какъ живое лицо (въ Думѣ) и какъ ораторъ. Вотъ вамъ и «измѣнившій себѣ Незнакомецъ»: конечно, ни К. Арсеньевъ, ни Изгоевъ, ни Рубакинъ, ни Струве ничего *не почувствовали къ Церетели*,—и въ защиту его, и въ память его не промямлили никакого слова, не только хорошаго но и плохого. Забыли въ нѣ-очередный моментъ». *Не забылъ* одинъ Суворинъ, видите-ли «прихвостень правительства», «заискивающій у власти», въ газетѣ «Чего изволите»

и «кабакѣ» или «кафе-шантанѣ». Но Суворинъ есть именно Суворинъ, а Изгоевъ-Струве-Арсеньевъ-Рубакинъ суть именно Изгоевъ-Струве-Арсеньевъ-Рубакинъ: мелкіе не столько умы, какъ *мелкія души*, а мелкой душѣ прежде всего чужды *благородство*, *великодушіе* и *справедливость*. Никогда Суворинъ не переставалъ жать руку врагу, когда *въ отношеніи собственныхъ его темъ* онъ видѣлъ у него благородство. Что̀ такое Левъ Толстой и что̀ такое Церетели? Одинъ такой «мирный», а другой—революціонеръ: но отъ Суворина я слышалъ истинно негодующія слова о Толстомъ за то, что колеблетъ Россію, «не прощающіе»,—и по мотиву понятному, ибо Толстой уже старикъ; а о Церетели онъ не только не сказалъ ни одного порицательнаго слова (напримѣръ устно-бы), но проговорилъ съ любовью, почти съ нѣжнымъ чувствомъ, какъ могъ-бы проговорить отецъ о погибшемъ, заблудившемся сынѣ, ибо онъ былъ еще юноша и его «глупости» нельзя было ему поставить «въ строку». А Церетели былъ революціонеръ и хотѣлъ «все низвергнуть». Но онъ сказалъ хвалу революціонеру не какъ «Незнакомецъ», вторя тону Герцена, а вотъ какъ «трудовой солдатъ» около Руси. «Бѣдный юноша—ты погибъ, и все, что ты дѣлалъ,—было глупости. Но ты не могъ этого видѣть именно по юности. Ты умеръ какъ герой и съ сердцемъ героическимъ... Мы всѣ можемъ заблуждаться въ мысли, и заблуждаюсь я въ другомъ, какъ ты тоже заблуждался въ другомъ. Но нашъ всѣхъ долгъ—до конца вѣрить въ себя, и говорить правду, какъ кто ее пони-

мать. Эту-то *честь человѣка* никто не отниметъ отъ тебя. И былъ ли ты врагомъ или не врагомъ Родины— никто не въ правѣ лишить тебя тріумфа похоронъ». Вотъ отношеніе. Это не «браво! браво, Церетели!» пока онъ громилъ Столыпина (отвѣтъ его на первую рѣчь премьеръ-министра), и —«всѣми забыть», когда рѣчи кончились и онъ пошелъ въ тюрьму. Это отсутствіе аплодисментовъ тогда, «въ апогеѣ», и скорбное сожалѣніе и похвала, когда онъ повернулъ къ міру арестантскій халатъ—это и есть настоящее отношеніе настоящаго человѣка, отношеніе и отца, отношеніе и гражданина. Оно не только лучше и полнѣе «Незнакомца», оно неизмѣримо его благороднѣе. *Въ собственномъ смыслѣ*, конечно, никакого «перелома» не было въ Суворинѣ [1]), онъ былъ все *тѣмъ* же и все *такимъ* же. Но онъ неизмѣримо противъ «Незнакомца» улучшился,—улучшился противъ его односторонности, противъ его капризовъ молодости, противъ его дурачествъ молодости, «игры таланта» и прочихъ яркихъ, но малоцѣнныхъ (нравственно) вещей. Ему захотѣлось отдохнуть душой въ подвигѣ. Ему захотѣлось выкупаться въ свѣжей водѣ труда, терпѣнія, медленнаго подыманія впередъ самаго *дѣла*, а не своей личности; онъ кончилъ «каникулярные дни» *Незнакомца* и принялся за «учебный годъ» суроваго, отвѣтственнаго ученика-ли, учителя-ли. Этотъ «второй Суво-

[1]) Дуракъ Рубакинъ пишетъ: «Суворинъ *до перемѣны* убѣжденій», «Суворинъ *послѣ перемѣны* убѣжденій». Конечно, самъ Рубакинъ *никакихъ рѣшительно убѣжденій не ломалъ и никогда не имѣлъ и не имѣетъ.*

ринъ», выросшій изъ «перваго Суворина», залилъ его всеобъемлемостью, многообразіемъ, умомъ, но главное—онъ залилъ его благородствомъ вотъ этого не мальчишескаго, а отцовскаго, не бунтующаго, а служебнаго отношенія къ вещамъ, къ лицамъ, ко всему. «*Жить* —значитъ *служить*», и Богъ—служитъ міру, а всѣ люди—служатъ другъ другу, и мы—служимъ Россіи, а Россія—служитъ всѣмъ. Въ этихъ «службахъ» и ихъ узорѣ есть ошибки, и избѣгнуть ихъ никому не дано: однако важно, и это *одно важно*, чтобы не утрачивалась идея самой «службы», чтобы она не исчезала изъ міра, ибо безъ нея міръ погибнетъ въ безчестности. Вотъ въ эту-то «честность» Суворинъ и вошелъ, выйдя изъ «Незнакомца»: онъ принялъ безчисленныя оскорбленія, принялъ лютый вой всей печати на себя, принялъ комки грязи, полетѣвшія на него отъ безумной и обманутой молодежи (если только не *павшей молодежи*), заслонивъ отъ уймы подлости и пошлости больное тѣло Россіи. Раны Суворина—раны тѣлохранителя Россіи. Позоръ Суворина (въ печати) —это какъ мать «беретъ на себя грѣхъ дочери», и несетъ его молча. Эта сторона Суворина, это его терпѣніе, эта его нерастерянность въ труднѣйшія минуты, это его спокойное господство умомъ надъ обстоятельствами, и при всемъ томъ сохраненная доброта, незлобивость, безмстительность (я бы ни за что̀ многое не простилъ) —удивительны. «Незнакомецъ» мальчикъ. Талантливый. Остроумный. Но вѣдь это—*ничто*. Вѣдь все дѣло—въ *серьезности*. Вѣдь жизнь-же, наконецъ, серьезна, господа! Но вотъ,

подите: «пусть серьезнымъ остается правительство, ибо оно *бездарно*,—а мы, *талантливые люди*, покутимъ!»...

Вдругъ отъ «талантливыхъ людей» отдѣлился талантливый изъ талантливыхъ, и сказалъ:

— Нѣтъ, господа! *Россіи жалко. Я -не съ вами.*

И весь «кутежъ» повалился на него:

— Задавимъ! Разорвемъ!

Но онъ былъ именно «талантливый изъ талантливыхъ» и отвѣтилъ:

— Не разорвете, господа. Поборемся.

Исторія этой 35-ти-лѣтней борьбы съ «талантливымъ русскимъ кутежомъ» и есть исторія «Новаго Времени».

Если бы онъ былъ суровъ, какъ Катковъ, онъ былъ бы побѣжденъ (не читаютъ).

Если бы онъ былъ односторонень и однотоненъ, какъ Аксаковъ,—опять былъ бы побѣжденъ (читаютъ только «свои»).

Но помогъ «Юрій Бѣляевъ»...

Помогла актриса...

Помогло «все»...

«Да!—водевиль есть вещь, а прочее все—гиль».

Вся Россія оглянулась. «Этого нельзя не прочесть». Все, что̀ угодно, можно *не* прочесть, Платона, Спиноза: но если *скандалъ*—то̀ какъ же этого не прочесть??—«Подавай сюда скандалъ».

Все «давай», чтобы одолѣть этотъ угрюмый и печальный скандалъ *въ душѣ* людей, заключающійся

въ неискренности людей, въ притворствѣ людей, въ индифферентизмѣ людей, въ невообразимомъ тщеславіи людей, въ силу котораго каждому есть дѣло до своей «славишки», до своего «хлѣбца», до своей «канфетки», и никому нѣтъ дѣла до завернешой въ чаду угара больной и старой Родинѣ.

— Шалишь. Не свалишь!—сказалъ угрюмый солдатъ въ Суворинѣ, и позвалъ «актрису»...

«Съ актрисой ты меня не свалишь». Тутъ помогъ и универсализмъ Суворина, и его скромность. «Не презирай никого въ мірѣ и никакого состоянія»—вотъ его благородное и смиренное отношеніе къ вещамъ въ мірѣ. Катковъ и актриса—что-то невообразимое въ сочетаніи. «Савина и Аксаковъ»—тоже не идетъ. Еслибы Суворинъ притворился—ему бы *ничего не удалось*. Но онъ *не притворялся*, «любя актрису»: онъ ее во-истину полюбилъ, да и всегда любилъ, артистической и человѣческой душой своей [1]). Будучи въ то-же время государственнымъ человѣкомъ. Вотъ

[1]) Разъ онъ мнѣ шутливо сказалъ,—«на народѣ», въ театрѣ или на одномъ изъ юбилеевъ: «Какъ *неправильно* живетъ Толстой, и какую ему *скверную жизнь* устроили окружающіе; какіе-то странники, студенты и монотонность! Онъ и безъ того старъ, а ему еще старости наваливаютъ на плечи. *Я бы его окружилъ*, напротивъ, молодыми, веселыми (не въ дурномъ смыслѣ) женщинами, дѣвушками, ихъ играми, танцами и всякими удовольствіями вообще молодежи, и—дѣтьми». Кто *лично* зналъ С—на,— знаетъ, до какой степени «флиртъ» и «вино» были исключены изъ его обихода, до чего онъ весь—привыкъ *къ работѣ*, и слова эти имѣли смыслъ: «давайте—юности, добра, и—поменьше *облаковъ*; и, особенно,—поменьше и даже совсѣмъ не нужно *дождя*» (духовнаго, соціальнаго, бытового).

эта тайна и сдѣлала то, что не удавшееся Каткову, не удавшееся Аксакову, и что казалось вообще никому не удастся въ Россіи, т.-е. въ странѣ и въ исторіи, гдѣ «есть веселіе пити и не можемъ безъ того быти»,— удалось Суворину.

— Да, государственныя нужды—это не пустяки.

— Да, народность наша... ну, что-же, это фактъ, и нельзя на него плевать.

— Русская исторія...

— Вообще вся Россія...

«— Позвольте», — ему возражаютъ: — «но вѣдь Карлъ Марксъ сказалъ, что это вообще все надо послать къ чорту...

«— Что вы, Алексѣй Сергѣевичъ: вы измѣняете *русскому идеализму*. Великіе русскіе писатели, еще Бѣлинскій, потомъ Герценъ, а еще Щедринъ и Чернышевскій—всѣ учили проклинать эту «нашу Расею», осмѣивать ее, ругаться надъ нею; и—подводить фундаментъ подъ гармонію человѣчества, первый камень которой былъ положенъ Фурье...

«— Мы же за это *страдали*...

«— Мы же за это *ссылались въ Сибирь*...

«— Мы *оплатили кровью* право презирать отечество, а вы учите его уважать, цѣнить и работать для него...

Объ эту стѣну разбились не то, что Катковъ съ Аксаковымъ, не то что Гиляровъ-Платоновъ и Хомяковъ, но началъ разбиваться и Пушкинъ (судьба его «Клеветникамъ Россіи» въ послѣдующей литературѣ).

— Хорошо, мы немножко потанцуемъ...—былъ отвѣтъ Суворина.

«Танцовать» всѣмъ хочется. Это совпадаетъ съ «Русь есть веселіе пити...». Мастерство, и притомъ *какое-то врожденное мастерство*, соединить «веселіе пити» (не въ буквальномъ смыслѣ) съ угрюмой мечтой отшельника — и составило побѣдный залогъ Суворина. Безъ этого ничего-бы не вышло. Безъ «*и* Юрій Бѣляевъ»—ничего бы не вышло. «Не вышло»-бы безъ энтузіазма къ Сальвини, своего театра, «Татьяны Рѣпиной» и «Царевны Ксеніи»,— безъ «Вопросъ» и «Любовь въ концѣ вѣка» (не читалъ). Всѣ искусственныя вещи не удаются, а натуральныя вещи всѣ удаются. Можетъ быть, никогда не повторится этого совпаденія въ одномъ лицѣ такого множества казалось-бы несовмѣстимыхъ призваній, какое мы видимъ у Суворина; или, если не «призваній» въ смыслѣ чего-то «одного въ жизни», то—влеченій и увлеченій, горячихъ, пылкихъ, долголѣтнихъ. Ими онъ и выигралъ побѣду. Никогда нельзя забывать, что *первымъ его*, *еще ученическимъ*, *на школьной скамьѣ*, трудомъ былъ «*Словарь* замѣчательныхъ людей Русскихъ», а учителемъ уѣзднаго училища онъ пишетъ: «Ермакъ Тимофѣевичъ, завоеватель Сибири». Темы и книги эти—*не* «Незнакомца»; это темы и книги— издателя «Всей Россіи» и «Новаго Времени». Значитъ 18-ти лѣтъ, 23-хъ лѣтъ, онъ былъ «старикомъ Суворинымъ»; вотъ гдѣ его *настоящій идеализмъ*: съ-рая, повседневная работа для благоденствія, славы и величія Россіи. Солдатская работа, солдатская и инженерная.

Этимъ все рѣшается,—самыми ранними мечтами. Потому что на ученической-то скамьѣ онъ, конечно,

былъ только мечтателемъ; и мечта эта—не комедійка, не стишокъ, не сатирическій разсказецъ «на нашего губернатора», а (смотрите *трудолюбіе*!) «Словарь людей, потрудившихся для Россіи»: работа безславная, безличная, работа собирателя свѣдѣній по книгамъ. Въ этой ученической работѣ выплылся «весь Суворинъ», «до мотилы». Мало къ кому такъ, какъ къ нему, подходитъ прекрасное опредѣленіе какого-то француза: «Что такое великая жизнь? Это *мечта молодости, осуществленная въ зрѣлый возрастъ*». А «Незнакомецъ» былъ исключеніемъ, выпадомъ, очень понятнымъ. Во всѣхъ «дѣлахъ русскихъ» дѣйствительно замѣшано столько глупаго, столько замѣшано наконецъ воровскаго и мошенническаго, что не быть сатирикомъ и насмѣшникомъ тоже невозможно. «Голова не засмѣется,—животъ засмѣется». Только вѣдь, вотъ, судя по отношенію Некрасова къ женѣ Огарева, судя по отношенію къ Бѣлинскому того же Некрасова и Краевскаго, всѣ эти вещи, увы—«во всѣхъ лагеряхъ», въ томъ числѣ—и «страдальцевъ». У Бѣлинскаго вырвался почти предсмертный вопль: «да то, что дѣлаютъ со мною мои друзья и покровители (рѣчь шла о Некрасовѣ и Краевскомъ)—это гораздо черньѣе всего, что дѣлали Булгаринъ и Гречъ въ нашей литературѣ». То-то и оно-то. На неумной картинкѣ Наумова («Умирающій Бѣлинскій») надо было нарисовать не жандарма, показывающагося «символически» въ дверяхъ бѣдной квартирки, при плачущей женѣ и маленькой дочери умирающаго критика: а кладущаго въ боковой карманъ пиджака

толстый бумажникъ со сторублевками сытаго либерала Краевскаго,—и протягивающаго больному сотруднику «синицу» (3 рубля). Вотъ правда! Вотъ она *гдѣ*!!.

— «Но мы потанцуемъ»,—сказалъ идеалистамъ-мошенникамъ Суворинъ. «А тамъ подумаемъ и поговоримъ».

Онъ не принялъ прямого, «на сей день» сраженія, а перевелъ его въ инженерную, долгую, затяжную борьбу. «Вотъ—*Маленькая Библіотека*, по 15—20 коп книжка. Почитайте, господа; пусть *читаютъ ваши дѣти*! Шекспиръ и Шиллеръ—по 15 коп. пьеса. Вы читаете Писарева и Бюхнера, но дѣти ваши будутъ читать Шекспира, потому что нельзя же его не читать за 15 коп., когда Стасюлевичъ и его «Вѣстникъ Европы» далъ тоже въ учебно-маленькой «Библіотекѣ» *не полное* «Горе отъ ума» за 75 коп. (я читалъ студентомъ).

Суворинъ—вездѣ.

Суворинъ—въ справочной книжкѣ.

Нужно отыскать кухарку: «возьми газету Суворина».

Суворинъ—въ газетѣ.

Авіація—и тамъ Суворинъ.

«Отъ Суворина некуда дѣваться».

Взвыли «страдальцы до Любани» (Михайловскій административно былъ высланъ на станцію Любань, ближайшій буфетъ отъ Петербурга).

— А *мы*?!!

— Господа, свободная конкурренція! Я же вамъ не мѣшаю распространять философическую «Мате-

рію и Силу» и «Кругообороть жизни» (Бюхнеръ и Молешотъ): но они стоятъ по 1 руб. 50 коп., а я даю по 25 коп. томики «Исторіи Карамзина». *Мое—читаютъ больше*!! Нисколько я не противъ пропаганды идей Лассаля, и какъ онъ интересно застрѣлился изъ-за русской соціалъ-барышни: а только я даю Ѳеодора Іоанновича въ исполненіи Орленева, и ужъ не моя вина, не моя и не ваша, что публика ломится въ театръ на сотое представленіе той же пьесы. *Ко мнѣ идутъ больше.*

Суворинъ побѣдилъ.

Онъ побѣдилъ тѣмъ, что все къ нему повалило.

«— Да. Но потому, что это—кафе-шантанъ!!!»

– Позвольте, какой-же это «кафе-шантанъ», когда дается Пушкинъ по 10 коп. за томъ. Когда онъ дается не только безъ выгоды, но и съ нѣкоторымъ убыткомъ [1]). Это просвѣщенная благотворительность.

[1]) Первое дешевое изданіе Пушкина, превосходное по тексту и чрезвычайно удобное по формату и печати, было отпечатано Суворинымъ не только безъ барыша, но съ небольшимъ убыткомъ противъ стоимости бумаги и печатанія. Въ день, когда оно («50 лѣтъ послѣ кончины Пушкина») появилось въ магазинѣ, кинувшаяся за покупкою толпа своей массой сломала прилавокъ и мебель въ магазинѣ «Новаго Времени». Поразительно, что Литературный Фондъ, прикармливающій соціалъ-демократовъ, поступилъ какъ Плюшкинъ. Онъ не оцѣнилъ нисколько, не поставилъ ни во что̀ дачу *рублеваго Пушкина*, но содралъ съ Суворина что-то около 40.000 рублей, понудивъ его жалобами купить все *свое изданіе* къ этому дню (въ редакціи Морозова) на томъ основаніи, что Суворинъ въ маленькое свое изданіе ввелъ тѣ поправки текста (*конечно, незамѣтныя и непонятныя массовымъ читателемъ дешеваго Пушкина*), какія своими работами надъ рукописями сдѣлалъ Морозовъ. Вообще русскій радикалъ **вездѣ сорветъ свой пятачокъ.**

Дѣло въ томъ, что лѣнивая и развращенная публика не береть уже и «просвѣщенной благотворительности», если *въ то-же время* около нея нѣтъ шума, движенія и чего-то веселящаго нервы. И Суворинъ, въ обширномъ и спокойномъ умѣ все понимая, все видя,—призвалъ въ помощь и этотъ шумъ, и эту печатную паркотику. Въ XIX-мъ вѣкѣ онъ дѣйствовалъ какъ въ XIX-мъ вѣкѣ. Особенность вѣка, почти главная особенность, самая мучительная, самая скорбная, самая опасная, заключается въ томъ, что если-бы, положимъ, въ Берлинѣ или Парижѣ, въ Лондонѣ или Петербургѣ появился возставшій изъ гроба апостолъ Павелъ, со всѣмъ огнемъ своего слова и убѣдительностью мысли, то, конечно, «ученики Бокля и Чернышевскаго» на него-бы даже не оглянулись. И вотъ нужно было въ эту-то толпу уже падшихъ людей «капнуть Пушкина». Суворинъ капнулъ— и *капля растворилась въ толпѣ и своей нагуществю хотъ нѣсколько облаговонила людей.*

Этого не могъ сдѣлать апостолъ Павелъ: но «хитроумный Улиссъ» это сдѣлать могъ.

Въ дѣятельность и личность Суворина, въ его «1001 талантъ», конечно, входила эта хитрость: которую я позволю назвать благородною хитростью, потому что она была направлена на благо, и притомъ *благо общее*, но никогда рѣшительно не устремлялась въ свой мѣшокъ. Это хитрость стратега въ войнѣ: она спасаетъ армію. Это—изумительныя «хитрости» Аннибала, когда онъ боролся съ Римомъ: онѣ отво-

дили гибель отъ отечества. Эта—та хитрость не *домашняго*, а *городского* человѣка, наконецъ человѣка *страны, земли своей*, которая совершенно неизбѣжна; ибо и городъ, и страна имѣетъ свои улицы и свою жизнь, отъ индивидуума не зависящія, и которыя *уже хитры по своему устройству прежде рожденія всякаго человѣка*. Здѣсь законъ не *личной совѣсти*, а законъ *совѣсти исторической, городской, земской;* и эта совѣсть заключается въ одномъ: *все—для города, и ничего—себѣ*. Если этотъ законъ выполненъ, то оправдана и личная совѣсть. Но Суворинъ его выполнилъ: отъ «Словаря» и «Ермака» до «Всей Россіи» онъ думалъ только объ отечествѣ. И я не видалъ еще человѣка такой сложной общественной дѣятельности, у кого душа постоянно была-бы такъ ясна, проста и удовлетворена въ смыслѣ именно «внутреннихъ угрызеній», какъ у Суворина. Въ немъ никогда я не замѣчалъ полоски унынія, тоски и тайной скорби, какая непремѣнно скажется, если «совѣсть не чиста».

Единственное съ досадой и требовательно сказанное слово, за болѣе чѣмъ въ 12 лѣтъ услышанное мною отъ него, было:

— Если вы *опять* принесете написанное на обѣихъ сторонахъ,—я прикажу въ типографіи, чтобы не набирали.

«Опять»—значитъ онъ раньше говорилъ. Но я не помнилъ. Да и что̀ такое «на одной сторонѣ»: а куда же другая? Наконецъ, я разобралъ, точнѣе—онъ мнѣ разъяснилъ на этотъ разъ подробнѣе, что *нельзя пи-*

сать на правой и лѣвой сторонѣ страницы, а нужно *только на одной правой*, ибо у наборщика руки потныя и въ краскѣ, и когда онъ держитъ пальцами «оригиналъ», набирая первую сторону, то другая пачкается, захватывается и *написанное становится неразборчивымъ и наборщику трудно набирать, страдаютъ глаза.* Наборщики-же въ «Новомъ Времени» строптивы, и я разъ услышалъ гдѣ-то около плеча или за спиною подъ носъ: «Мы когда-нибудь Юрія Дмитріевича (Бѣляева) отколотимъ за рукописи; ничего нельзя разобрать». Наборщикъ *медленно работаетъ и теряетъ на времени* (убытокъ).

Это и прочее. Всегда наблюдалось одно: «этотъ человѣкъ *не обиженъ-ли?*». И тогда Суворинъ терялъ свое лицо, всегда спокойное и уравновѣшенное.

Изъ мелочей: работая 12 лѣтъ постоянно, часто приходя въ газетную наборную, я все-же не помню метранпажей (4) по имени и отчеству. Всегда: «здравствуйте, Сафроновъ; здравствуйте, Петровъ». Но *главы редакціи* (2—3) всегда называютъ ихъ по имени и отчеству.

Какъ-то я ночью, не рано, пришелъ въ наборную. Наборъ еще не готовъ и вообще ничего не готово («къ номеру»); и метранпажъ (Петровъ) былъ свободенъ, и я свободенъ. Разговорились. Разсказалъ о женѣ, дѣтяхъ и всей работѣ,—начатой наборщикомъ въ книжной наборной съ 25 рублей въ мѣсяцъ (теперь 175 рублей въ мѣсяцъ, въ среднихъ годахъ). Характеризовалъ «все начальство», смѣняющихся (въ году) вице-редакторовъ и всѣхъ Суворинскихъ. Одинъ

«вспыльчивъ, но добръ»; «ну, *этотъ*—совсѣмъ рубашка» («человѣкъ-рубаха», поговорка), а тотъ «покричитъ и ему черезъ полчаса жалко станетъ,—и онъ сдѣлаетъ что-нибудь исключительно доброе, чтобы загладить окрикъ». И, кончая, повелъ головой:

«Суворины *вообще* всѣ *чрезвычайно добры*».

Мнѣ послышалось въ этихъ словахъ рабочаго, который стоитъ у дѣла 20 лѣтъ, что-то въ родѣ ключа къ пониманію всего дѣла. Нужно говорить о «генераціи Сувориныхъ». Конечно, никто не имѣетъ генія (по разнообразію) отца, но во всѣхъ есть это стержневое качество рода, вѣроятно, пошедшее отъ «дѣда съ бабкой»...

ПИСЬМА

I.

17 августа 93 г.

Милостивый Государь

Василій Васильевичъ,

Я прочиталъ Вашу статью «Свобода и Вѣра» [1]). Тема очень интересная. Но, во-первыхъ, она не газетная, во-вторыхъ, она изложена не для газеты. О согласіи или несогласіи съ Вами редакціи, конечно, не можетъ быть рѣчи, ибо у Васъ есть имя. Согласитесь, что читать такую статью на пространствѣ трехъ недѣль, а мы иначе не можемъ ее печатать, какъ по одному фельстопу въ недѣлю,—почти немыслимо. Всякая связь теряется и интересъ остается развѣ только для немногихъ. Вы указываете на статьи Самарина. Но онѣ были ярко полемическія, и вопросъ

---

[1]) Было нѣчто *чудовищное* предложить подобную статью газетѣ,—и показываетъ все мое «неофитство» тѣхъ лѣтъ... Статья была помѣщена въ «Русск. Вѣстникѣ» и вызвала отвѣтъ Влад. Соловьева—«Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ». Статью находилъ тяжелой для чтенія Н. Н. Страховъ, и—односторонней по содержанію; скорѣе—слишкомъ фанатичной и *непрактичной*, *нецѣлесообразной*. Скоро въ полемику вступилъ и Л. А. Тихомировъ, а также вторично отвѣчалъ Вл. Соловьевъ. *В. Р.*

который онѣ разбирали, былъ доступнѣе читателямъ. Я вообще противъ большихъ статей въ газетѣ, исключая беллетристики. Ни въ одной газетѣ міра не дѣлаютъ этого, хотя въ нихъ разбираются всякіе вопросы. Газетная статья—фельетонъ, не больше. Если тема удобораздѣлима на самостоятельныя части, тогда и большая статья можетъ быть помѣщена, но не подобная Вашей, гдѣ все связано. Если у Васъ найдется что-нибудь менѣе философское и болѣе ясное и прямое для читателей, я съ удовольствіемъ бы принялъ [1]) на тѣхъ условіяхъ, которыя Вы назначили. Я говорю «ясное», ибо, признаюсь Вамъ, мнѣ было трудно читать Вашу статью, и я даже не увѣренъ, понимаю ли я ее такъ, какъ слѣдуетъ.

Искренно Васъ уважающій

А. Суворинъ.

---

[1]) Только *теперь* (въ корректурѣ) замѣчаю это ясное предложеніе «писать»,—которымъ я, необъяснимо почему, не воспользовался до 1899 года, т. е. цѣлыхъ *шесть лѣтъ* (смотри *дату* слѣдующаго письм); между тѣмъ какъ эти шесть лѣтъ положительно были отравлены (и *для писательской дѣятельности)* безпросвѣтной матерьяльной нуждой. Простая догадка писать «Замѣтки» спасла бы все; но я не умѣлъ въ то время писать «Замѣтокъ», все выходили «трактаты». *В. Р.*

II.

12 авг. 98.

Василій Васильевичъ!

В. П. Буренинъ далъ мнѣ прочесть два Вашихъ фельетона, которые онъ не напечаталъ, потому что «не понялъ ихъ». Я ихъ прочиталъ и не понялъ тоже. Странный, афористическій языкъ, пересыпанный текстами изъ Библіи и русскихъ писателей; трудно одолѣвается. Мысль прячется, точно конфузится показаться на свѣтъ Божій, или не хочетъ явиться въ понятной для всѣхъ формѣ. Не то проповѣдь съ церковной каѳедры, не то глубокая философія, требующая комментарій. Согласитесь, если Буренинъ и я—мы не понимаемъ, то и огромное большинство читателей—тоже не поймутъ. Я знаю, что Вы способны говорить прекрасныя вещи, что иногда Вы ясно видите то, что до Васъ никто не видѣлъ, или не рѣшался сказать, что видѣлъ. Въ Вашемъ фельетонѣ о Толстомъ чуется что-то хорошее, но только чуется. Онъ долженъ быть переведенъ на ясный и простой языкъ, чтобы его всѣ уразумѣли. Нельзя на 800 строкахъ говорить загадками, какія бы чудесныя отгадки за ними ни

скрывались. Въ деревнѣ я прочелъ Вашъ фельетонъ о Грибоѣдовѣ[1]). Тамъ тоже только чуется что-то новое и деликатное, но не въ такой мѣрѣ оно не ясно, какъ въ этихъ Вашихъ фельетонахъ. Дѣлайте съ ними, что хотите, но въ этой формѣ я не могу ихъ поставить въ газету.

Вашъ А. Суворинъ.

[1]) Статьи—*Горе отъ ума* на сценѣ Кисловодскаго театра». «Прыгающ я» и «не п пятная» статьи—«Около болящихъ». Обѣ перепечатаны въ книгѣ «Литературные очерки». *В. Р.*

III.

Многоуважаемый Василій Васильевичъ.

Я не могу напечатать эту статью («Номинализмъ въ христіанствѣ»). И статья А—та [1]) подверглась сокращеніямъ и измѣненіямъ, а въ Вашей я не могу этого сдѣлать и не знаю даже, гдѣ сдѣлать. Война—скверное дѣло вообще:, но у насъ въ церкви и на каждомъ молебнѣ поютъ: «побѣды на супротивные даруя....», и въ каждомъ манифестѣ о войнѣ призываютъ Бога. Я думаю, Онъ тутъ не причемъ, какъ и въ вопросахъ о бракахъ. Я могъ бы тутъ изложить ужасную ересь. Но воздерживаюсь. Что касается чистоты нравовъ *до* воинской повинности, то ея никогда не было. Въ Воронежской губерніи, въ селахъ, вдали отъ столбовыхъ дорогъ, въ началѣ 50-хъ годовъ, можно было купить всякую дѣвственницу за три рубля. Всѣ иностранцы свидѣтельствуютъ о развратѣ русскихъ въ XV, XVI, XVII и т. д. вѣкахъ. Аббатъ Іоаннъ, астрономъ, ѣздившій въ Сибирь въ

[1]) Владиміръ Карловичъ Петерсенъ, подписывавшійся въ «Н. Вр.» «А—тъ». *В. Р.*

началѣ 2-й половины XVIII вѣка (онъ посланъ былъ для наблюденія прохожденія Венеры подъ солнцемъ), описалъ русскую свадьбу и обряды, и сообщаетъ, что россіянки умѣютъ поддѣлывать дѣвственницъ превосходно. Всѣ русскія пѣсни прославляютъ незаконную любовь. Однако, все это не резонъ. Мы не можемъ касаться вопроса, который Вы разбираете, съ такой точки зрѣнія. Провозглашать военное вѣдомство «еретическимъ, противодѣйствующимъ Божіей тайнѣ»,—этого я не могу. Вообще церковныхъ вопросовъ я очень не люблю. Тутъ или—все говорить, или—ничего.

Вашъ А. Суворинъ.

26 авг. 98.

IV.

Василій Васильевичъ,

Вы, пожалуйста, мнѣ помогите. Вы именно угадали, что надо. Не можете ли Вы мнѣ написать начало совсѣмъ связно, отбросивъ совсѣмъ мое. Ваши мысли правильнѣе. Статьи, конечно, *поступокъ*, но *не вовсе поступокъ*. Статьи подлежатъ критикѣ, но не суду чести. Комитетъ [1]) ссылается на «охраненіе

[1]) Никакого у меня воспоминанія о самомъ дѣлѣ. Это, очевидно, «Охранка», сочиненная подъ именемъ «Суда чести» Михайловскимъ и Спасовичемъ, двумя господами, у которыхъ самаго обоянія «чести», «добра» и «благородства» не было, но въ ихъ когтяхъ и когтяхъ было хорошее осязаніе «суда» и «судьбища», и особенно вотъ административнаго суда, съ оттѣнкомъ полицейской расправы. «Писатель—птица тщеславная»,—полагали новые охранники, и «у писателя *честь его* есть все его богатство»: но «чести»—принимаютъ, но «чести» читаютъ, но «чести» подписываются на газету или журналъ. И вотъ какъ «теплые люди» на Сибирскомъ трактѣ «отрѣзаютъ у купцовъ цибики съ чаемъ», такъ и мы, думали эти охранники, будемъ отрѣзать у писателей ихъ «честь»,—и посмотримъ, какъ они безъ

добрыхъ правовъ среди дѣятелей печати» (§ 1). Я ихъ нарушилъ. Стало быть, я противодѣйствую Союзу. Видите, какая штука. Составлялъ уставъ Спасовичъ и очень хорошо зналъ, къ чему эти параграфы. М. П. Соловьевъ все проглядѣлъ, что и понятно. На мнѣ Комитетъ пробуетъ свою силу. Я знаю, что онъ ее пробовалъ на другихъ уже не разъ, и—съ успѣхомъ и безъ протеста. Я не могу ему не протестовать. Но надо, чтобы это было доказательно, хотя бы для этого надо было распространиться. Я не могу, совсѣмъ не могу. Вы знаете это. Анонимные пасквили меня

«чести»-то будутъ поносывать, искать читателей, искать вліянія и значенія, издавать журналы и газеты. Изъ двухъ такихъ птицъ, какъ Спасовичъ и Михайловскій, легко было сшить третью птицу—Судейкина. Не Дегаева, что слишкомъ ясно и коротко, а вотъ—Судейкина, чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, обдумывавшаго «устраненіе» министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстого, и—овладѣніе всѣми дѣлами Россіи на подготовленной почвѣ испуга и робости, растерянности и недоумѣнія. Это—и достаточно сложно, и достаточно дальновидно, и, наконецъ, достаточно талантливо для двухъ такихъ умовъ, какъ знаменитый юристъ-писатель и знаменитый критикъ-публицистъ, «проходившій 40 лѣтъ въ одномъ сюртукѣ», т.-е. съ дальновидностью за 40 лѣтъ предвидѣвшій, что этого «сюртучка» не придется снять, онъ все будетъ самымъ удобнымъ и самымъ «чиновнымъ» на Руси, по крайней мѣрѣ 40–50—80 лѣтъ.

Выводитъ въ люди кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ.

Михайловскій, да и Спасовичъ, и усѣлись въ «Максима Петровича» журнализма. А бѣдный Суворинъ, честный и пылкій, впечатлительный и подвижный, долженъ былъ первымъ испытать, каково деретъ новый коготокъ и каково клюетъ новый клювъ. *В. Р.*

не оставляютъ. Передъ заутреней одно изъ такихъ произведеній глубоко меня огорчило. Никогда я не встрѣчалъ такъ Пасху. И я прошу Васъ помочь мнѣ. Только Вы и можете это сдѣлать.

Вашъ А. Суворинъ.

18 апрѣля 99.

Пожалуйста, марайте всюду, гдѣ покажется хоть малая неосторожность.

V.

Василій Васильевичъ,

Я прочелъ Вашу передовую о *Мертвой точкѣ*. Я думаю, что въ этомъ видѣ она рѣзка. Но тема была бы хороша для фельетона,—говоря вообще о *скукѣ* и развивая тѣ историческіе примѣры, которые Вы приводите. Въ фельетонѣ не будетъ видно слишкомъ яркаго указанія на правительство, а скорѣй на всю нашу жизнь, которая вообще скучна и не наполнена даже дѣломъ. Нигдѣ такъ мало и такъ безпутно не работаютъ, какъ у насъ, и нигдѣ такъ не умѣютъ неработать и увлекаться своимъ ежедневнымъ дѣломъ. Въ Германіи тоже скучно, но жизнь идетъ. Оттуда бѣгутъ въ Россію, во Францію, въ Америку, а все-таки Германія богатѣетъ и развивается. Тамъ въ газетахъ смертельная скука и все въ нихъ серьезно и не жалуются. Въ фельетонѣ много можно сказать, а въ передовой трудно.

Вашъ А. Суворинъ.

25 іюня 99.

VI.

29 авг. 99.
С. Никольское.

Какой Вы прекрасный фельетонъ написали, Василій Васильевичъ, о нѣмцахъ и одесѣвцахъ [1]). И гуманно, и очень оригинально, ничего пошлаго, изношеннаго, я бы сказалъ даже—никакой литературы, а просто глубокая человѣческая рѣчь. Но я несогласенъ ни съ Толстымъ, ни съ Вами относительно крестьянскаго схода. Онъ тоже бываетъ очень разуменъ, но рѣдко безъ водки обходится, которая портитъ его. Крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ А. Суворинъ.

[1]) «Одесѣвцы въ Ригѣ»,—перепечатано въ книгѣ «Около церковныхъ стѣнъ». *В. Р.*

VII.

14 сент. 99. Никольское.

Крѣпко жму Вамъ руку за Ваше письмо, Василій Васильевичъ. Я думаю, что не надо обезличивать никого, не надо на всѣхъ мундиръ надѣвать. Противъ этого я возставалъ ужасно и думаю, что я правъ. Надо больше давать свободы личному мнѣнію и не навязывать своего взгляда. Это недостатокъ въ газетномъ дѣлѣ. Газета не есть собраніе истинъ, а собраніе мнѣній. Меня упрекали въ томъ, что я будто бы флюгеръ. Я совсѣмъ не флюгеръ. Но, будучи человѣкомъ, не получившимъ солиднаго и серьезнаго образованія [1]), принужденный постоянно учиться, постоянно читать и на-лету схватывать знанія, я да-

[1]) Прелестная скромность (кто изъ редакторовъ, да и вообще изъ большихъ людей, это о себѣ скажетъ?!), тѣмъ цѣннѣйшая, что она *объективно* не основательна. Суворинъ былъ «безъ солиднаго образованія» *на тотъ же манеръ*, какъ Онѣгинъ и Пушкинъ: т.-е. онъ прошелъ школу съ малою программою, но, *зная это*, непрерывно потомъ всю жизнь читалъ, и читалъ *серьезное, превосходное*. По *этой*-то *начитанности*, С—нъ, конечно, былъ изъ образованнѣйшихъ людей, писателей, редакторовъ своего времени. Но, по скромности, совершенно искренно этого не чувствовалъ. *В. Р.*

валъ свободу мнѣніямъ и заботился, главнымъ образомъ, о литературной формѣ. Въ этомъ отношеніи я много работалъ надъ чужими статьями. Я любилъ говорить съ сотрудниками по цѣлымъ часамъ, но не столько объ ихъ статьяхъ, сколько по поводу ихъ. Часто мнѣнія, которымъ я давалъ мѣсто, мнѣ совсѣмъ не нравились [1]), но мнѣ нравилась форма, остроуміе, живая струя. Ручей—не Волга, рѣчка—не океанъ, но и въ ручьѣ и въ рѣчкѣ есть поэзія, есть правда природы [2]). Такъ и въ человѣческой душѣ. Лишь бы она была искренняя.

---

[1]) Ну, вотъ и *самъ* въ случайномъ письмѣ формулируетъ то, что̀ я въ немъ наблюдалъ за много лѣтъ и на что̀ (не помня *этого* письма) указалъ въ характеристикѣ его, написанной торопливо сейчасъ послѣ его смерти (см. выше: «Нѣсколько припоминаній объ А. С. С—нѣ»). О «флюгерствѣ» С—на: кажется, это милое словечко принадлежитъ вице-губернатору (Щедринъ); но *ко всякому* скорѣе относится это слово, нежели къ С—ну: онъ былъ *безгранично впечатлителенъ*, вотъ какъ медицинскій термометръ; и, говоря съ нимъ о семьѣ, о разводѣ, объ оцѣнкѣ русскихъ, о будущемъ Россіи, сплошь и рядомъ я слышалъ въ концѣ бесѣды (т.-е. часа черезъ $1^1/_2$ разговора на скоромъ ходу)—совсѣмъ другіе *тоны*, другія *слова*, другія *симпатіи* и *антипатіи*, чѣмъ въ началѣ разговора. На него *произвели впечатлѣніе* новые примѣры, новые факты, новые разсказы, какіе вы принесли (никогда разсужденія, «соображенія»), и онъ горѣлъ совсѣмъ новыми чувствами. Нужно имѣть какую-то невѣроятную полноту души, во-истину быть «Іудушкой изъ Щедрина», чтобы эту колоссальную впечатлительность и потерявшую правду въ «сейчасъ»—именовать «флюгерствомъ». Только вице-губернаторъ и былъ способенъ такъ сказать и такъ опредѣлить. *В. Р.*

[2]) Какъ это хорошо! какъ благородно и человѣчно. Вотъ такихъ словъ въ «застѣнкѣ» нашихъ радикаловъ не прочтешь, на «судѣ чести» ихней ее не услышишь. *В. Р.*

Я никогда не былъ самоувѣреннымъ человѣкомъ. Никогда не мечталъ о состояніи и о своемъ будущемъ. Я только работалъ и *увидалъ* себя человѣкомъ состоятельнымъ уже тогда, когда увидалъ свой *закатъ*, когда обрывались силы, когда внутреннее содержаніе и порывы уменьшились,—и я увидалъ это состояніе, которое не дало мнѣ и сотой доли того, что получалъ я въ своей работѣ, въ этой горячкѣ дѣла.

Вы видѣли меня, какъ я былъ угнетенъ во время похода на меня прошлой весной. Я былъ иногда жалокъ самому себѣ [1]). Въ первый разъ въ жизни я искалъ опоры въ другихъ и желалъ, чтобы меня поддержали. Я Вамъ давалъ читать мой отвѣтъ «Союзу писателей» и благодаренъ Вамъ за Ваши замѣчанія и поддержку нравственную [2]). Я могу теперь критически отнестись къ самому себѣ и знаю, что было хорошо и что надо было сказать иначе. Будущее газеты продолжаетъ меня безпокоить серьезно и я оттягиваю время, чтобы пріѣхать въ Петербургъ и встрѣтиться лицомъ къ лицу со злобою, завистью и клеветничествомъ, которыя въ деревню ко мнѣ не доходятъ. Кромѣ «Новаго

---

[1]) Не помню и не замѣчалъ, — просмотрѣлъ, нисколько не интересуясь «травлей». «Эти дѣла мы знаемъ» (Вл. Соловьевъ противъ меня). *В. Р.*

[2]) Въ «травлѣ» всегда надо замѣчать, *кого* травятъ: и сейчасъ становиться на его сторону, зная (по философіи и по религіи), что «травимый» человѣкъ правды и несчастія, а «травитель» его передаютъ въ себѣ тѣ черты подлаго лица человѣческаго, *черной печени* человѣчества, которая хорошо извѣстна историкамъ. Въ полемикѣ тоже хорошо помогаетъ нумизматика (постороннее занятіе). *В. Р.*

Времени», у меня здѣсь «Петербургская Газета», «Московскія Вѣдомости» и «Русскія Вѣдомости», которыя я очень уважаю за ихъ джентльменство. Была у меня «Россія», но она меня мучила своей наглостью, съ какой она искала предлоговъ къ нападкамъ на меня [1]) и газету, и я пересталъ ее получать. Это тоже уже слабость. Я сталъ щадить себя, свои нервы, и это уже плохо. Побѣждаетъ только тотъ, кто не щадитъ своихъ силъ и смѣло бросается въ битву. Очень желалъ бы, чтобы Вы были правы въ томъ отношеніи, что теперь другое время и другой надо темпераментъ. Я съ Буренинымъ. Онъ сохранилъ еще свои силы. Его послѣдній фельетонъ мнѣ нравится. Это говоритъ независимая литературная сила. Его характеристика Короленки очень правдива. О *бесстрастіи* Михайловскомъ и недавно. Я не люблю его и какъ публициста и критика [2]). Не смотря на свое фило-

[1]) Здѣсь я поцапку, какъ и С—нь поцапалъ, самолюбіе «воротилы» тогдашней (1899 г.) «Россіи». Дѣло въ томъ, что ему и нѣсколькимъ крупнымъ сотрудникамъ «Нов. Вр.» (С—нь и они мнѣ не говорили о фактѣ, и я о немъ случайно узналъ)—извѣстенъ былъ одинъ *фактъ*, который достаточно было опубликовать въ «Нов. Вр.» съ просьбой другимъ газетамъ «перепечатать», чтобы «положить подъ доску» одного изъ этихъ «воротилъ» и травителей Суворина, положить—и косточки бы его только захрустѣли (морально, въ смыслѣ «джентльменства»). И вотъ то, что Суворинъ этого не сдѣлалъ, т.-е. пощадилъ врага, до такой степени его мучившаго, пощадилъ его *стыдъ* и *имя*, и создаетъ изъ личности Суворина то лицо, которое разъ увидѣвъ и *узнавъ*—привяжешься къ нему непоколебимой привязанностью. *В. Р.*

[2]) Когда Михайловскій умеръ, я написалъ о немъ довольно теплую статью («de mortuis bene»): и С—нъ безъ всякаго слова пропустилъ ее. Могъ бы, подъ предлогами, отклонить похвалу недругу.

софствованіе, онъ всегда мелокъ и страшно многорѣчивъ. Многорѣчіе только тогда хорошо, когда оно проникнуто горячностью, пыломъ, ядомъ страсти. У Михайловскаго этого мало. Знаете ли, что прошлой зимою критикъ Протопоповъ прислалъ мнѣ прямо блестящую, полную *яда*, характеристику Михайловскаго. Онъ былъ справедливо возмущенъ лично противъ этого философа. Я не напечаталъ и отослалъ назадъ, говоря ему, что я боюсь, что онъ будетъ раскаиваться и что лучше ему помириться со своимъ другомъ,—они были друзья [1]). Михайловскій же напечатаетъ обо мнѣ все и, судя по фельетону Буренина, печатаетъ.

Вы говорите, что нынѣшнее время вялое, скучное. А мнѣ думается, что начинается нѣкоторое повтореніе 60-хъ годовъ. Тѣ же экивоки и та же слѣпота. Болото, въ которомъ поднимаются гады и пузырять

Вотъ еще оговорка: Суворинъ былъ громадно *прямъ*, и я никогда, за 12 лѣтъ, не встрѣчалъ въ немъ «оттоворокъ». Онъ говорилъ «да», «нѣтъ», «нравится» и «не нравится». *В. Р.*

[1]) Впервые перечитываю въ корректурѣ письма, давно полученныя, и сейчасъ только вдумываюсь во всѣ подробности, тогда (при. полученіи письма, въ «суетѣ») только мелькнувшія. Читатель оцѣнитъ, что это было скрыто, и отъ *всѣхъ* скрыто, т.-е. что онъ отказалъ Протопопову; и тѣмъ сохранилъ Протопопову дружбу Михайловскаго, а къ Михайловскому какъ бы ввелъ въ комнату этого раздраженнаго, можетъ быть минутно, Протопопова снова какъ друга. Пусть другіе говорятъ, что хотятъ, но за это деликатное и незлобивое сердце я и въ гробу и у *живого бы* поцѣловалъ руку. Потому что въ «житейскихъ отношеніяхъ» это и есть то, для чего *стоитъ жить*, что̀ даетъ собою силу жить. Вотъ и оправдывается въ письмахъ то, что я *по* памяти *фактовъ* говорилъ о немъ (по смерти) въ статьѣ. Письемъ я совершенно не помнилъ и сейчасъ ихъ читаю какъ впервые. *В. Р.*

воду. Мы дождемся чего-нибудь яркаго. Я вижу здѣсь помѣщиковъ, среди которыхъ есть просвѣщенные и умные люди. Одинъ изъ послѣднихъ сказалъ мнѣ на дняхъ: «повѣрьте, что будетъ пугачевщина,— не такая, какъ была, но въ родѣ той, что была». Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ—прямо боевыя. Обѣ стороны стоятъ другъ противъ друга съ кулаками. Рабочіе и фабриканты—тоже самое. Въ литературѣ—тоже самое. Пока пузыри, холостые выстрѣлы подземнаго газа, а потомъ и настоящіе выстрѣлы. Въ провинціи, въ этой деревенской тиши—виднѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Какъ и чѣмъ живетъ народъ—это ужасъ! Это рабы, ждущіе Спартака. Мало-мальски состоятельный—не идетъ работать. У помѣщиковъ погибли тысячи десятинъ неубраннаго хлѣба, благодаря дождямъ, т.-е. бѣдствію, и—враждѣ. «Не пойдемъ убирать чужой хлѣбъ, когда свой гибнетъ». Въ «Мал. Письмѣ», о которомъ Вы упоминаете, я съ умысломъ упомянулъ о Смутномъ времени. Я его постоянно изучалъ и хорошо знаю. *Сущность* вещей одна и та же. Исторія Россіи въ XVII вѣкѣ есть исторія средняго сословія, которое одно выиграло во время Смуты. Но сильно-ли оно теперь, есть-ли въ немъ настоящіе государственные люди, настоящіе таланты, есть ли въ немъ та патріотическая искренность, которая спасла Россію въ XVII вѣкѣ? Ничего этого нѣтъ. Есть только одинъ искренній элементъ—евреи. Къ нимъ и обращаютъ всѣ взоры, и прежде всего правители и все среднее сословіе, явно или тайно.

Еслибъ мнѣ было 45 лѣтъ, я бы теперь сталъ не проповѣдывать, а проклинать. И это всего удобнѣе было-бы въ деревнѣ. Вотъ страдалица, о которой никто ничего знать не хочетъ. Журналистика мелетъ о страданіяхъ актера, литератора, адвоката, биржевика, о всякой интеллигентной падали. О страданіяхъ деревни никто не говоритъ. Маленькія замѣтки о томъ, что дожди погубили урожай. Большія статьи и фельетоны о банкротствѣ Мамонтова и другихъ, о глупой пьесѣ, о петербургскихъ интересахъ. А дожди принесутъ голодъ. Они отняли милліоны рублей у населенія, которое молчитъ и перебивается, Ты, Господи, видишь—чѣмъ. И вѣчно эта деревня молчала и всѣ усилія трехъ вѣковъ нашей исторіи направлены къ тому, чтобъ она молчала. Ее били помѣщики, били откупщики, грабила администрація и била,—всѣ били и угнетали, чтобъ она молчала. Но она набирается силъ, могу Васъ увѣрить, въ отдѣльныхъ личностяхъ. На дняхъ моя дочь гуляла по шоссе (около усадьбы нашей идетъ шоссе тульско-кіевское); встрѣтилась съ мужикомъ изъ сосѣдней деревни и разговорилась. Что онъ говорилъ ей—я повторить не могу. Но ни одинъ изъ нашихъ литераторовъ, не исключая Толстого, этого не говорилъ и не скажетъ.

Однако, я заболтался. Я сижу одинъ. Вся моя семья уѣхала въ Ѳеодосію. Въ огромномъ домѣ тишина. Кругомъ дома, въ деревнѣ, въ природѣ—тишина такая, которую никогда не услышишь въ Петербургѣ. Вы понимаете, что тишину можно слу-

шать [1]) и въ ней есть что-то громкое, звучное. Точно Богъ говоритъ, самъ Богъ. Я думаю, Онъ говоритъ не бурей, не громомъ, а именно тишиною. Она даетъ свободу мысли, фантазіи, она уязвляетъ и заставляетъ думать лучше, правдивѣе, чѣмъ въ шумѣ столицы. Она воспитала Пушкина, Тургенева, Толстого.

Однако будетъ. Будьте здоровы. Пишите не въ газету только, но и мнѣ, если выберется время. Не думаю, что раньше октября я отсюда подымусь. Развѣ что-нибудь особенное, отъ чего сохрани Богъ.

Вашъ А. Суворинъ.

[1]) Ага, вотъ этого не прочитаешь у радикаловъ. *В. Р.*

VIII.

8 янв. 900.

Василій Васильевичъ,

прочтите *хорошенько корректуру* своей статьи, уничтожьте скобки ( ), которыя мѣшаютъ читать, дѣлаютъ это чтеніе *прыгающимъ*, отвлекающимъ, не гармоничнымъ. Они все равно, напримѣръ, какъ въ игрѣ на скрипкѣ лопанье струны. Я Васъ увѣряю. Всѣ статьи вообще испещрены этими скобками и знаками « », которые столько же не нужны, какъ курсивъ. Это что-то неопрятное, заплаты на новомъ платьѣ, румяна на свѣжемъ лицѣ, губная помада на губахъ. Зачѣмъ это, Христа ради. Прочтите внимательно и прочь эти румяна, этотъ песокъ на зубахъ. Въ Москвѣ пѣлись пѣсни, сказывались сказки. Это и была молодость, оставшаяся молодостью и во время Грознаго и во время Алексѣя Михайловича. Она и сохранила Русь. Средніе вѣка въ Европѣ—преимущественно въ городахъ, въ замкахъ. У насъ—деревня. Въ этомъ огромная разница. Повторяю еще разъ: внимательно прочтите корректуру. Вамъ это нужно дѣлать.

Вашъ А. Суворинъ.

IX.

Здравствуйте, Василій Васильевичъ. Я прочелъ въ прошлый разъ Ибиса [1]) съ удовольствіемъ, но не догадался, что это Вы. О судѣ мнѣ нравится *идея*, но середина статьи не нравится. Она прыгающая, рогатая, не доказательная, все повторяющаяся. Я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на корректурѣ и кое-что вычеркнулъ въ началѣ, какъ ненужное... Что Вы такъ насѣли на Катюшу [2]), точно любовникъ. И развѣ нѣтъ разницы между Масловой и Коноваловой? По моему огромная. Это двѣ разныя женщины. Одна—раба и въ бардели, другая—госпожа въ проституціи кафе-шантановъ. Раба лучше госпожи, которая больше развращена. Повѣрьте, Толстой не взялъ бы ее героиней, эту Коновалову. Пусть не она соорудила заговоръ, но это равнодушіе къ убійству, этотъ шнурокъ изъ корсета для петли мужу—это возмутительно. За Масловой ничего подобнаго нѣтъ, и присяжные ее осудили. Коновалову я бы не оправдалъ, но снисхожденіе ей

[1]) *Ибисъ* –одинъ изъ моихъ псевдонимовъ въ «Нов. Вр.» (начало моихъ увлеченій *Египтомъ*). *В. Р.*

[2]) Маслова—въ «Воскресеньи» Толстого. *В. Р.*

далъ бы. Вы слишкомъ увлекаетесь, говоря объ убійцахъ и предписывая убивать только мясниковъ, рѣзателей, разбойниковъ. Судъ долженъ же имѣть въ виду фактъ или не долженъ? Почему «не убій» относится къ «небесному»? Моисей убивалъ тысячи и тьмы и говорилъ «не убій». Тутъ что-то очень сложное. Государство не есть что-то неподвижное. Вы сами приводите слова Страхова. Безъ Петра и Екатерины, послѣ страшной николаевской реакціи, общество созрѣло и двинуло государство. Значитъ, оно растетъ и развивается, независимо отъ Петра и Екатерины. Теперь вмѣсто Петра—литература, журналы, такой писатель какъ Толстой, Достоевскій, Гоголь, Пушкинъ. Пушкинъ очень большой человѣкъ, не во гнѣвъ Вамъ будь сказано. Я его перечитываю. Бездна ума, именно ума, не говоря уже о талантѣ. Восторгаются Сенкевичемъ—«Quo Vadis». А перечтите одинъ набросокъ Пушкина къ *Египетскимъ ночамъ*, гдѣ дѣйствуетъ Петроній, герой Сенкевича. У Пушкина ему посвящено нѣсколько строкъ, и онъ ярче, чѣмъ у Сенкевича. Я даже думаю, что Сенкевичъ читалъ это. Вы правильно говорите о значеніи присяжныхъ, но говорите это,—какъ для дѣтей, въ школѣ. Статья должна быть повыше школьнаго преподаванія и въ ней должно быть мѣсто догадкѣ читателя. Вы должны читать корректуру и исправлять ее, не особенно восторгаясь написаннымъ сразу. Нѣкоторыя мѣста я совсѣмъ не понялъ, напримѣръ для чего Порція и Гамлетъ. Сравненіе присяжныхъ съ арміей положительно хорошо. И это у Васъ самое лучшее. А вся середина скачущая,

а потому и мысль только-только сверкаетъ въ потемкахъ, но не даетъ ясности и спокойной убѣдительности. Убивать нельзя, по-моему. Я прочелъ, какъ убиваютъ птичекъ для дамскихъ шляпокъ, и возмущался. Убивать человѣка по меньшей мѣрѣ такъ же непозволительно для украшенія своей жизни, какъ это въ дѣлѣ Коноваловой. А потому нельзя ее ставить рядомъ съ Масловой и Отелло. Слишкомъ много чести для этой профессіональной кокотки, очень сознательно присутствовавшей при убійствѣ мужа. Несовершеннолѣтіе—вздоръ. Женщина 16 лѣтъ—совершеннолѣтняя [1]).

Вашъ А. Суворинъ.

6 іюня 900.
Черн. Село Веліе Никольское.

[1]) Все письмо глубоко основательно. *В. Р.*

X.

Здравствуйте, Василій Васильевичъ. Съ пріѣздомъ и обновленіемъ. Надѣюсь, кромѣ восхищенія Италіей, Вы укрѣпили свое здоровье. Я читалъ съ удовольствіемъ Ваши статьи,—не всѣ, но большую часть. Я завидовалъ Вашей впечатлительности и вспоминалъ, какъ я въ Миланѣ, въ день празднованія юбилея Пія IX, рыдалъ отъ умиленія [1]) во время службы въ чудесномъ Миланскомъ соборѣ. Мнѣ очень понравились Ваши статьи о Пасхѣ и католической церкви. Такъ никто не говорилъ. Вздумалъ я Вамъ написать вотъ почему. Меня все смущаютъ слишкомъ радикальныя статьи въ «Новомъ Времени» о школѣ. Я классическимъ языкамъ не учился, но почему-то у меня есть уваженіе къ классическому міру. Смарать всю классическую школу—надо ли это? Пробѣгите въ № 46 «Гражданина» — «Дневникъ». Мещерскій говоритъ именно объ этой смаркѣ и смѣется надъ «Новымъ Временемъ»—т.-е. надъ Ванновскимъ, именно надъ «націо-

[1]) Этого радикалы не умѣютъ, да и вообще въ литературникѣ не водится. По-нетинѣ, С—нъ былъ *писатель* и *человѣкъ*, а вовсе не «литераторъ» (ремесло). *В. Р.*

нальной школой». Мнѣ кажется, что въ «Новомъ Времени» этотъ вопросъ ставится неясно. Все говорятъ о скверныхъ сторонахъ классической школы, но если обнаружатся такія же скверныя стороны національной [1]) школы? Вѣдь это возможно при нашемъ колоссальномъ невѣжествѣ и нашей склонности къ отрицанію. Насъ хлѣбомъ не корми, но только отрицай. Въ этомъ наше утѣшеніе за климатъ, режимъ, бѣдность, отсталость [2]). Въ томъ же «Дневникѣ» грубая статья о женщинахъ въ университетѣ. Я бы сталъ возставать противъ Высшихъ Женскихъ курсовъ, совершенно безцѣльныхъ, гдѣ ничему не учатся, но не противъ допущенія студентокъ [3]). Господь съ ними! Скорѣе

---

[1]) И, конечно, «обнаружатся». Говорятъ, гимназія Русскаго Собранія, — «національная»,—прескверная. У насъ, русскихъ, слабъ *воспитательный* талантъ, талантъ обучать и растить, и надо было *эту сторону* критиковать, а не «систему гимназій», какъ мы десятилѣтія дѣлали, «скосивъ глаза на министра» и приговаривая по его адресу: «Котъ-Васька воръ», и т. д. У насъ школа только *начинается*. мы только начинаемъ *это дѣло* (мудрѣйшее!!) «умѣть». *В. Р.*

[2]) Геніально. *В. Р.*

[3]) Суворинъ здѣсь судитъ, *не зная осязательно* университета (и это относится вообще ко всѣмъ его сужденіямъ, на протяженіи всей жизни, о студенческихъ дѣлахъ).—«въ темную». Студенты и курсистки одни учатся «какъ дай Богъ всякому», другіе не учатся, одни «сидятъ на колѣняхъ», другія – вовсе не сидятъ. Объ этомъ нельзя *ни утверждать*, *ни отрицать*, не нужно и не стоитъ. Объ одной *провинціальной* гимназіи мнѣ говорила бывшая гимназистка, касательно своей двоюродной сестры, что она обычно, на свиданіяхъ, просила офицера (была въ него влюблена) «поискать у нея крестъ за пазухой». Отцы приходили ко мнѣ здѣсь, въ Петербургѣ, съ жалобами, что ихъ дочери, которыхъ они пустили на Курсы (изъ провинціи)—уже имѣютъ ребенка. *Это—вѣчное.* Это не «Курсы»

теперь студентки Высшихъ Курсовъ сидятъ на колѣняхъ у студентовъ, чѣмъ стали бы онѣ сидѣть, когда были бы допущены въ университетъ. Можно вмѣстѣ танцовать, играть въ игры, кататься на велосипедахъ и т. д., и нельзя вмѣстѣ учиться. Это абсурдъ. Мнѣ понравилось возраженіе Меньшикову, вѣроятно Ваше, относительно героевъ. Я въ это время перечитывалъ «Войну и Миръ». Да, вотъ она—наша Иліада, вотъ наши «положительные герои». Левъ Николаевичъ

и не «*не*-Курсы», не Петербургъ и не провинція, а это — *человѣческое*. У моего бывшаго ученика (въ гимназіи) жена бестужевка, а сестра—кончила здѣшніе Медицинскіе курсы (теперь земскій врачъ). Отъ жены и отъ сестры онъ слышалъ, что курсистки не только имѣютъ (иногда) дѣтей, но и бываетъ, что онѣ выходятъ въ темную ночь на улицу и «случается что̀ случается», притомъ –не со студентами, а съ гвардейцами (по *ихъ*, *женскому*, выбору). Но и это – *вѣчное*, еще записанное на страницахъ Библіи, и ни малѣйшей охулки на Курсы или Университетъ не кладетъ, и не кассируетъ ихъ величайшаго (гдѣ случится) цѣломудрія. «Какъ *такъ?*» –спроситъ читатель. А вотъ и «такъ»,—отвѣчу я: разсказывавшія-то мужу и брату сами были «курсистками» и подругами своихъ подругъ, которыя «гуляли»; и, между тѣмъ, своимъ мужьямъ и «не подумаютъ» объ измѣнѣ хотя бы въ видѣ легкаго флирта. А, съ другой стороны, въ «Пушкинскія времена» и притомъ въ дворянскихъ семьяхъ «случалось» *такое-же*, какъ на Курсахъ. Вопросъ можетъ быть о «процентѣ съ *тысячи*», а не *о существѣ*. Рядомъ съ «гуляющей» сидитъ Татьяна Пушкина; и Татьяна Пушкина до скончанія вѣковъ останется, какъ до скончанія вѣковъ останется «гуляющая». Это—натура, а не «курсы», вѣчность а не «нашъ вѣкъ». Цѣломудріе—не изгибнетъ, какъ не изгибнетъ и развратъ. У молодежи есть другой грѣхъ: жестокость, сухость, грубость души. Вотъ это—*грѣхъ*. А «животъ» и «дѣти» (нужно или не нужно)—еще большой вопросъ и большая философія. ...Оставляю все дѣло на положеніи «многоточія». Здѣсь объ этомъ не мѣсто разсуждать. *В. Р.*

Толстой настоящаго времени очень отошелъ отъ русскаго искоснаго характера, ударившись въ ту сторону, въ какую отошелъ Гоголь, съ тѣмъ же христіанскимъ чувствомъ, но не какъ православный, а какъ раскольникъ самаго крайняго толка. Но Левъ Николаевичъ времени «Войны и Мира» и «Анны Карениной» настоящій геніальный русскій человѣкъ, окрѣпшій необыкновенно; это его апогей. Теперешнія его сраженія съ Св. Синодомъ меня не привлекаютъ и не занимаютъ. Можетъ быть, и это имѣетъ значеніе, но Толстой «Войны и Мира» куда выше. Это творецъ, а тотъ полемистъ и разрушитель, ставящій на мѣсто религіи что-то несуразное. Вотъ Вы, говоря о герояхъ, пропустили героевъ «Войны и Мира». Здѣсь есть именно *положительные герои*, «создающіе» русскую жизнь, и положительныя героини.

Мнѣ думается, съ Мещерскимъ надо бы поспорить и серьезно. Писать, какъ онъ, юмористическія замѣтки—очень не трудно, но надо серьезно говорить о школѣ. У насъ [1]) К. Толстой невѣроятную чепуху городилъ и договорился до того, что въ школѣ надо допустить искреннюю проповѣдь всяческаго патріотизма. Вотъ было бы хорошо. Печать, въ самомъ дѣлѣ, наговорила множество самой глупой чепухи о школѣ. И мнѣ думается, что намъ слѣдовало бы выработать свой опредѣленный взглядъ и держаться его,—и, выходя изъ него, полемизировать. У насъ совсѣмъ почти полемики нѣтъ. А она именно необходима. Мнѣ думается.

[1]) Въ «Нов. Вр.»? *В. Р.*

что Вы ничего не читаете, кромѣ «Новаго Времени», а другіе сотрудники читаютъ только свои статьи. Поэтому у насъ Вы полемизируете съ Мельшиковымъ, Proctor съ К. Толстымъ. Я бы Васъ попросилъ обратить вниманіе на статьи Мещерскаго и вообще на этотъ поворотъ въ классической школѣ. Вѣдь она нужна [1]). Бросаемся изъ одной крайности въ другую и воображаемъ, что это дѣло. Все облегчаемъ науку. Можно опасаться, что мы облегчимъ ее до степени невозможной, когда мальчикамъ останется только въ чехарду играть, а учителямъ играть въ винтъ во время классовъ. Будьте здоровы. Мнѣ трудно писать. Чувствую себя нехорошо, слишкомъ старчески, и въ головѣ мало просвѣту. Я, кромѣ того, болѣю «Новымъ Временемъ» тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безсильнѣе себя чувствую. Не такъ ведется дѣло. Всѣ въ раздробь и всякому до себя дѣло, а не общее дѣло.

Вашъ А. Суворинъ.

[1]) Это слово въ письмѣ неразборчиво; по-видимому, какое-то другое слово, а не «нужна». *В. Р.*

XI.

29 іюля 901.

Здравствуйте, Василій Васильевичъ. Какъ я радъ, что Вы поете въ операѣ Рубинштейна опричника Кирибѣевича. Я всегда думалъ, что Вы въ этой роли должны быть безподобны. Я узналъ объ этомъ изъ «Новаго Времени» послѣ Вашей замѣтки о сочиненіяхъ Меньшикова. Въ ней я узналъ милаго Кирибѣевича, который такъ заботится о любви и бракѣ. Отчего бы Вамъ не написать программы... нѣтъ, не программы, а повѣсти о брачномъ устройствѣ. Нынѣшній бракъ— чучело. Его надо по-боку вмѣстѣ съ христіанствомъ, которое совершенно отживаетъ свой вѣкъ. Любовь должна быть свободна, но необходимо одно, чтобъ мужчина и женщина, сдѣлавъ ребенка, непремѣнно выкормили его и воспитали хотя не до того возраста зрѣлости, до котораго воспитываютъ своихъ птенцовъ звѣри и птицы, но все-таки лѣтъ до 10—12, когда ребенокъ можетъ поступить въ среднюю школу, столь изумительно нарисованную коммиссіей Ванновскаго. Съ 10—12 лѣтъ государство должно взять на свое попеченіе дѣтей. Самцу и самкѣ будутъ положены предѣлы, назначенные самой природой. Изъ Вашихъ же

статей я никогда не могъ понять, чего Вы желаете? Если Вы желаете, чтобъ каждый ребенокъ, тотчасъ послѣ рожденія, поступилъ въ пріютъ кормилицъ, содержимый на государственный счетъ,—то, можетъ быть, было бы лучше учредить заведенія изъ самцовъ, съ хорошимъ жалованьемъ, въ которыя являлись бы дѣвушки и женщины для удовлетворенія своей плоти. Давайте проповѣдовать магометанство. Оно гораздо практичнѣе христіанства. Впрочемъ, извините меня за эти глупости. Скучно [1]).

Вашъ А. Суворинъ.

[1]) Видите *убѣжденнаго* Суворина: это ужъ не «кабачки» Чернышевскаго и вице-губернатора. Онъ боялся потрясеній здѣсь, въ *центрѣ* жизни. Образъ же моихъ мыслей,—конечно никогда не посягая на «животъ» («Древо жизни», его же «не прейдеши»), на самомъ дѣлѣ имѣлъ другой уклонъ, а не смыслъ «Кирпѣевича». Но все это слишкомъ сложно. *Образъ мыслей моихъ, за всѣ годы писаній* въ значительной степени не понятъ былъ *обществомъ*. *В. Р.*

XII.

Спасибо Вамъ за Ваши письма, милый Василій Васильевичъ. Я знаю, какъ Вы впечатлительны и какъ Вы глубоко понимаете вещи. Иногда такъ глубоко, что моему простому уму и понять трудно. Глубина хорошая вещь, но мы нуждаемся еще и въ мелкомъ плаваніи, гдѣ постоянно торчатъ разныя преграды. Но хорошо несомнѣнно «чувства добрыя пробуждать» вездѣ. Но только какъ согласить ихъ съ интересами ежедневными господствующаго племени? Я этого не умѣлъ сдѣлать. У меня всегда было непріязненное чувство къ евреямъ, не какъ къ евреямъ, а какъ къ племени, которое забираетъ русскихъ и христіанъ въ кабалу. Противъ католиковъ у меня никогда ничего не было. Вы бы могли еще написать о католичествѣ. Разумѣется очень широко говорить въ газетѣ очень мудрено, но можно сжато все выразить,—и вообще, и—по разнымъ поводамъ. У насъ, къ сожалѣнію, съ католичествомъ связанъ польскій вопросъ, отношеніе къ которому у насъ не совсѣмъ правильно. Вообще мы порядочно запутались въ *своихъ* внутреннихъ международныхъ отношеніяхъ.

Князь Мещерскій сегодня о печати скверно говоритъ. Меня это возмущаетъ. Точно правительство состоитъ изъ безплотныхъ духовъ и дѣйствуетъ съ непогрѣшимой правильностью. Точно правительство и чиновники его—люди неописуемой добродѣтели. Мнѣ хочется въ Петербургъ и боюсь я. Здоровье мое ни мало не поправилось и кажется даже идетъ къ низу. Оно, конечно, и здѣсь не Богъ знаетъ какой отдыхъ и какая благодать, но все-таки спокойнѣе, чѣмъ въ Питерѣ. Будьте здоровы.

Вашъ А. Суворинъ.

30 іюля 901.

XIII.

Василій Васильевичъ,

Вашъ фельетонъ—вторникъ. Просмотрите извлеченіе изъ «Орловскаго Вѣстника» завтра, № понедѣльника. Съ этимъ необходимо сообразоваться и не нападать на Стаховича. Вопросъ деликатный, къ нему невозможно относиться спустя рукава, лишь бы вышелъ фельетонъ. Я позволяю себѣ повторить Вамъ, что у Васъ многое очень небрежно, набросано наскоро, не связано, а въ такомъ вопросѣ необходимо быть яснымъ. Похвалы Побѣдоносцеву неумѣренны. Это умный человѣкъ, но онъ трупы не оживитъ, а съ трупами можетъ жить, оставаясь живымъ человѣкомъ, или вѣрнѣе живымъ ученымъ [1]). Фельетонъ долженъ быть литературнымъ произведеніемъ, а не замѣткой только въ 700 строкъ; онъ долженъ развиться не пространствомъ, а самою сущностью, начиная съ формы, которая не должна возбуждать недоразумѣній. Поэтому

[1]) Какъ полно, во всѣхъ «да» и «нѣтъ», схвачена личность. *В. Р.*

прошу Васъ снова строго и глубокомысленно отнестись къ корректурѣ, которая у Васъ, и которая очень несовершенна. Не кляните меня, ибо я желаю добра себѣ, Вамъ и дѣлу.

Вашъ А. Суворинъ.

29 окт. 901.

XIV.

28 нояб. 901.

Ну, Василій Васильевичъ, съ Васъ магарычъ за Вашъ прекрасный фельетонъ, истинно прекрасный. Не заставь я Васъ перечитать его нѣсколько разъ, и— нѣсколько разъ въ корректурахъ, онъ былъ бы совсѣмъ не то. *Работая* надъ нимъ, Вы прямо вдохновлялись такимъ краснорѣчіемъ, какого ни у кого изъ миссіонеровъ и въ поминѣ нѣтъ. Никогда эти господа не говорили такъ убѣдительно противъ штунды, какъ Вы, не браня ее, не призывая на нее всѣ глупые и жестокіе громы. Нѣсколько столбцовъ, 3—4,—такіе, что ихъ слѣдовало бы разослать по церквамъ. Вы говорили о статьѣ на Рождество. Ее надо заранѣе написать и поработать надъ ней въ корректурѣ. Исполать Вамъ, добрый молодецъ. Пострадалъ отъ меня и хорошо вышло.

О Бухаревѣ не напечаталъ. Фактовъ совсѣмъ нѣтъ, а есть только фразеологія, хотя мѣстами красивая.

Чью онъ воскресилъ христіанскую семью,—такъ и остается неизвѣстнымъ.

Вашъ А. Суворинъ.

Когда я умру, скажете обо мнѣ:

«Жестоковыйный былъ мучитель! Но жертвы его наслѣдятъ землю и пойдутъ въ рай навѣрно послѣ окончанія дней своихъ».

XV.

Василій Васильевичъ, я не понимаю, что Вы хотите сказать? Мнѣ думается, что говорить о народныхъ обычаяхъ нельзя по своему только опыту. Вы «не знали о движеніи звѣздъ», Вашъ учитель «тоже не зналъ», —и Вы объявляете, что и народъ объ этомъ не зналъ. А я семи лѣтъ это зналъ: моя мать зимою пряла и вставала по стожарамъ (плеяды). Мужики знаютъ небо, лупу, солнце,—и есть множество примѣтъ и поговорокъ объ этомъ. Я знаю, что понедѣльникъ—первый день по недѣлѣ (воскресенье), вторникъ—второй день, середа—середній, четвергъ—четвертый, пятница—пятый. Вы хотите, чтобы народъ считалъ по планетамъ. Даже французская революція не могла ввести своего календаря и раздѣленія по декадамъ. Да и зачѣмъ это. Есть изслѣдованія Сахарова, Снегирева, Аѳанасьева («Взглядъ славянъ на природу»), этнографія Пыпина и множество другихъ сочиненій, по которымъ можно заключить, что народъ живетъ съ природою и ничто въ ней ему не чуждо. Нельзя же печатать: «я не знаю того и этого, а потому думаю, что надо вотъ это». Есть предшественники, которыхъ прочесть надо. Если узнаете,—напи-

шете, быть можетъ, совсѣмъ не то. Вводить праздники луны, черпать изъ Ветхаго Завѣта, зачѣмъ это? Вы приписали евреямъ то, чего у нихъ не было, напримѣръ, любовь къ природѣ. Новую луну и нынѣ народъ встрѣчаетъ крестясь. Изображать Христа младенцемъ и держать его три дня въ церкви значитъ его заморозить. Вы точно въ Италіи себя воображаете. Народные обычаи, конечно, исчезаютъ—и ничѣмъ Вы ихъ не остановите. Никто столько не живетъ на дворѣ и на улицѣ, какъ народъ. Вообще фельетонъ этотъ мнѣ не нравится. Я человѣкъ не ученый, но я читалъ по этнографіи больше Васъ. Вы хоть бы Пыпина перелистовали, да Буслаева.

Вашъ А. Суворинъ.

15 дек. 901.

XVI.

Многоуважаемый Василій Васильевичъ,

я не имѣю возможности печатать фельетоновъ въ 800—1000 строкъ, какъ бы онѣ ни были превосходны. Кромѣ того, я прошу Васъ перечесть то, что Вы написали о Рачинскомъ, обзывая его Хлестаковымъ, Ноздревымъ, крѣпостникомъ, лицемѣромъ [1]) и т. д. Конечно, онъ отвѣчать не станетъ и на такія заушенія обыкновенно не отвѣчаютъ. Вы говорите, что онъ не знаетъ народа, что онъ не былъ въ избахъ, —единственно на томъ основаніи, что онъ не сказалъ о томъ въ своей книжкѣ. Вы читаете отъ его имени, влагая въ его уста презрительный монологъ къ народу. Вы нѣсколько разъ упрекаете его за то, что Богдановъ-Бѣльскій писалъ его портретъ. Вы ссылаетесь на какихъ-то священниковъ, которые не читали его книгу, и потому она скверная книга, точно священники—соль земли и авторитеты въ педагогикѣ. Если въ его книгѣ

[1]) Не постигаю, какъ могъ такую грубость допустить. Это—просто *пошлость* допустить такія слова о Рачинскомъ; но въ тѣ годы я, по спеціальнымъ поводамъ, былъ очень раздраженъ «противъ всѣхъ ихъ» (Рачинскій, Побѣдоносцевъ, М. И. Соловьевъ). *В. Р.*

нѣтъ слова «папа и мама», «сестрица и братецъ», то она бездушная книга, и самъ онъ бездушный человѣкъ. Вы прославляете солдата-министра народнаго просвѣщенія, точно онъ въ самомъ дѣлѣ свѣточъ просвѣщенія. Вы радуетесь, что до Царя не доходятъ такія книжки [1]), точно это хорошо, что до Царя ничего не доходитъ. Вы приглашаете его въ «Народный домъ Николая II» точно тамъ можно встрѣтить *народъ*, а не чиновниковъ, офицеровъ и купцовъ. Народные дома строятъ въ столицахъ, а въ деревнѣ этого нѣтъ. Неужели можно вылить ушатъ оскорбленій на человѣка, который прожилъ двадцать лѣтъ въ деревнѣ, въ школѣ, въ постоянномъ общеніи съ крестьянскими дѣтьми? Я этого не понимаю. И зачѣмъ Вы его дѣлаете отвѣтственнымъ за церковно-приходскія школы, которыя заведены раньше его? Почему Вы пишете, что онъ допускаетъ въ школу только Житія святыхъ и Часословъ, когда онъ допускаетъ въ нее всѣхъ большихъ писателей и дѣлаетъ исключеніе для Гоголя, не понимаю почему? Я не читалъ обличеній въ «Гражданинѣ»—«поразительныхъ»,—но думаю, что такія ссылки не авторитетны! Оплевать человѣка очень легко, но

---

[1]) Т.-е. какъ «Сельская школа» Рачинскаго,—книга, конечно, *классическая*. Почему-то я наблюдалъ, однако, что священники ее не любятъ, предпочитая Рачинскому — Гольцова и Михайловскаго. Понятно и болѣе вульгарно? По словамъ о «папа» и «мама» я припоминаю *поводъ* своихъ «выпадовъ» противъ Рачинскаго: онъ дѣйствительно *семьи* и *рода* –не чувствовалъ, а отъ *рожденицы* и *родовъ* опредѣленно отворачивался, чувствовалъ гнушеніе. Беременный животъ былъ для него гнусность. *В. Р.*

это совсѣмъ не по христіански. Вашовскій—такъ же «великъ», какъ—«ангелъ» и «батюшка» Александръ II. Если «ангелъ» Александръ II, то ужъ Рачинскій все-таки не Ноздревъ, не Хлестаковъ, не сволочь аристократическая.

Вашъ А. Суворинъ.

5 янв. 902.

Я прошу Васъ сократить фельетонъ, написанный съ душою, и исключить разныя рѣзкости. Сокращенія, впрочемъ, сократятъ и рѣзкости.

XVII.

Василій Васильевичъ, если я не ошибаюсь, идея Вашей статьи о «Коринѳской невѣстѣ» заключается въ томъ, что сила любви такъ велика, что умершая дѣвственница зоветъ своей безсмертной душой мужчину для совершенія надъ ней любовнаго акта. Мужчина идетъ къ ней, совершаетъ «обильныя любовныя изліянія» въ мертвую и отъ ужаса сходитъ съ ума. Это великая тайна необходимости совокупленія для всякой дѣвственницы. Я читывалъ въ спеціальныхъ книгахъ, что не мало мужчинъ было, которые, съ опасностью попасть на каторгу, пробираются на кладбища, разрываютъ могилы и съ мертвыми совершаютъ этотъ любовный актъ. Были случаи, которые доказываютъ, что подобные мужчины совершили этотъ актъ со многими мертвыми женщинами, и только тогда попадались подъ судъ. Судебная медицина и, мнѣ твердо думается, всякій здравый смыслъ относятъ эти явленія къ такъ-называемому извращенію полового инстинкта. Вы и приводите изъ Тарновскаго подобный случай. Но, по Вашему мнѣнію, это только «протоколъ», а на самомъ дѣлѣ это—тайна ужасно глубокая. У Гете

въ его Фаустѣ (Вальпургіева ночь) вѣдьмы говорятъ о любви и своей «дырѣ» съ такимъ же цинизмомъ, какъ и судебно-медицинскіе протоколы, или какъ деревенскіе парни, которые говорятъ дѣвушкѣ—десятилѣтнимъ мальчикомъ я это слышалъ: «дай .....», а она отвѣчаетъ: «поди въ повѣть» (соломенная крыша надъ сараемъ, дворомъ). Хотѣлъ ли этимъ Гете сказать то же, что онъ сказалъ въ «Коринѳской невѣстѣ», по Вашему мнѣнію? Я не философъ, но я твердо знаю, что не дѣло газеты печатать судебно-медицинскіе протоколы о любовныхъ актахъ не только съ мертвыми, но даже съ живыми. Это дѣло спеціальныхъ изслѣдованій и притомъ въ странахъ съ полною свободою печати.

Вашъ А. Суворинъ.

23 янв. 902.

XVIII.

Дорогой Василій Васильевичъ,

мы взяли только разсказъ. Остальное такъ небрежно написано, что въ одномъ мѣстѣ ни я, ни Булгаковъ ничего не могли понять. Такія вещи надо самому прочитывать въ корректурѣ и немножко сглаживать торопливость творчества журнальнаго. А у Васъ какія-то отдѣльныя мысли, то удачныя, то непонятныя. Потомъ, откуда Вы взяли, что земству можно поручить благотворительныя дѣла? Что такое земство прежде всего? Это сборщикъ податей, какъ министерство финансовъ. Кто ему дастъ лишній рубль, въ видѣ пожертвованія? Въ земствѣ всегда нѣсколько партій и помѣщики ему не благоволятъ въ большинствѣ. Почему обществу не надо давать дѣла? Почему это «разъединеніе», если образуется Союзъ? На призывъ К. Толстого образовать какой-то фондъ въ Петербургѣ никто не отозвался, а «Союзъ» имѣлъ уже нѣсколько сотъ членовъ, прежде чѣмъ объявлена подписка. Разъединеніе именно въ томъ, что у насъ сейчасъ же—критика, а—не поддержка, сейчасъ догадки—«деньги пропадутъ даромъ», и проч. «Вотъ отдайте въ земство». А

если земство ихъ своруетъ? Кто его будетъ контролировать, если не будетъ «Союза» частныхъ лицъ? Вдохновеніе очень хорошая вещь, и оно Васъ часто посѣщаетъ и даетъ прекрасныя мысли, но надо и вдохновеніе повѣрять разумомъ и давать ему наилучшую форму. Извините меня за эти старческіе совѣты.

Вашъ А. Суворинъ.

19 дек. 903.

XIX.

Я прочелъ Ваше письмо, дорогой Василій Васильевичъ, и не знаю, что сказать. Я душу человѣческую не могу купить, а Вы не можете ее продать. Благодарю Васъ за тѣ чувства, которыя Вы ко мнѣ питаете, но зачѣмъ Вы такъ часто упоминаете о моихъ семидесяти годахъ? Что это, жалость или насмѣшка? Я старъ. Я вижу вокругъ себя, какъ всѣ тѣ, которые создавали «Новое Время», постарѣли и становятся безсильными такъ работать, какъ надо для этого времени, когда возникаютъ вопросы ежедневно, когда новыя силы являются и погоняютъ стариковъ. Вы это знаете или нѣтъ, но я Васъ спрашиваю именно потому,—сожалѣніе или насмѣшка упоминаемые Вами такъ часто мои семьдесятъ лѣтъ? Если Вы знаете, что въ эти семьдесятъ лѣтъ лежитъ на мнѣ еще жестокая обуза, если я работаю черезъ силу, желая сохранить то дѣло, которое я выростилъ, то, можетъ быть, я заслуживаю если не сожалѣнія, то снисхожденія. Я не могу измѣ-

рить того, что Вы теряете, когда тысяча мыслей кишитъ въ Вашей головѣ, какъ Вы говорите, и когда Вы ищете бросить ихъ читателямъ. Я не знаю, что теряете Вы и что читатели теряютъ Ваши? Но я могу сказать, что теряетъ газета. Изъ «Новаго Времени» вышла «Россія», потомъ «Русь». Объ газеты тотчасъ заявили, что они—отдѣльная партія, враждебная «Новому Времени». Газета «Слово» есть сколокъ съ «Новаго Времени», какъ бы стремящаяся стать на наше мѣсто, и ежедневно старается сказать, что она лучше умывается и независимѣе. Маленькія шпильки, иногда ничего себѣ, иногда плохія. Въ Земскомъ Соборѣ она отъ насъ отстала, и, чтобъ догнать, стала говорить, что лучше Земскій Совѣтъ, ибо соборъ напоминаетъ клерикализмъ. Это ужъ и не умно. И вотъ въ эту газету Вы стремитесь. Если другія газеты этого еще не замѣтили, то замѣтятъ читатели и скажутъ, что Розановъ перешелъ въ «Слово». Но возможно, что и въ газетахъ напечатаютъ это. Вы, положимъ, опровергнете. Но опроверженія обыкновенно—вещь никуда негодная. А этотъ уходъ роняетъ метрополію и усиливаетъ колонію. И это тогда, когда «Новое Время» нуждается въ публицистикѣ гораздо больше, чѣмъ въ фельетонистикѣ. Ваши неподписанныя статьи почти всегда содержательны и хороши, какъ и подписанныя. Въ неподписанныхъ статьяхъ Вы трезвѣе, если можно такъ выразиться, но ихъ почти всегда узнаешь. Я думаю, что литературные фельетоны, подписанные, кажется, Оріонъ, въ «Словѣ», Ваши. Я прочелъ—два и совер-

шенно Ваши пріемы. Можетъ быть, Вамъ мало работы. Но я думаю, что работа въ двухъ газетахъ всегда рискованная, ибо журналистъ *никогда не можетъ разбиваться* на такія двѣ части, что былъ бы въ правѣ сказать: «я каждой удѣляю столько, сколько надо, и именно то, что ей необходимо». Въ молодости я зналъ одну женщину, умную и развитую, которая говорила тѣмъ, которые за ней ухаживали: «Или все, или ничего. Я недостаточно интересуюсь вами, чтобъ дать вамъ все, а потому отстаньте съ приставаніями». Очень можетъ быть, что она теряла, а можетъ быть и пріобрѣтала. Я думаю, что «Новое Время» представляетъ собою гарантію для талантливыхъ людей въ томъ отношеніи, что они имѣютъ возможность совершенно обезпечить свое будущее и будущее своей семьи. Тысяча мыслей можетъ быть всегда высказана, но я не думаю, что каждая изъ тысячи непремѣнно стоитъ того, чтобъ быть высказанной. Я совсѣмъ не понимаю, почему возможность выписывать изъ книгъ два столбца такое преимущество, что Вы объ немъ упоминаете. Критикъ совсѣмъ не христоматъ. Мнѣ пріятнѣе читать его мысли, чѣмъ чужія, даже въ томъ случаѣ, если чужія лучше. Критикъ есть собственный біографъ (автобіографъ), и если я его полюбилъ, то за то, что онъ самъ даетъ, а не за то, что онъ выписываетъ. Изъ Вашего письма мнѣ ясно, что Вы желаете, чтобъ я сказалъ Вамъ, что мнѣ очень пріятно, что Вы въ двѣ газеты будете писать. Къ моему величайшему сожалѣнію, я этого сказать не могу. Жур-

налъ и газета—это другое дѣло. Если газета—свинья, а журналъ—гусь, то Вы знаете пословицу. Но я до могилы останусь вѣрнымъ своему правилу: не насиловать волю сотрудниковъ. Я боролся только съ сыномъ, только эта рана никогда не заживетъ, а остальныя излечимы [1]).

---

[1]) Письмо—безъ подписи фамиліи. Была совершенно нелѣпа моя претензія писать въ двухъ газетахъ, притомъ полемизирующихъ и падающихся въ Петербургѣ. Но нѣсколько дней, я помню, прошло,—прежде чѣмъ у меня улеглось волненіе (и частью негодованіе) на мысль «какъ можно» купить (откупить) мою душу» въ такое-то, положимъ, *единичное* изданіе. Писатель чувствуетъ «свое» (право, душу) и не чувствуетъ «чужого». Онъ все кричитъ: «кто можетъ *отъединить* мою душу?». Редакторъ, *тоже измученный трудомъ и заботой*, можетъ отвѣтить: «Ахъ, оставьте вы меня съ вашими нервами, душой и претензіями. Никакой я у васъ *души не покупаю* и *ни за чемъ не отъединяю*: а вотъ полотно бумаги, съ 100.000 *непремѣнныхъ читателей*, сколько ваши книги, если не ошибаюсь, не имѣютъ. *Эти читатели заработаны моимъ трудомъ и талантомъ*. Это *-мои читатели, а не ваши читатели*. Если вы хотите пріобрѣсти *ихъ* въ читателей своихъ мыслей, то я ихъ вамъ даю, но беру отъ васъ за это согласіе: ничѣмъ не разстроить и никакъ не уменьшить эту когорту, этотъ полкъ, этотъ цѣлый городъ *моихъ читателей*; т.-е. писать легко, пріятно, ясно, и.... безъ *Коринеекихъ невѣсть*. Да?—условіе заключено. Нѣтъ?—нѣтъ!». Но я это понялъ (самъ) черезъ нѣсколько дней, и тогда столь же удивлялся своей претензіи, какъ раньше «пришелъ въ изумленіе» отъ условія С—на. *В. Р.*

XX.

Спасибо Вамъ за Вашу статью объ Е. Л. Марковѣ, Василій Васильевичъ. Я очень люблю Вашу рѣчь о литературѣ, добрую, внимательную и горячую. Вы превосходно опредѣлили значеніе Евгенія Львовича и замѣчательно мѣтко указали на «месть», которая существовала въ указанные Вами годы [1]). Я знаю Евгенія Львовича еще по тѣмъ статьямъ, которыя не проходили по условіямъ нашей полусвободы печати, съ цѣнями циркуляровъ и всякихъ другихъ намордниковъ. Это была благородная личность и прекрасный литераторъ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Вашъ А. Суворинъ.

21 марта 903.

---

[1]) Въ 80-ые годы. «Месть» — въ обществѣ, въ литературѣ, у писателей, которую я и видѣлъ кругомъ и *на самомъ себѣ чувствовалъ* какъ въ пищущемъ по отношенію *къ исходному событію* 80-хъ годовъ. *В. Р.*

XXI.

Дорогой Василій Васильевичъ,

посылаю Вамъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и отчеркнутую замѣтку А. С—на. Это очень хорошая тема,—поговорить просто и сердечно о томъ, что въ наше время нужны люди, нужно серьезное образованіе. Прошлое насъ учило, что всѣ эти волненія значительно намъ мѣшали. Польское возстаніе 63 года прямо-таки остановило реформы, а затѣмъ выстрѣлъ въ царя и цѣлый рядъ дѣйствій революціонныхъ. Еслибъ Вы зашли потолковать. Мнѣ думается, что вопросы о бракѣ и о новой церкви несомнѣнно отойдутъ на второй планъ, если начнется дѣятельность реформаторская [1]).

Вашъ А. Суворинъ.

1 апрѣля 903.

[1]) Который опъ, слѣдовательно, *ждалъ* и *хотѣлъ*, да по тому судя—и предвидѣлъ. *В. Р.*

XXII.

Василій Васильевичъ, прочтите въ «Новостяхъ» статью, посвященную мнѣ. Авторъ кое-что переврaлъ. Для государства все равно, по моему мнѣнію, искренно или нѣтъ евреи мѣняетъ религію, но для церкви не все равно. Я и говорилъ, что объ искренности судитъ только Богъ, а не человѣкъ. Г. Соломинъ яко бы глубоко возмущенъ и проч. Теперь полчаса десятаго. Я не ложился [1]) и сейчасъ поѣду кататься. Еслибъ Вы могли отвѣтить,—и конечно, можно отвѣтить,—я былъ бы радъ. Въ замѣткѣ поминается Ваше имя, съ довольно глупымъ примѣчаніемъ.

Вашъ А. Суворинъ.

3 нояб. 903.

[1]) Суворинъ ложился спать часовъ въ 9—10, даже въ 11 утра, проводя всю ночь въ чтеніи и въ заботѣ (къ 4 час. ночи «корректуры» оканчиваются и начинается печатаніе газеты). Не знаю и нѣсколько не понимаю, чѣмъ бывали заняты эти часы, отъ 5 до 10-ти утра, когда онъ оставался *совершенно одинъ*: ибо къ 5-ти часамъ редакція совершенно пустѣетъ и всѣ уже спятъ. Передъ сномъ,—какъ онъ здѣсь пишетъ,—онъ иногда катался или гулялъ по утреннимъ улицамъ. Вся жизнь его вообще была *изумительно трезвая* и *изумительно трудолюбивая*. За обѣдами (по четвергамъ, въ старое время, человѣками съ 15-тью гостями), онъ самое бо́льшее выпивалъ одну рюмку мадеры и ѣлъ не всѣ кушанья, но какую-нибудь «кашку» отдѣльно, въ высшей степени что-то скромное и малое. «Завтракъ» часто ему Василій приносилъ въ кабинетъ: это были двѣ куриныхъ котлеты, и чашки двѣ кофе со сливками. *В. Р.*

XXIII.

Василій Васильевичъ!

Удосужьтесь поговорить со мной, всего лучше вечеромъ, напримѣръ завтра, въ воскресенье, часовъ въ восемь.

Вашъ А. Суворинъ.

22 нояб. 903.

XIV.

(Карандашомъ).

Василій Васильевичъ!

Вашу замѣтку Булгаковъ [1]) такъ охолостилъ, что я прошу Васъ давать корректуру Вашихъ набранныхъ статей мнѣ, если Вы ихъ прямо посылаете въ типографію. Это уже не статья, а какая-то выръзка для «Среди Газетъ».

Вашъ А. Суворинъ.

25 поля. 903.

[1]) Фактическій редакторъ въ то время. Редакція «Новаго Времени» вообще всегда имѣла нѣсколько ярусовъ. О. И. Булгаковъ былъ «первая инстанція». *В. Р.*

XXV.

(Карандашемъ).

Василій Васильевичъ, разскажите своими словами предложеніе Архангельскаго Думѣ. Вы короче и лучше его сдѣлаете. Его аргументы банальны, а сравненіе съ крѣпостнымъ правомъ не убѣдительно. Это—монастырь, какъ Вы далѣе говорите. Дума присвоила себѣ власть Церкви, власть Св. Синода—скажите ей это. Она воспользовалась бѣдностью дѣвушекъ, чтобъ наложить на нихъ монашескій обѣтъ [1]). Не нападайте на старыхъ дѣвъ. Изъ нихъ есть прекрасныя. Онѣ въ чужихъ дѣтяхъ видятъ своихъ дѣтей. Я знаю одну лѣтъ двадцать,—одна изъ самыхъ лучшихъ и дѣятельныхъ. Вы найдете въ своемъ сердцѣ другія убѣдительныя причины, чтобъ не принижать дѣвушекъ-учительницъ передъ женщинами [2]).

---

[1]) Должно быть—вопросъ объ обязательномъ безбрачіи городскихъ учительницъ въ Спб. Городской Думѣ. *В. Р.*

[2]) Какъ хорошо. И всядѣ, всегда у Суворина эта забота—какъ бы не унизить, не обидѣть человѣка, невидимаго, далекаго, ненуж-

Я Васъ попрошу прочитать мое Мал. Письмо. Можетъ быть, Вы что скажете о немъ въ печати или мнѣ, если дѣло того стоитъ.

Я Вамъ пришлю его.

Вашъ А. Суворинъ.

29 нояб. 903.

наго (что ему «учительницы»?) словомъ, обмолвкою. А какъ эти «учительницы», растравленныя печатью, кипѣли негодованіемъ и бранью на Суворина, «Новое Время» и «нововременцевъ». Но онъ *всѣхъ* ихъ берегъ добродѣтель, высоту и честь. *В. Р.*

XXVI.

Дорогой Василій Васильевичъ, когда я протяну ноги, обо мнѣ и въ «Новомъ Времени» можно сказать то, что Вы сказали въ отвѣтъ «Новостямъ». Но ранѣе нельзя. Вы понимаете почему. Но мнѣ кажется, замѣтку можно было бы передѣлать. Я не хотѣлъ бы упоминать имени Соломина,—много чести. Вы могли бы сказать, что мое «Письмо» возбудило кое-какіе толки въ такомъ-то направленіи, и что такъ какъ я показывалъ Вамъ предварительно это письмо, то Вы считаете себя въ правѣ высказать нѣсколько своихъ мыслей. Разумѣется,—о жестокости «Нов. Времени» говорить невозможно, также и о нашихъ разговорахъ съ Вами. Станьте просто на свою точку зрѣнія и говорите, не защищая меня. Такимъ образомъ это было бы разъясненіемъ моихъ мыслей съ Вашей точки зрѣнія, достаточно самостоятельной и очень гуманной. Въ еврействѣ есть экономическая сторона, есть дѣятельная кровь, приливъ которой къ русской крови былъ бы не безполезенъ. Я именно стою на этомъ: *надо быть русскимъ*. Еврей, оставаясь евреемъ по религіи, русскимъ не сдѣлается никогда. Пониженіе религіозныхъ

убѣжденій и поэтому очень печальное явленіе. Православіе должно бы привлекать своей свободою, своей простотой, и вмѣстѣ возвышенностью своего богослуженія и проповѣди. Мы съ Вами и объ этомъ когда-то говорили. Вы слишкомъ *ушли* въ религіозные вопросы, т.-е. въ подробности ихъ, а дѣло—въ сущности православнаго христіанства. Мнѣ часто хотѣлось написать объ этомъ, искренно сознаваясь въ недостаточномъ вѣрованіи, но у меня не хватаетъ чувства. Но инстинктъ русскаго мнѣ подсказываетъ, что задача православія огромна еще. Вы знаете, какъ я люблю Толстого, но мнѣ думалось всегда, что его проповѣдь о Богѣ есть проповѣдь о безбожіи, ибо когда Бога анализируютъ, то что̀ это за Богъ. Богъ долженъ быть не внутри только, но непремѣнно внѣ. Будьте здоровы.

Вашъ А. Суворинъ.

4 дек. 903.

XXVII.

Ваша *замѣтка*, Василій Васильевичъ, прелесть. Я ее выставилъ потому, что самъ написалъ письмо и въ одномъ № это слишкомъ много. Кромѣ того, есть неточности. Во-первыхъ, въ цитатѣ Мещерскаго. Надо: «собрались, что-то пропѣли, что-то прочитали, что-то прослушали, что-то снова пропѣли и разошлись». Это «*что-то*» характерно въ устахъ человѣка, который критикуетъ. Во-вторыхъ, надо бы сказать, что Общество издало нѣсколько прекрасныхъ книгъ—«Старина и Новизна» и нѣсколько хорошихъ дешевыхъ изданій. Золотой мундиръ—придворный, а это едва ли такъ, и даже если это такъ,—опасно намекать на то, что онъ бываетъ у Государя. Надо что-нибудь иное. Конечно, это ослабитъ замѣтку, но она все-таки будетъ очень хороша. Увѣряю Васъ, что у Васъ отличный полемическій талантъ и такія маленькія замѣтки Вы могли бы писать хоть каждый день. Попробуйте. Вѣдь это не помѣшаетъ Вашимъ большимъ работамъ. Прилагаю записку въ контору. До свиданія.

Вашъ А. Суворинъ.

12 дек. 903.

XXVIII.

Василій Васильевичъ, напишите что-нибудь о прошломъ годѣ, пожалуйста. «Царевича Алексѣя»[1]) постараюсь поставить въ томъ нумерѣ, потому что въ завтрашній, при обозрѣніяхъ, онъ не войдетъ. Въ немъ строкъ 300. Вы могли бы написать что-нибудь вообще объ этомъ годѣ, объ его настроеніяхъ, идеяхъ и т. д. Вы, кажется, думаете, что Авд. Лопухина, первая жена Петра, была баба плохая. А когда она ушла въ монастырь и любила майора Глѣбова (Петръ его повѣсилъ), она писала ему такія страстныя письма, что прелесть. Я думаю, что Петръ былъ пьянъ, когда зачиналъ Алексѣя. Читали-ли «Боярскую Думу» Ключевскаго? Тамъ доказано документально, что Петръ принялъ Россію, уже начавшуюся реформироваться въ европейскомъ духѣ. Наслѣдники Петра были таковы, что Валишевскій удивляется, какъ могла жить Россія? Екатерина I, проснувшись, спрашивала Меншикова: «что сегодня мы будемъ пить?» На вино при дворѣ выходило чуть меньше, чѣмъ на жалованье

[1]) Статья по поводу романа Д. С. Мережковскаго: «Петръ». *В. Р.*

гвардіи. Петръ II съ теткой Елизаветой занимался ..... и охотой. Чортъ знаетъ что было. Россія не умерла бы, не могла бы умереть безъ Петра. Слишкомъ много чести Петру, если Вы полагаете, что Россія безъ него умерла бы. И Царевичъ имѣлъ много симпатичныхъ чертъ, это ясно видно изъ его процесса. Романъ Мережковскаго я еще не читалъ, но «муки» еще ровно ничего не доказываютъ. Но написали Вы всетаки съ душой.

Вашъ А. Суворинъ.

30 дек. 903.

XXIX.

Василій Васильевичъ, неужели только въ пѣснѣ, тройкѣ и копѣечкѣ преступнику—русская «звѣздочка». О тройкѣ Гоголь писалъ превосходно. О пѣснѣ Тургеневъ увлекательно. Переходъ къ чиновничеству рѣзокъ, а самая характеристика его рѣзка. Послѣднее, впрочемъ, дѣло Ѳ. И—ча [1]). Я только о рѣзкомъ переходѣ. Неужели вся русская душа такая неопредѣленная, что повторивъ Гоголя, Тургенева, оказалось далѣе—никакого матеріала? Мы любимъ пѣсню, тройку и не любимъ чиновничества. Вотъ и все. Чудесный народъ. Нѣмецъ любитъ вальсъ и пиво и не любитъ чиновничество. Вы бы посидѣли надъ корректурой. Можетъ что и нашлось бы побольше.

Вашъ А. Суворинъ.

24 янв. 904.

[1]) Булгакова, — исправлявшаго юридическія обязанности редактора. *В. Р.*

XXX.

Какъ бы выдумать другое названіе для фельетона. Не *Война*[1]), пѣтъ. Гораздо больше. Мысль не та. Подумайте и напишите.

Вашъ А. Суворинъ.

17 февр. 904.

[1]) Должно быть о статьѣ—«Поучительное въ войнѣ», напечатанной «на завтра» въ № 10.042 «Новаго Времени». *В. Р.*

XXXI.

Василій Васильевичъ, въ корректурѣ прочелъ Вашу статью съ удовольствіемъ и еще съ большимъ удовольствіемъ сегодня, возставъ отъ сна, спокойный и оправившійся отъ недомоганія. Скажите спасибо г. А. С—ну изъ «Спб. Вѣд.» за то, что онъ своею яко бы юмористическою замѣткой возбудилъ въ С. Ю. Витте желаніе познакомиться съ Вашею книгою и послать вырѣзку изъ нея «письма» К. П. Побѣдоносцеву и дѣло дошло до отобранія книги и вырѣзки изъ нея «письма», которое и я очень не одобряю [1]). Все это под-

[1]) Какъ и мнѣ было разсказано достаточно компетентнымъ (оффиціальнымъ) лицомъ, исторія ареста книги «Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго», черезъ мѣсяцъ послѣ отпечатанія, произошло такимъ образомъ: С. Ю. Витте (тогда министръ финансовъ) послалъ ее, *съ просьбою обратить вниманіе на послѣднія три страницы*, К. П. Побѣдоносцеву. Какъ мнѣ передавали разныя лица (трое,—и все съ разныхъ сторонъ), Побѣдоносцевъ постоянно читалъ мои статьи, и, при его разносторонемъ и *древнемъ* (по духу, по книгамъ) образованіи, не могъ не понимать, куда они клонятся въ отношеніи Церкви и христіанства. Какъ это понималъ и Мих. Петровичъ Соловьевъ, тогдашній главноуправляющій по дѣламъ печати. Однажды, весной, онъ гулялъ со мной въ саду. Кусты смородины расцвѣтали,—и взявъ цвѣтокъ въ руки, Михаилъ Петровичъ и любяще, и иронически

няло въ Вашей душѣ тихое негодованіе и заставило ее высказаться такъ просто и такъ убѣдительно. Для

проговорилъ: «— Вотъ, В. В., — вы и *тутъ* (въ расцвѣтающемъ цвѣткѣ) увидите религію фаллоса».

Я былъ пораженъ. Но уклончиво улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Это было конечно—*такъ*. Въ Египетскихъ храмахъ, въ нижнемъ покоѣ ихъ, такъ и изображалось: цвѣтокъ *въ бутонѣ*, цвѣтокъ *съ раскрытой чашечкой*,— бутонъ цвѣтокъ, бутонъ—цвѣтокъ... Это — *суть* всего; какъ *крестъ* есть символъ и *суть* христіанства. И когда, рѣшивъ перемѣну всѣхъ взглядовъ, я ходилъ по душнымъ коридорамъ контроля, то душа моя какъ-бы слышала стихъ:

Запою пѣснь новую, *пѣснь неслыханную*,
Облобызаю (духовно) *уды враговъ моихъ*,—
Расцвѣчу *смоковницу засыхающую*.

Съ другой стороны, разъ желая и *для себя* рѣшить вопросъ объ отношеніи христіанства «ко всему этому», я спросилъ Михаила Петровича (чрезвычайно начитаннаго):

— Христіанство и *пантеизмъ*,—какъ вы думаете, Михаилъ Петровичъ?...

— Полная *противоположность*,—отвѣтилъ онъ.

Если «полная противоположность», то, значитъ, эти двѣ вещи, два духа, двѣ вѣры взаимно и одна для другой *разрушительны*.

Отсюда совершенно очевидно, что Соловьевъ вполнѣ понималъ, «къ чему дѣло клонится», но *не дѣлалъ мнѣ ни одной цензурной придирки*. Все то, что Соловьевъ понималъ и видѣлъ, видѣлъ и Побѣдоносцевъ (они были довольно интимны, особенно въ началѣ службы Соловьева). Но и Соловьевъ (отъ меня лично) и Побѣдоносцевъ (черезъ Рачинскаго) знали о *личномъ мотивѣ* этого «поворота всѣхъ мнѣній»,—и знали, что тутъ я нравственно правъ, а въ учрежденіяхъ и законахъ Церкви есть небрежная недодѣланность, а можетъ быть и неясность и болѣе, чѣмъ только неясность, въ самомъ *ученіи* и *духѣ*. Вообще же знали, что я нравственно правъ: и какъ оба были очень нравственные люди, вполнѣ благородные, то не поставили ни одного препятствія, ни какой «задоринки» мнѣ въ писаніяхъ, хотя могли бы. Однако, получивъ (разсказъ мнѣ оффиціальнаго лица) записку и

честныхъ и серьезныхъ людей Вы выходите побѣдителемъ, а остальные пусть тѣшатся. Надо и имъ какое-нибудь удовольствіе. И такъ, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Вашъ А. Суворинъ.

24 марта 904.

книгу отъ Витте, съ весьма недвусмысленнымъ пусть даже и «умолчаніемъ», что-де «чего-же вы смотрите», Побѣдоносцевъ *безъ всякаго отъ себя письма* препроводилъ это главноуправляющему по дѣламъ печати, каковымъ въ то время былъ Н. Н. Зѣревъ. И Витте, и добрѣйшій А. А. Столыпинъ («А. С—нъ» *С.-Петербургск. Вѣдомостей*), не зная о подпочвѣ всего дѣла, приняли—какъ и почти вся печать—меня за «ужаснаго порнографа». Между тѣмъ, египетская религія «распускающагося бутона» есть полное отрицаніе,—и до корня, до окончанія вѣковъ *отрицаніе*—«порнографіи», какъ мѣщанскаго и низменнаго, сальнаго и хулиганскаго отношенія къ полу, къ половымъ *точкамъ*, къ половымъ *дѣйствіямъ*. Это есть «преображенный полъ», гдѣ предметы и имена тѣ же, что въ «порнографіи», но и вмѣстѣ совершенно «другіе», подъ «другимъ аспектомъ», въ «иномъ духѣ». Все между собою такъ же относится, какъ петербургскій «лупанарій» и, положимъ, исторія, разсказанная о Воозѣ и Руѳи, или о Товіи и дочери Рагуила. *Русскимъ* все это можно объяснить, замѣтивъ, что въ извѣстныя минуты «одно» творится Саниным Арцыбашева и Татьяной Пушкина: но въ *сотворенномъ*—какая же *разница*!! И «одно» въ *новобрачіи* и въ *веселомъ домѣ*: но какая опять *разница*!!!! Общество, критика и, наконецъ, оффиціальная цензура никакъ не могутъ и не хотятъ различить этой *разницы*. И обвиняютъ меня въ «лупанарѣ», когда я говорю объ египетскомъ «бутонѣ» (*новобрачіи*). *В. Р.*

XXXII.

18 мая 904.

Здравствуйте, Василій Васильевичъ. Пишу къ Вамъ изъ «страны мятелей и снѣговъ», какъ гдѣ-то сказалъ Рылѣевъ. У насъ днемъ 4 град., ночью 2, и съ 6-го мая два только было дня довольно теплыхъ. Такова Тульская Манчжурія. Боже мой, Боже мой, воюемъ на краю свѣта за такія-же Манчжуріи, какъ уже есть, и такими же и съ такими же манчжурами, ибо въ насъ несомнѣнно монгольское есть. А въ Васъ есть ли что̀, кромѣ «святого пола». Онъ дѣйствительно святъ у насъ и этого доказывать нечего. Что останется, коли не признать святости пола. Ни солнца, ни земли, роскошной, полной цвѣтами и плодородіемъ. Я помню, послѣ «Послѣсловія» Толстого къ его извѣстной повѣсти, гдѣ дѣйствуетъ Позднышевъ и проповѣдуется райская невинность, я получилъ длинное и горячее протестующее письмо отъ одного господина, который краснорѣчиво проклиналъ Толстого за его проповѣдь воздержанія и говорилъ, что русскому человѣку ничего кромѣ петли и водки [1]) не останется, если запретить

[1]) Связь съ *водкой* полового воздержанія или, вѣрнѣе, полового *худосочія* (ибо *наше* «воздержаніе» обычно имѣетъ около себя *истощающіе* половые пороки) и мнѣ приходила на умъ; но вотъ Суворинъ

ему вольное обхожденіе съ женщинами, опѣ же это и любятъ до смерти.

Надо писать, Василій Васильевичъ. У насъ ужъ никакой литературы не стало, а она всетаки есть. Она есть даже въ декаденщинѣ, въ этихъ книжкахъ новоявленныхъ стиховъ, въ сборникахъ и т. д. У насъ никто литературой не занимается. Буренинъ ее презираетъ и глумится надъ нею. Вы не читаете и не ищите, сидя надъ святостью пола. Вал. Брюсовъ и другой, какъ его, иностранная фамилія, столько слодострастнаго выпустили, что можно только радоваться свободѣ слова. Изъ «Спб. Вѣд.» знаю, что въ газетѣ моего возлюбленнаго сына проповѣдуется обнаженіе тѣла и какая-то барышня написала, что Розановъ и Меньшиковъ, пожалуй, надѣнутъ на голое тѣло красные шарфы и резиновыя калоши. Я думаю, что это одна изъ тѣхъ барышень, которыя даже голыми ничего собою не изображаютъ и ни мало не соблазнительны. Такой дряни теперь ужасно много. Онѣ хуже проститутокъ, потому что у тѣхъ всетаки есть нѣчто въ родѣ красоты, а у этихъ ничего, кромѣ вульвы, да еще поганой, которую онѣ всѣмъ подставляютъ.

заговорилъ даже и о *петлѣ*. Самоубійство имѣетъ обыкновенно подъ собою худую половую *подпочву*, худую половую *біографію*. Трудно это аргументировать ad hominem, но это видно *народно:* мусульмане *не пьютъ*, не знаютъ *уныній*, не знаютъ и *самоубійствъ*, ибо у нихъ есть многоженство; евреи тоже не пьютъ и не само-убиваются, ибо у нихъ есть *субботнее священное совокупленіе*. И многоженство, и эти «субботы *съ размноженіемъ*» есть все тотъ же египетскій «бутонъ-цвѣтокъ, бутонъ-цвѣтокъ», «бутонъ *на переходѣ* къ цвѣтку». Ни разврата, ни опанизма, ни водки, ни петли конечно не было тоже и у египтянъ. *В. Р.*

Надо бы, чтобъ Вы писали. Вамъ бы слѣдовало взять себѣ пятницы на время отсутствія Буренина и заняться въ нихъ литературой, этой новой, взять новыя книжки сборниковъ, стиховъ и т. д. (Есть сборникъ, гдѣ Горькій о человѣкѣ философствуетъ, гдѣ есть разсказъ Андреева и проч.). Тутъ и «святость пола» подойдетъ, и все что̀ хотите, кромѣ, разумѣется, такихъ темъ какъ «Коринѳская невѣста». Клубники и безъ того много и искать ее на мертвечинѣ, по меньшей мѣрѣ, страшно.

Теперь бы надо лиризма, зажигательнаго, общественнаго, прославляющаго русскую душу и силу. Пусть насъ бьютъ. Но насъ бьютъ потому, что мы соблазнились этой воинской повинностью. Меньшиковъ хорошо объ этомъ написалъ. Быть трусомъ на войнѣ—постыдно, но быть трусомъ въ мирной жизни—ничего постыднаго нѣтъ. Большинство таково. Но сильными надо быть. Мы вырождаемся въ интеллигенцію, которая съ искони вѣковъ занимается ничѣмъ инымъ, какъ упражненіями надъ поломъ. Какъ выцвѣли барышни, какъ рѣдки сильные мужчины. Англичане проповѣдуютъ уже лучшій подборъ. А я объ этомъ годовъ десять-двѣнадцать тому назадъ написалъ въ «Нов. Врем.» статью подъ заглавіемъ «Новый человѣкъ», гдѣ говорилъ о необходимости подбора. Помню, врачи хвалили эту статью. Будьте здоровы и Христосъ съ Вами.

Вашъ А. Суворинъ.

18 мая 904.

Черпъ. Виліе Никольское.

XXXIII.

Спасибо Вамъ, дорогой Василій Васильевичъ, за Ваше милое письмо. Я на счетъ христіанства стараго закала, не то вѣрующій, не то невѣрующій, но относительно литературы у меня съ Вами много сходства. Я только не такъ восторгаюсь, какъ Вы. Мнѣ очень понравился Вашъ послѣдній фельетонъ о Хомяковѣ, очень здравомысленный и прямо рѣзко идущій въ сторону ото всего, что въ послѣднее время о немъ говорилось. Возьмите 2 вып. сборника «Знаніе». О повѣсти Андреева «Жизнь Василія Өивійскаго» уже много писали. Я не читалъ этого разсказа. Тамъ же «Человѣкъ» Горькаго, который пустился философствовать; во 2-й части «Вишневый садъ» Чехова, «Еврей» Юшкевича. Этотъ писатель изъ евреевъ. Я не читалъ и этой книжки, ибо не видѣлъ. Необходимо за литературой слѣдить, а Вы случайно попадаете на темы и покупать книгъ не любите, а объ книги стоятъ 2 р. Не думаю, что Горькій философъ. Представьте, въ здѣшней моей библіотекѣ я взялъ Помяловскаго. Кромѣ «Бурсы» я ничего не читалъ. Сталъ читать «Мѣщанское счастье». Какой это умный человѣкъ.

О талантѣ не говорю, но—умъ у него, и образованіе, и то и другое—солидное. А ума у нашихъ беллетристовъ очень мало. Помяловскій умеръ 29 лѣтъ. Онъ былъ бы куда выше теперешнихъ корифеевъ, Горькаго и Андреева. Я на-дняхъ вернусь въ Петербургъ. Очень что-то тревожно на душѣ. Точно бѣда какая впереди, или какая радость. Но радость отбѣжала отъ насъ, но я думаю, что впереди и не далекомъ что-то большое будетъ у насъ [1]). Нельзя такъ жить. Мы слишкомъ ушли въ теоріи и оставили жизнь. А она требуетъ энергіи и воли. Вотъ этого у насъ мало, такъ мало, что если такъ будетъ дальше, мы совсѣмъ пропадемъ. Но такъ не будетъ. Или мы глупый, легкомысленный, насмѣшливый народъ, или мы умный народъ и насмѣшка не признакъ лѣни и неспособности къ серьезному отношенію къ жизни, а признакъ того, что мы высоко можемъ пойти или *возлетѣть*.

Очень бы хотѣлось, чтобъ Вы чаще писали, но не фельетоны. Это отживающая форма. До свиданія.

Вашъ А. Суворинъ.

3 іюня 904.
Никольское.

[1]) Какое предчувствіе!! Какъ ясновидѣніе!—и оно могло родиться изъ огромнаго чувства земли родной, какъ у *живого сына о живой матери*.. Пришла и черная Цусима и поднялась бѣлая волна «къ новому! къ другому!» Не примѣшайся-бы соціалистики, все наше «обновленіе» было-бы не въ 10%—здорово, а въ 80%—здорово. Но не судилъ Богъ. *В. Р.*

XXXIV.

Василій Васильевичъ, я не могъ заснуть и прочелъ Вашъ фельетонъ [1]) снова и нашелъ, что у Васъ юморъ есть. Ахъ, какъ я люблю этотъ юморъ! На немъ, а не на китахъ стоитъ Русь, и оттого она стоитъ, а не ходитъ, что юморомъ полна. «Все къ чорту, все трынъ-трава»... «Жгите, мучайте,—а я вамъ кукишъ съ масломъ покажу. Что взяли, черти косолапые?» И больше всего русскій человѣкъ любитъ юморъ, а потомъ лиризмъ, который поднимаетъ его. Изъ кабака прямо въ церковь, а изъ церкви прямо въ кабакъ. Надо бы сдѣлать церковь лучше и кабакъ несравненно лучше, и тогда дѣло пошло бы гораздо лучше вообще. Вы такъ не думаете? Я смѣялся раза два, читая Вашъ фельетонъ. Но ему мѣшаетъ форма. Какъ Вы ее мало совершенствуете, удивительно! Оттого Васъ мало цѣнятъ читатели. У Васъ слогъ разгильдяйскій, постоянно ( ), для поясненія мысли, когда безъ этихъ ( ) можно обойтись. А слогъ страшно важная вещь. Онъ, конечно, у Васъ оригинальный, *свой*, но Вы объ немъ не забо-

[1]) О г. Лемке и его «Исторіи цензуры». *В. Р.*

титесь. Летите и баста. Только при второмъ чтеніи я оцѣнилъ фельетонъ, а при первомъ—совсѣмъ нѣтъ. Я даже не понялъ его хорошо. Что жъ Вы хотите, чтобъ и читатель обыкновенный его понялъ? Не пойметъ, скучнымъ назоветъ. Я не хочу Васъ обидѣть. Хочу Вамъ правду сказать. А затѣмъ добраго утра, теперь 9 часовъ, иду спать.

Вашъ А. Суворинъ.

8 іюля 904.

XXXV.

Василій Васильевичъ,

не дѣлайте множества «выписокъ» и не говорите въ примѣчаніяхъ того, что можно и должно сказать въ текстѣ. Это просто отъ необрежности происходитъ. Выписки почти всегда безполезны, а въ газетной статьѣ прямо вредны. Ихъ трудно читать и онѣ какъ-то *прерываютъ* рѣчь критика. Вообще прошу Васъ эту статью внимательно прочесть.

Вашъ А. Суворинъ.

13 іюля 904.

XXXVI.

Василій Васильевичъ,

прочтите еще разъ Вашъ фельетонъ. Надо бы обширнѣе [1]) сказать—*о партіи*, а то «Новости», не имѣющія никакого значенія, и—«Русская Мысль»; скорѣе—«Русская Мысль» и «Русское Богатство». Я измѣнилъ заглавіе. Такъ оно и есть: «*Писатель и партія*» или «Писатели и партіи» –какъ хотите. Мнѣ хочется, чтобъ фельетонъ прочли и поняли. Мысль Ваша очень хороша и вотъ почему я такъ стараюсь, чтобъ фельетонъ вышелъ ярче. Губить Чехова сталъ именно Михайловскій. А Чеховъ былъ тѣмъ поэтомъ, который поетъ, какъ птица,—поетъ и радуется.

Вашъ А. Суворинъ.

15 іюля 904.

[1]) Повидимому «общѣе». *В. Р.*

XXXVII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

чтобы Вамъ ко мнѣ иногда завернуть вечеромъ. Надо бы говорить теперь. У Васъ душа есть, а это важная вещь. Въ такія сумбурныя времена, какъ наше, когда разума не хватаетъ на верху и нигдѣ его нѣтъ. Я не хочу сказать, что у меня онъ есть, но у меня остается ощущеніе его необходимости, несмотря на дряхлость и каторжную безсонницу, которая приближаетъ меня къ Творцу и къ Богу моему, къ Которому ѣхать, однако, у меня охоты нѣтъ. Знаете, я читалъ или, вѣрнѣе, перечитывалъ Ренана *Жизнь Іисуса*. Вотъ чувствительный человѣкъ, Ренанъ то-есть,—до слезъ трогаетъ. Вотъ Вамъ бы трогательности. Впрочемъ, я что-то другое хотѣлъ сказать.

Вашъ А. Суворинъ.

17 нояб. 904.

XXXVIII.

Василій Васильевичъ,

посылаю Вамъ нѣчто, при семъ приложенное и касающееся Васъ, Мережковскаго и священной братіи. Никому на руки не отдавайте сего и возвратите мнѣ [1]). Маленькихъ статеекъ—пожалуйста. Да не напишете ли небольшую статейку въ Рождественскій нумеръ, или нѣтъ ли чего у кого изъ Вашихъ? Я веду жизнь совсѣмъ нелѣпую. Легъ въ 12 ч. пополудни, всталъ въ 2 ч. пополуночи и начинаю заниматься, старикъ и глупый, и нелѣпый.

Вашъ А. Суворинъ.

15 дек. 904.

[1]) Никакого воспоминанія, что это. Ужь не «распоряженіе-ли о закрытіи Религ. филос. собраній?» -Пожалуй, такъ. *В. Р.*

XXXIX.

Замѣтка Ваша [1]) очень искренняя и хорошая. Но нельзя ли отмѣченное сказать помягче. Конечно, нравы дѣлаютъ печать. Но согласитесь, что нравы создаются не родомъ, а временемъ, и что извѣстныя границы должны быть положены и клеветѣ, и лжи и т. п. Мы съ Вами проживемъ безъ суда и полиціи, но это не для всѣхъ. Печать употребляетъ такія средства, есть такіе поганцы печати, что приходится ставить загородки, чтобъ она не оскорбляла всѣхъ, кого хочетъ. Подкупъ въ печати дѣло обыкновенное, какъ и недобросовѣстность. Очевидно, Кутузовъ это и имѣлъ въ виду. Ваше сравненіе съ городовымъ, хватающимъ всѣхъ неумытыхъ, неудачно. Образованіе и чтеніе идетъ въ ширину, а не въ глубину, и печати необходимо быть умытой,—даже для тѣхъ, кто не умывается. Учительницы народныхъ школъ требуютъ, чтобъ мальчишки мыли руки, и даже за это ихъ наказываютъ и стыдятъ. Правила обыкновенно отпадаютъ сами со-

[1]) По поводу письма графа А. К. Кутузова о печати. *В. Р.*

бой, когда люди выростаютъ, но когда они еще только воспитываются, правила необходимы. Вы сами оговариваетесь относительно лжи и клеветы,—«когда она не грубая». Такъ противъ этой *грубой* клеветы все-таки необходима защита.

Вашъ А. Суворинъ.

1 февр. 905.

XL.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Я не понимаю Вашего фельетона, хотя прочелъ его дважды. Я не понимаю, почему Леонтьевъ [1]) «благороденъ и истинно великъ?» Положимъ, благородство— качество, которому легко повѣрить на слово, но почему онъ «истинно великъ?» Этому на слово никто не повѣритъ, а потому это слѣдуетъ доказать, если не для большинства, которое мало образовано и мало воспріимчиво къ понятіемъ, къ которымъ оно не приготовлено, то для меньшинства, даже для меньшинства изъ меньшинства. Но я увѣренъ, что никто не пойметъ изъ Вашего фельетона ровно ничего о «величіи» Леонтьева. Можетъ быть, газетныя рамки слишкомъ узки для подобныхъ доказательствъ, въ такомъ случаѣ докажите это на страницахъ журнала. Я читалъ Леонтьева мало, но все-таки читалъ; я читалъ о немъ Николаева, Тихомірова, не говоря о Фуделѣ, котораго не стоитъ читать

[1]) Константинъ Николаевичъ, «Сочиненія» котораго издаются нынѣшній годъ въ первый разъ. *В. Р.*

по его лицемѣрію, но все-таки ничего не понялъ такого, что могло бы подсказать о величіи этого человѣка. А я не могу печатать въ газетѣ того, чего я не понимаю, и я привыкъ къ языку понятному, простому и ясному, и думаю, что о всякомъ великомъ человѣкѣ можно писать такимъ языкомъ, и такимъ языкомъ Вы писали о Достоевскомъ.

Искренно Васъ уважающій А. Суворинъ.

16 марта 905.

XLI.

Василій Васильевичъ,

мнѣ кажется, эту статью проф. Никольскаго слѣдуетъ напечатать, независимо отъ того, отвѣчаетъ ли она нашимъ, т. е. Вашимъ, воззрѣніямъ или нѣтъ. Ее можно оговорить, какъ Вамъ угодно. Мнѣ въ ней кое-что нравится, и историческое, и нравственное. Она не безъ ехидства написана, но я думаю и Вы сами найдете въ ней хорошія стороны. Въ четвергъ за обѣдомъ кто-то сказалъ у меня, что Побѣдоносцевъ приметъ монашество и сдѣлается патріархомъ, а я сказалъ, что мой кандидатъ въ патріархи—В. В. Розановъ. Въ программѣ 32 іереевъ [1]) дѣйствительно недостаетъ того, о чемъ говоритъ Никольскій. Во всякомъ случаѣ, прошу Васъ прочесть статью и положить на ней свое рѣшеніе или написать о ней отъ редакціи въ томъ же №, гдѣ она будетъ помѣщена.

Вашъ А. Суворинъ.

25 марта 905.

[1]) Статья проф. Никольскаго: «Почему 32?», — спрашивавшая, почему и *по чьему побужденію* «32 петербургскихъ священника» обезпокоились *одни* «неканоническимъ состояніемъ русской (оберъ-прокурорской) церкви? *В. Р.*

XLII.

Василій Васильевичъ,

что это такое затѣялъ свящ. Ключаревъ? Кто ему отказывалъ въ помѣщеніи его замѣтки, когда Булгаковъ мнѣ сегодня сказалъ, что она была уже набрана? Я взялъ изъ «Русскаго Слова» слова о. Гр. Петрова о Никольскомъ и о Васъ, ибо у насъ всѣ пропускаютъ весьма не основательно то, о чемъ говорить слѣдуетъ, и берутъ то, чего брать не стоитъ. Наконецъ, если Вы знали, почему «32 священника» *не подписали* записки, т. е. почему ихъ *имена не лепились*, отчего же Вы сами не сказали отъ себя въ замѣткѣ къ статьѣ Никольскаго или послѣ этого? А теперь выходитъ нареканіе на газету, и Ключаревъ, взявшій обратно свое письмо послѣ того, какъ я привелъ справку Гр. Петрова, побѣжалъ въ «Слово» ябедничать. Еслибъ я зналъ адресъ священника Ключарева, я бы такъ и сказалъ ему, что это ябеда. Какое могло быть у насъ основаніе не помѣщать письма о. Ключарева, когда мы помѣстили о томъ же предметѣ слова Гр. Петрова. Мнѣ кажется, что попы завертѣлись и сами не знаютъ, что дѣлать. Еслибъ Вы хотѣли отвѣтить Скальковскому и Ки-

рѣеву, то сдѣлайте одолженіе. Я не особенно за патріарха, но скорѣе за него. Мнѣ нравится величавая поэзія обстановки и я думаю, что такъ называемый клерикализмъ вовсе не такое пугало, какимъ его хотятъ изобразить. Преслѣдованіе клерикализма ведетъ, въ концѣ концовъ, къ уничтоженію религіи. Научная сухость и отсутствіе всякихъ предразсудковъ лишаетъ жизнь многаго такого, что пріятно и полезно душѣ человѣческой. Когда-то въ каждой деревнѣ построятъ оперные театры, а безъ церкви просто скучно, и пока она еще много значитъ [1]).

Вашъ А. Суворинъ.

4 апр. 905.

---

[1]) Да, мы только кричимъ: «религіи бы *не надо*», «религіи-бы *поменьше*», а представьте только *народную жизнь* безъ церквей, безъ праздниковъ, безъ монастырей, безъ священниковъ, и она сейчасъ обратилась-бы въ такую *оголенность*, въ такую *дикость*, въ такую *низменность* и *вонючее тоскливое болото*, что подумать страшно. По этому *азбучно* и наглядно можно выразиться такъ: появленіе всякой атеистической книжки равняется *закрытію школы*, потеря вѣры сотнею или тысячею людей равна *исключенію изъ университета 1.000 студентовъ за невзнос платы* за ученіе, а распространеніе Бюхнера или Молешота или нашего Чернышевскаго равнялось въ свое время *назначенію министромъ просвѣщенія Аскоченскаго или Фотія или Аракчеева*. *В. Р.*

XLIII.

Ваша милая статейка не вошла сегодня. Прочтите ее еще. Можетъ добавите. По-моему, конецъ скомканъ. Ожидаешь въ теченіе статьи больше, а дѣло выходитъ на милосердіе. Когда судили Марію Антуанету, женщины шипѣли противъ нея и оскорбляли самымъ наглымъ образомъ. Въ толпѣ есть эта безжалостность, но въ отвѣтственныхъ случаяхъ, когда женщина на виду, она поступитъ, вѣроятно, какъ вы говорите. Шарлотта Кордэ убила Марата за его жестокость. Кланяюсь Вамъ, дорогой Василій Васильевичъ.

Вашъ А. Суворинъ.

25 апр. 905.

Семирамида, Марія Терезія—Вы ее назвали—Елисавета Англійская, Екатерина среди *очень небольшого* числа государынь. Это важно. Большой процентъ. У Екатерины—много возлюбленныхъ[1]), но ума она была необыкновеннаго. Переписка ея съ Гриммъ—просто прелесть. Во время нашего разговора Вы сказали нѣ-

[1]) Въ письмѣ—грубѣе, какъ въ просторѣчіи. *В. Р.*

сколько словъ о женскихъ качествахъ, о подробностяхъ, объ искусствѣ быстро схватить ихъ—они были бы очень кстати въ Вашей статьѣ. Можете прибавить, что въ Комитетѣ Министровъ, или, вѣрнѣе, въ высшихъ сферахъ поднимался вопросъ о выборѣ женщинъ. Это надо бы прибавить. Стоитъ ли упоминать о Л. Л. Толстомъ? Онъ полѣзетъ съ отвѣтомъ. Лучше бы сказать просто, что Вы прочли въ газетѣ такія-то строки, что у Васъ въ ковычкахъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы Ваша статья вышла убѣдительнѣе и тверже. Не однимъ энтузіазмомъ брали женщины. Пожалуйста, поработайте надъ ней. Есть вещи, которыя не слѣдуетъ выпускать въ видѣ пробнаго шара, и не слѣдуетъ Вамъ именно, философъ[1]).

А. С.

[1]) Въ статьѣ я проводилъ мысль о желательности, чтобы женщины были допущены къ народному представительству, т.-е. въ Гос. Думу. *В. Р.*

XLIV.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ!

Не у Васъ ли сборники Кельсіева о расколѣ? Вы ихъ брали у меня. Если у Васъ, мнѣ они очень нужны. Что это Вы нецензурныя статьи пишете? Булгаковъ говоритъ, что Вы написали о Побѣдоносцевѣ и «его молокѣ». Неужели взаправду митрополитъ обязанъ въ облаченіи итти на встрѣчу рабочимъ, когда Святополкъ-Мирскій ничего не зналъ до субботы вечеромъ, и, узнавъ, устроилъ войска для приведенія рабочихъ яко бы «въ порядокъ». И гдѣ это видѣли митрополитовъ, усмиряющихъ народъ, вмѣсто полиціи, въ какой исторіи? Я этого не знаю. Думаю, что это было бы очень глупо. Противъ декабристовъ послали было митрополита, въ растерянности. Въ здравомысліи этого никто не сдѣластъ. Петръ подчинилъ духовенство чиновникамъ и церковь обратилась въ чиновничью. Тутъ не К. Петр. виноватъ. Послѣ статьи о. Григорія, едва ли остроумно сравнить К. П—ча съ молочною коровою. Впрочемъ, какъ Вамъ угодно. Можетъ это

и нужно. А онъ все-таки былъ сильнымъ быкомъ, а не коровой. Вы юмористъ и Ваша религія юмористическая. По-моему, лучше никакой. Съ митрополитомъ я познакомился и говорилъ съ нимъ цѣлый часъ. Зачѣмъ онъ текстами говоритъ съ народомъ? Проповѣдникъ долженъ быть публицистомъ и поэтомъ, чтобъ рѣчь лилась, а не складывалась по текстамъ. И какъ они находятъ ихъ,—просто удивительно. Вѣроятно, Побѣдоносцевъ и тутъ виноватъ [1]). А я этого не думаю. Мнѣ кажется, во всемъ чортъ виноватъ, да россійская глупость. Мы очень глупы или очень умны. Но я Вамъ пишу глупости.

Вашъ А. Суворинъ.

25 янв. 905.

[1]) Все письмо полно огромнаго здраваго смысла, и такого трезваго, спокойнаго сужденія,—какого въ тѣ дни ни у кого (или у очень немногихъ) не находилось. *В. Р.*

XLV.

На Вашу искренность отвѣчаю искренностью. Не говоря о своихъ чувствахъ къ Вамъ, ибо осмѣливаюсь думать, что я никогда не давалъ Вамъ повода сомнѣваться въ моей полной симпатіи и никогда не ввергалъ Васъ въ пучину консерватизма, а совсѣмъ напротивъ, какъ Вамъ хорошо извѣстно. Помимо этихъ соображеній, есть матеріальный вопросъ. Ваше письмо его прямо не поднимаетъ, но несомнѣнно, что, оставаясь только въ «Новомъ Времени», Вы лишаетесь заработка въ «Словѣ». Такимъ образомъ я лишаю Васъ возможности зарабатывать болѣе. Перцовъ началъ газету безъ сотрудниковъ: Мигулина взялъ изъ «Руси», сдѣлалъ предложеніе нашему Глинкѣ, который отказался, привлекъ Васъ и, вѣроятно, обращался уже къ Меньшикову или обратится. Къ литературѣ онъ имѣетъ очень малое отношеніе. Въ каждомъ нумерѣ множество статей, какъ въ хрестоматіи, съ вылазками противъ «Новаго Времени». Я останусь на своемъ мѣстѣ въ этомъ движеніи и дальше Земскаго Собора не пойду. А что онъ сдѣлаетъ,—это не мое дѣло, а дѣло всей земли русской. Сегодня у Государя 1½ часа си-

дѣлъ Л. Л. Толстой и говорилъ съ нимъ о Земскомъ Соборѣ. Однако, я полѣзъ въ сторону отъ матеріальной стороны дѣла. Думаю, что ее легко устроить[1]). Во всякомъ случаѣ, дѣлайте какъ Вамъ лучше. Но на раздѣлъ Вашего сотрудничества я не могу согласиться, ибо уже сегодня Кривенко мнѣ сказалъ: «правда ли, что Розановъ отъ Васъ ушелъ?» Значитъ, объ этомъ ужъ говорятъ. Согласитесь, что мнѣ даже такіе вопросы не могутъ доставлять удовольствія. Вамъ же, напротивъ, могутъ. Вотъ ужъ разница. Но я кажется слишкомъ росписался и разбирать меня трудно. Положите въ архивъ.

Вашъ А. Суворинъ.

27 янв. 905.

[1]) Опять моя идея, что «я могу *вездѣ* сотрудничать». «Условія» (по *моей* иниціативѣ) не были «измѣнены», такъ какъ всегда были хороши и я чувствовалъ-бы «притязательствомъ» повышать ихъ. Въ разное время *(и безъ всякаго повода* и моей просьбы) они «повышались» самимъ А. С. Суворинымъ. *В. Р.*

XLVI.

Василій Васильевичъ!

Будьте добры, зайдите ко мнѣ, или прочтите прилагаемую корреспонденцію и начало моей замѣтки, которую я сталъ было писать. Но я напишу хуже Васъ, но идею Вы усмотрите и ее надо провести. Представительство все бы изслѣдовало, допросило бы депутатовъ, рѣшило вопросъ, можетъ быть, радикальнѣе, но не поставило бы православную церковь и *русскій* вопросъ въ такое положеніе[1]).

Вашъ А. Суворинъ.

30 мая 905.

[1]) Вѣроятно — о Церковномъ Соборѣ, какъ формѣ *церковнаго представительства. В. Р.*

XLVII.

Дорогой Василій Васильевичъ!

Давно Васъ не видалъ. Не хотите ли просмотрѣть эти огромныя книги[1]), которыя прислалъ оберъ-прокуроръ Синода. Есть тутъ по части нововременцевъ вообще и Васъ въ особенности, напримѣръ, стр. 119, часть I. Можно бы сдѣлать характеристику архіереевъ по ихъ отзывамъ. Я перелистовалъ только, кое-гдѣ останавливался. Архіереи не глупые люди и кажется почитываютъ по своей части. Вообще эти «отзывы» любопытны даже при бѣгломъ просмотрѣ. Мыслей и опыта накопилось много.

Вашъ А. Суворинъ.

13 апр. 906.

[1]) «Отзывы *(всѣхъ)* епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о преобразованіяхъ въ Русской Церкви», 4 томъ in-folio. Здѣсь—масса *бытового матеріала*. *В. Р.*

XLVIII.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ!

Знаете ли, кто бы долженъ былъ напечатать Ваше письмо въ отвѣтъ Шарапову?—Гриигмутъ. Да, если онъ такъ уменъ, какъ Вы думаете. Я согласенъ съ Вами и отчасти это высказалъ, что онъ поступилъ слишкомъ наивно, слишкомъ простовато, потребовавъ присяги отъ «Русскихъ Вѣдомостей». Но онъ въ то-же время думалъ, что «Русскія Вѣдомости» *не осмѣлятся* отвѣчать ему шуткой, и потому этотъ пріемъ онъ считалъ превосходнымъ. Ему помнилось нѣчто подобное въ пріемахъ Каткова и, разъ уже не получивъ отвѣта на этотъ вопросъ, онъ повторилъ свой вопросъ. Но вѣтеръ перемѣнился и его разсчеты не оправдались. Такимъ образомъ, онъ наивенъ и простъ только «повидимому». Я потому говорю, что Гриигмутъ долженъ былъ бы напечатать Ваше письмо, что онъ имѣлъ бы возможность отвѣчать на него и выяснить свое положеніе. Это ему прекрасный случай высказать тотъ умъ и ту ясность ума, которые Вы у него подозрѣваете.

Другого такого случая онъ не найдетъ, а ему надо найти, чтобы стряхнуть съ себя очень большой промахъ. Онъ человѣкъ не искренній—вотъ въ чемъ его бѣда. Я не напечатаю, хотя мнѣ кое-что нравится въ этой Вашей искренней и хорошей исповѣди. По-моему, безъ радикализма—что же за человѣкъ? Радикализмъ—это надежда, это идеалъ, это цѣль, это будущее. Безъ радикализма нѣтъ *истиннаго* таланта. А у Васъ истинный талантъ, но онъ еще бродитъ, а потому о Васъ не составилось настоящаго понятія. Если бросить этотъ вопросъ о Шараповѣ и Гришкутѣ, то Вашу «исповѣдь» печатать совсѣмъ не слѣдуетъ. Оцѣнить ее могутъ только очень и очень немногіе, а остальные и не поймутъ даже и исказятъ. Вы должны говорить и высказывать свои мысли не по поводу такихъ случаевъ, какъ настоящій. Ваши статьи о школѣ прекрасны. Статья о студенческихъ безпорядкахъ не совсѣмъ искренна; въ ней есть что-то угловатое для того, чтобы прикрыть неискренность. Позвольте мнѣ передать Вамъ мнѣніе о Васъ Вашего почитателя: «Розановъ очень талантливый человѣкъ, но онъ переживаетъ тотъ возрастъ (40 лѣтъ), когда у талантливыхъ людей является кликушество». Вы не сердитесь за это, тутъ обиды нѣтъ.

Если Вы будете писать для газеты, пожалуйста, *ради наборщиковъ*, т. е. ради удобства ихъ работы, пишите только *на одной* сторонѣ листа, и оставляйте побольше поля, иначе строка очень длинна и глазу наборщика приходится дѣлать большое напряженіе, чтобъ слѣдить за буквами по всему протяженію такой

длинной строки. Если Вамъ приходилось читать книгу съ такими длинными строками и притомъ безъ интерваловъ, то, конечно, Вы уставали скорѣй, чѣмъ за книгой съ короткими строками, которыя не лѣзутъ другъ на друга[1]).

Вашъ А. Суворинъ.

21 янв. 907.

[1]) Кажется, вопросъ идетъ о «Письмѣ въ редакцію», напечатанномъ позднѣе въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». *В. Р.*

XLIX.

18 іюля 907.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ,

Я хотѣлъ бы, чтобъ Вы исправили свой фельетонъ. Я вычеркнулъ сравненіе Каткова съ Каспіемъ, вычеркнулъ Ваше обращеніе къ Павленкову, который— не при чемъ въ вопросѣ объ изданіи сочиненій Каткова. Вы могли бы обратиться только къ семьѣ его, которой Катковъ оставилъ состояніе, а не къ издателямъ, которые не желаютъ издавать то, что будетъ лежать въ кладовыхъ въ видѣ печатной бумаги и выходить оттуда очень медленно. Затѣмъ я мало понимаю то, что Вы написали, особенно не понимаю выписку изъ Оукидида. Ужъ если выписывать, то можно найдти много лучшаго. Но я думаю, что выписывать не для чего. Затѣмъ я не понимаю, зачѣмъ мы пишемъ такъ, что вѣчно обращаемся къ Гоголю и вѣчно тревожимъ Петрушку. Неужели ничего поучительнаго въ нашей памяти нѣтъ, кромѣ Гоголя и его героевъ. Я не знаю ни въ одной литературѣ этого явленія, т. е. чтобъ писатели все цитировали для доказательства своихъ положеній какого-нибудь одного писа-

теля. А у насъ изъ области гоголевскихъ героевъ выхода нѣтъ. То Петрушка, то Собакевичъ, то Ноздревъ. Мнѣ думается, что критикъ и публицистъ обязаны говорить нѣсколько иначе и, напримѣръ, не сравнивать Комиссій по классическому преподаванію съ Петрушкой. Неужели безъ Петрушки ихъ ужъ и характеризовать нельзя? Конечно, это легче—сослаться на Петрушку, на Собакевича—и баста, но сплошь и рядомъ эти цитаты и ссылки ровно ничего не говорятъ, а только загоняютъ читателя совсѣмъ въ другую область. Читаешь иностранную статью и постоянно извлекаешь изъ нея больше, чѣмъ изъ русской. Иностранецъ приведетъ много цитатъ изъ такихъ писателей, которые относятся прямо къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь. А у насъ—Гоголь, Петрушка и проч. Кружимся около этого и цитируемъ, точно въ своей головѣ ничего нѣтъ. Скажите, почему это такъ и для чего это нужно? Почему Петрушка нуженъ въ разговорѣ о классицизмѣ и справедливо ли, что чтеніе иностранныхъ писателей въ переводѣ ничего не дастъ или очень мало? И опять Петрушка. Неужели, если Петрушку не пойметъ французъ, то ему слѣдуетъ для этого выучиться по-русски. Я полагаю, нѣтъ. Мнѣ говорилъ одинъ нѣмецкій журналистъ, прочитавшій «Шиншель» Гоголя по-французски: «Это удивительный шедевръ»,—сказалъ онъ мнѣ. Молодой испанскій журналистъ разсказывалъ мнѣ «Мертвыя души», которыя онъ читалъ тоже по-французски. Мнѣ думается, что въ своей статьѣ Вы сказали очень немного.

Вашъ А. Суворинъ.

L.

Василій Васильевичъ,

Неужели такъ вотъ 70 лѣтъ прожито даромъ и Чичиковъ все стоитъ передъ глазами. Вы безъ Гоголя ни на шагъ, точно мы остановились на «Мертвыхъ душахъ» и далѣе ни шагу. Это правда не дѣйствительная, а литературная, учительская,—правда замкнутой комнаты и постояннаго чтенія Гоголя. Ни въ одной странѣ нѣтъ этого языка со ссылками на героевъ сатиръ или романа. Ваша статья во всякой свободной странѣ была бы напечатана и не обратила бы на себя ни малѣйшаго вниманія. У насъ она можетъ обратить вниманіе цензуры и понравится учителямъ, но реальнаго значенія за ней не будетъ. Вообще она очень хорошая статья, но ссылки на Чичикова, постоянныя клятвы на Россію—«позорно, позорно» и т. д., все это, по моему, совсѣмъ не нужно. Одной статьей, будь она во сто разъ рѣзче Вашей, ничего не сдѣлаешь. Надо постоянно долбить въ одно мѣсто, а это можно только при извѣстномъ спокойствіи. Въ Европѣ учитель тоже не въ авантажѣ, тоже—какъ римскій рабъ. Это ужъ такое проклятіе на просвѣщеніи. «Не о хлѣбѣ единомъ»—это какъ бы завѣщаніе учителю вездѣ. Я

разумѣется совершенно согласенъ съ Вами, что надо просвѣщенію средства, надо поднять профессора и учителя, но объ этомъ слѣдуетъ говорить спокойнѣе. Что дѣлать, коли иначе нельзя. А главное безъ Чичикова и т. п. господъ, которыхъ надо оставить литературной критикѣ, ибо обобщать всѣхъ съ Чичиковымъ совсѣмъ не убѣдительно[1]). О концѣ статьи—я не согласенъ съ нимъ, но разъ статья идетъ за Вашей подписью, пусть будетъ такъ. Но еслибъ я прожилъ 200 лѣтъ и имѣлъ бы все время дѣтей, я не сталъ бы ихъ образовывать по renaissance'у лѣтописей, былинъ, монастырей и «Словъ». Храни отъ этого Господь. Ни Самаринъ, ни Аксаковъ и ни другіе, которыхъ Вы въ свидѣтели призываете,—по лѣтописямъ, былинамъ и «Словамъ» не образовывались. Конечно, русскому надо учиться и знать Россію основательнѣе, но безъ Европы ничего не подѣлаешь и на лѣтописяхъ далеко не уѣдешь. Вѣдь это монашеская капитель, въ которой есть перлы, конечно, но ихъ очень мало. И лѣтописями, былинами и «Словами» также можно морить, какъ грамматикою латынянъ и грековъ.

Вашъ А. Суворинъ.

3 марта 908.

---

[1]) Все, что говорится въ этомъ письмѣ, и говорилось въ предъидущемъ, объ *отвратительности* вѣчныхъ ссылокъ на Гоголя и его «Петрушекъ» и «Чичиковыхъ»—полно у Суворина литературнаго вкуса. Дѣйствительно, это что-то *не порядочное*. Но мы «ругаемся Гоголемъ», какъ «ругаемся площадными словами»,—и эта ругань 40 лѣтъ стоитъ въ печати. Замѣчательны у Суворина и слова, что эти сравненія съ «Петрушками» *ничего не доказываютъ*, и говорятъ только о пустотѣ сердца и о пустотѣ воображенія у самого нападающаго,—о безсиліи его къ литературѣ. *В. Р.*

LI.

20 апрѣля 908.

Василій Васильевичъ!

Я бы Вамъ посовѣтывалъ развить еще тѣ мысли, которыя Вы изложили въ своей сегодняшней статьѣ «Около народной души». Многое еще не ясно, но кое-что очень хорошо сказано и удачно. Я прочелъ это, какъ стихотвореніе, но мнѣ кажется, тутъ необходима и проза съ ея логикою. Что значитъ «войдти въ душу народную, оглядѣться тамъ, многому, очень многому научиться; ну, а кое-въ-чемъ—вступить въ борьбу» и проч. Славянофилы тоже говорили о паученіи у народа многому, и никогда не разобрали—чему? «Метерлинковскій свѣтъ»—не понимаю. Мнѣ его люди въ драмахъ кажутся дѣтьми съ какими-то первоначальными импульсами. Это Петрушкинъ театръ, съ куклами, для маленькой аудиторіи. Исполнители должны не говорить, а шептать. Я читалъ Ваше предисловіе къ чему-то изъ Метерлинка, но, читая, думалъ, что Вы не читали того[1]), къ чему предисловіе писали. Это съ

[1]) Дѣйствительно—не читалъ, и сказалъ это переводившему лицу, которое, не смотря на это признаніе, упросило все-таки «какъ-нибудь и что-нибудь» написать. Я напис ль нѣсколько не идущихъ къ дѣлу полу-шутокъ. *В. Р.*

Вами бываетъ, и можетъ быть это не худо, потому что свободнѣе говорить свое, чѣмъ о чужомъ. Я Метерлинка люблю, но въ томъ порядкѣ вещей, о которомъ Вы говорите въ своей статьѣ,—я не понимаю, что значитъ «Метерлинковскій свѣтъ»[1]). Вообще, повторяю, хорошо бы прочесть продолженіе Вашей статьи.

Вашъ А. Суворинъ.

---

[1]) Я читалъ (съ недѣлю, *переживая* каждое предложеніе) первыя страницъ 6 «Сокровища смиренныхъ». И началъ, послѣ этого чтенія, называть «Метерлинковскимъ свѣтомъ» видѣніе и осязаніе тайной жизни души,—ея, такъ сказать, морфологіи, а не физіологіи; *души* и—*судьбы* человѣка. Напр. «я *знаю*, что̀ будетъ завтра» и—«я *предчувствую*, *тревожусь*, *томлюсь* о то̀мъ, что̀ будетъ завтра»; вѣрнѣе: «*завтрашнее*—уже *сегодня* (во мнѣ и въ мірѣ) *живетъ*», и это-то сліяніе «сегодня-завтра» рождаетъ «мое предчувствіе». Всѣ послѣднія феномены и суть «Метерлинковскій свѣтъ» въ моей, можетъ быть ошибочной, терминологіи. *В. Р.*

LII.

(Карандашомъ на конвертѣ).

Василію Васильевичу Розанову:

Ваша сегодняшняя статья прелесть.

Суворинъ.

---

[1]) Послѣ статьи въ «Н. Вр.» № 11829 за 1909 г.

LIII.

Василій Васильевичъ!

Будьте милы, прочтите мой отвѣтъ и сдѣлайте свои замѣчанія откровенно, если найдете неловкости и т. д. Я воспользовался Вашими замѣчаніями, иначе расположилъ первую часть и устранилъ почти все то, на что Вы указывали. Еслибъ Вы сдѣлали это сегодня, я былъ бы Вамъ очень благодаренъ.

Вашъ А. Суворинъ.

(1909 ?)

LIV.

Василій Васильевичъ!

Вамъ бы самимъ сходить на Съѣздъ и написать свои впечатлѣнія. Отчеты «Новаго Времени» мертвы и бездарны. Ни одинъ читатель, желающій уяснить себѣ, что такое происходитъ на Съѣздѣ, ничего не пойметъ изъ безсмысленныхъ строчекъ, украшенныхъ фальшивой головой Апрена.

Ваша статья оригинальна, смѣла и правдива. Въ ней недостаетъ только того, что проституція на самомъ дѣлѣ давно существуетъ тамъ, гдѣ женщинъ не называютъ проститутками. Удивительно, что проститутка—предтеча и проповѣдникъ свободной любви, учительница новыхъ поколѣній, «лучъ въ темномъ царствѣ», отрицаемомъ радикальными воззрѣніями. Вотъ чепуха-то!

Вашъ А. Суворинъ.

23 окт. 910.

LV.

16 авг. 911. Франкфуртъ-на-М.

Дорогой Василій Васильевичъ!

Изъ моего невольнаго далека посылаю Вамъ горячую благодарность за то удовольствіе, которое Вы доставили мнѣ своимъ фельетономъ о русской наукѣ. Можетъ быть, слово «удовольствіе» слишкомъ мелко, но Вы понимаете, что подъ нимъ должно понимать нѣчто очень важное. Дѣло не въ моемъ удовольствіи, а въ удовлетвореніи очень и очень многихъ людей. Такъ еще никто не говорилъ,—такъ смѣло и такъ справедливо. Вопросъ объ ученыхъ нашихъ силахъ тщательно обходили и все сваливали на режимъ. Нѣтъ спора, онъ виноватъ, но отчего же у нѣмцевъ и у французовъ и при старомъ режимѣ процвѣла наука и давала поколѣніямъ молодежи тѣ знанія, безъ которыхъ трудно служить родинѣ и складывать культуру. У насъ представители науки университетской даже талантливымъ людямъ ничего не давали. Ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Лермонтовъ, ни Толстой ничего отъ нея

не получали. Начиная съ Петра, все у насъ самоучки. Популярная литература вся переводная и довольно безграмотная. Даже популярная русская исторія написана французами и англичанами, лучше, чѣмъ у Иловайскаго. Даже о русскомъ эпосѣ лучшее сочиненіе французское, по признанію Ореста Миллера. Даже въ этнографіи нѣмецъ Палласъ много сдѣлалъ. Вы написали свою статью также смѣло и даровито, какъ, помните, написали статью въ отвѣтъ Похитонову[1]). Вы, можетъ быть, не знаете, что «Дядю Ваню» Чехова театральный Комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ Московскаго университета, не допустилъ на Императорскую сцену за то, что онъ осмѣлился осмѣять профессора. Вотъ какъ представители науки поступили, какъ цензора. И все, что они писали сами, было до тошноты цензурно. Ни одного историческаго, ни одного общественнаго вопроса они не касались, какъ слѣдуетъ, а выбирали темы изъ временъ допотопныхъ въ исторіи, напримѣръ; хорошо Вы коснулись и Бѣлинскаго. Но къ Герцену Вы слишкомъ строги.

Надо повторять эту тему о русской наукѣ. Надо поддержать мужество тѣхъ ученыхъ, которые служатъ дѣйствительно наукѣ[2]). Вотъ что я Вамъ еще скажу.

---

[1]) Описка или не твердая память—«Пѣшехонову». *В. Р.*

[2]) Эти слова Суворина даютъ мнѣ поводъ исправить одну не столько ошибку, сколько вообще непріятность. Достойный нумизматъ, *В. М. Алексѣевъ*, написавшій первый на русскомъ языкѣ трудъ «О китайскихъ монетахъ», принялъ за *личный на себя намекъ* слова мои объ ученыхъ, «изучающихъ китайскіе и индѣйскіе миѳы». Незадолго до моей статьи онъ показывалъ мнѣ китайскіе миѳическіе (изъ *Среднихъ Вѣковъ* Китая) рисунки. Хотя я на самомъ

Борясь со своей болѣзнью, я имѣлъ дѣло со спеціалистами въ Берлинѣ, Фрейбургѣ, Эмсѣ и наконецъ здѣсь, во Франкфуртѣ. Какая разница съ русскими. Какъ они работаютъ быстро, смѣло, какіе у нихъ пріемы техническіе. Я видѣлъ и старыхъ, и молодыхъ, и среднихъ лѣтъ врачей. Мечниковъ прямо посылалъ меня къ нѣмцамъ, въ особенности къ Шпису здѣсь во Франкфуртѣ, который дѣлаетъ мнѣ операцію горла. Крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ А. Суворинъ.

дѣлѣ нисколько въ этомъ не виновенъ, т. е. его *не имѣлъ въ мысли*, тѣмъ не менѣе приношу ему мою извинительную скорбь. Наряду со всѣми Эрмитажными учеными онъ принадлежитъ къ тѣмъ русскимъ «дѣйствительно служащимъ наукѣ ученымъ», о которыхъ упоминаетъ Суворинъ къ людямъ рѣдкихъ знаній и рѣдкихъ способностей. *В. Р.*

LVI.

29 сент. 911.

Милый Василій Васильевичъ!

Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ на Ваше чудесное письмо. Вамъ бы слѣдовало въ газетѣ сказать о Столыпинѣ то, что мнѣ написали: превосходно Вы чувствуете, что это «былъ первый министръ-гражданинъ и даже чуть-чуть первый министръ-обыватель». Мнѣ даже кажется, что обывателемъ онъ былъ не «чуть-чуть», а много. Ему надо было жить. Можетъ быть тогда онъ памятника-бы не скоро дождался, но онъ сдѣлалъ-бы то, что всего важнѣе — вбилъ въ русскую землю конституцію и то національное чувство, которымъ онъ былъ полонъ. «Я плохой публицистъ»,—говорите Вы. Это неправда. Всѣ Ваши передовыя статьи, безъ подписи, превосходны. Если не *всѣ*, то большинство ихъ. Подпись Вамъ мѣшаетъ иногда быть публицистомъ. Публицистъ, строго говоря, не долженъ подписываться. «Times» и вообще англійскія газеты анонимны. Имя *подталкиваетъ* перо именно тогда, когда перо должно двигаться го-

рячо, безъ остановки, безъ уклоненій. Въ критикѣ, въ статьяхъ подписанныхъ, личныхъ, уклоненія естественны и нужны; въ публицистическихъ газетныхъ статьяхъ уклоненія мѣшаютъ и ослабляютъ.

Я радъ, что вынесъ операцію, длинную и мучительную. Но голосъ мой, увы, пропалъ, и порою я могу только шептать. А я говорить любилъ и вдохновлялся говоря больше, чѣмъ когда писалъ. Можетъ быть, я мало слушалъ, поэтому мнѣ и полезно послушать. Буду слушать. Душа, конечно, не старѣетъ, но такъ какъ отъ тѣла она очень зависитъ, то ее можно уподобить человѣку, который износилъ свой костюмъ и голодаетъ. И холодъ, и голодъ, и стыдъ бѣдности мѣшаетъ Вамъ и въ старости—въ ней и холодъ, и голодъ, и стыдъ. Письмо это, можетъ быть, Вы получите вмѣстѣ съ тѣмъ, что и особа моя появится въ Петербургѣ. Говоря откровенно, мнѣ не хочется Петербурга съ его суетою, и холодомъ, и слякотью. Мнѣ теперь осень совсѣмъ напоминаетъ мою старость. Лѣтомъ гораздо лучше. Берлинъ мнѣ не нравится. Франкфуртъ куда лучше, живѣе и теплѣе. Д-ръ Шписъ, у котораго я лечился, очень симпатичный человѣкъ: ему 48, моложавъ, чудесные глаза, прекрасно играетъ на роялѣ, поетъ, танцуетъ, когда танцуютъ, и рѣжетъ въ горлѣ съ увѣренностью необыкновенной. Недавно онъ черезъ носъ вырѣзалъ опухоль въ мозгу одному человѣку, которому грозила слѣпота. Первое мое впечатлѣніе отъ него было такое, что будто передо мною нашшый молодой человѣкъ, съ открытымъ и

глубокимъ взглядомъ и съ вѣрою во что-то. Черезъ мѣсяцъ онъ велѣлъ мнѣ опять пріѣхать къ нему по казаться. И я поѣду. Такимъ образомъ, дѣло мое еще не кончилось. До свиданія.

Вашъ А. Суворинъ.

LVII.

Милый Василій Васильевичъ!

Читали-ли въ «Историческомъ Вѣстникѣ» объ Вашей арестованной книгѣ (маіі). Если нѣтъ, прочтите.

У насъ совсѣмъ почти игнорировали юбилей митрополита Антонія, посвятивъ ему нѣсколько строкъ на другой день. Это обидно. Не скажете ли Вы о немъ, объ этой 25-ти-лѣтней его службѣ, т.-е. я хочу сказать—о службѣ его въ чинѣ митрополита. Я разъ съ нимъ говорилъ и онъ мнѣ понравился. Онъ такъ одушевился, говоря о бюрократіи и притѣсненіяхъ духовенства, что, казалось, говоритъ молодой человѣкъ. Можно передовую, если не хотите отъ себя. Пишу это, самъ мало разумѣя о заслугахъ митрополита. Есть ли онѣ? Можетъ ихъ нѣту? А можетъ быть онѣ есть? Тогда нехорошо, что мы промолчали о человѣкѣ, который самъ добился высокаго сана.

Вашъ А. Суворинъ.

4 мая 912.

Я вообще того мнѣнія, что выдающіеся люди должны обращать на себя вниманіе печати. Что же страна безъ нихъ?

LVIII.

[На краю корректуры, вѣроятно за годы 1903—07].

В. В., очевидно, хочетъ реформировать церковь. Я думаю, что черезъ газету эту реформу провести невозможно не только въ самодержавномъ государствѣ, гдѣ фетишей такъ много, но и *во всякомъ* другомъ [1]).

[1]) Обращено къ редактору, вѣроятно О. Н. Булгакову, на поляхъ возвращенной мнѣ («не пойдетъ») корректуры. Безъ подписи. Вѣроятно въ 1903 г. Замѣтку я отрѣзалъ отъ статьи, и потому не могу возстановить времени. *В.Р.*

Предсмертное.

(Карандашомъ на листочкахъ).

1.

[«]*Уединенное*[·] *читалъ* въ Москвѣ [1]) и *одобрялъ* [,—] не все.

2.

Когда я читалъ, я все думалъ: а все-таки Розановъ не все говоритъ, что знаетъ, [—] главнѣйшимъ образомъ, что чувствуетъ. А это было бы очень интересно [2]).

3.

Неужели книжка арестована? Не понимаю, за что.

4.

Вы не подѣйствовали на цензуру своей статьей [3])?

---

[1]) Куда ѣздилъ къ докторамъ, для новаго способа леченія. *В. Р.*

[2]) Объ «Уединенномъ». *В. Р.*

[3]) Статьей касательно неразличенія цензурою, что̀ «порнографично» и что̀ *не* «порнографично». *В. Р.*

5.

Отвратительно не говорить. Еслибъ Толстой былъ въ моемъ [положеніи], онъ все писалъ бы. А я не могу.

6.

Я вообще чувствую себя скверно, тяжело.

7.

Никакой склонности къ писанію. Самъ не знаетъ, что дѣлаетъ и о чемъ заботится [1]).

8.

Оно слишкомъ политикою наполнено и спортомъ [2]).

9.

Я вѣдь балуюсь, лечась. А я знаю, что скоро умру.

10.

Что вы думаете о нашемъ положеніи? Политическомъ и проч.

11.

Читали вы Толстого, посмертныя?

[На мои слова, что читалъ и не понравилось,—съ живостью движенія:]

Даже [«]Хаджи Муратъ[»],по моему, не важно[«].Капитанская Дочка[»] въ сравненіи съ этимъ—Храмъ.

---

[1]) Не помню, о комъ. Можетъ быть о Борисѣ Алексѣевичѣ, сынѣ своемъ? *В. Р.*

[2]) О «Вечернемъ Времени». *В. Р.*

Я всё болею, лечусь. А

я знаю, что скоро умру.

12.

Я съ нимъ говорилъ, показался онъ мнѣ совсѣмъ не сложнымъ человѣкомъ. Сидѣлъ онъ у меня съ часъ и говорилъ всякій вздоръ [1]).

13.

Вы бы на эту тему написали [2]).

[(Не мнѣ, а кому-то, но на листкахъ, гдѣ писалъ и мнѣ)].

1.

Никого не было.
Ѣздилъ съ Сашей и Василіемъ на острова.

2.

Говорилъ вамъ Мих[аилъ] Ал[ексѣевичъ], что премьеръ жаловался на васъ, что Вы не одобряете его [бриначу? финачу?] [попутно]?.

3.

Развѣ у Н. Ге мы купили пьесу? [3]).

---

[1]) О Григоріѣ Распутинѣ. *В. Р.*

[2]) О гибели англійскаго судна «Титаникъ». Я говорилъ, какъ прекрасно умерли погибшіе. *В. Р.*

[3]) Сохраняю эти замѣтки, какъ нѣсколько характерныя для его предсмертнаго состоянія. Онъ весь былъ погруженъ въ «труды и дни», въ «сегодня»: и это говоритъ о великомъ покоѣ его души и совѣсти. *В. Р.*

2007051104

Цѣна 2 руб.